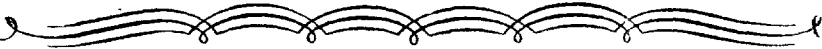

П И С Ь М А

1. Е. А. и С. Н. Карамзины

26 мая (7 июня) 1836 г. Петербург

Е. А. Карамзина

Здравствуй, мой хороший, мой любимый Андрей... Беккер входит, а Буш должен прийти.¹ Я направляюсь в комнату Вольдемара,² которому, слава богу, стало лучше; я сообщу тебе, что скажут врачи...

Только что врачи ушли. Они находят, что болезнь идет своим порядком, как нельзя лучше, что это — ревматическое воспаление, которое всегда трудно поддается лечению, но, во всяком случае, оно протекает без осложнений. Не беспокойся обо мне, сама я не беспокоюсь. Не хочу лгать и скажу тебе, что, конечно, на душе у меня очень грустно и уныло; привыкнуть к разлуке с тобой сердцу моему труднее, чем рассудку. Я горько сожалею о тех минутах, когда ты был резок со мной, когда ты раздражал меня. Правда, болезнь Вольдемара сильно отвлекает меня от других чувств; но теперь, когда с улучшением его состояния я стала спокойней за него, мне будет чувствительнее твое отсутствие, также и отсутствие Сашки³ — не как собеседника, а как милого мне своим лицом, своими забавными шутками. Только что я получила от него письмецо с оказией. Он нежно целует тебя и огорчается, что не имел ни минуты, чтобы написать тебе несколько строк. Он покинул нас вечером в воскресенье, так как в <еликий> к.<нязь> тоже поехал в Красное.⁴ У них было бесконечное учение, в продолжение целого дня.

А что делаешь ты, мой милый, дорогой Андрей? Мне трудно представить тебя вне твоих привычек, вне твоего домашнего и общественного круга. Да будет с тобой милосердие божие. Будь верующим; это не пустое название, это — чувство, возвеличивающее человека, чувство, необходимое в его жал-

ком существовании. Христианская религия — конечно, та, которая развивает и питает наиболее ценные, наиболее высокие чувства человека — любовь и самоотречение. Я не проповедую, я говорю языком сердца, убежденного и желающего твоего счастья. Я говорю и за себя; чувство это сделает тебя немного более снисходительным к твоей матери, которую ты находишь чересчур требовательной. Итак, я требую и очень настоятельно, чтобы ты берег себя и чтобы ты постоянно думал о том, как я буду страдать, если с тобой случится что-нибудь дурное.

Прощай, мой дорогой сын, не стану говорить тебе, как я тебя люблю, — ты это знаешь! Как молю господа, чтобы он сохранил тебя добрым и здоровым! Прижимаю тебя к сердцу со всей материнской нежностью. Софи⁵ расскажет тебе о своих вчерашних развлечениях и о тех, что ожидают ее сегодня, — ведь день такой чудесный, первый день, пахнущий летом. *Христос с тобой, мой милый, и с нами*.

С. Н. Карамзина

Здравствуй, мой хороший, мой милый, милый Андрей, сейчас полдень, и по нашим расчетам ты должен быть лишь в нескольких часах от Травермюнде.⁶ С каким трепетом мы следовали за тобой в твоём путешествии, всё время наблюдая за ветром и волнами и с радостью убеждаясь в их благосклонности! Мне всё время представлялось твое нежное лицо в слезах, склонившееся к борту пироскафа; тысячу раз в продолжение дня сердце мое рвется к тебе с невыразимой тревогой и нежностью. Ты не поверишь, как мне было грустно войти в первый раз в твою пустую комнату. Всегда говорят, что при разлуке достойны более сожаления те, которые остаются; и я, испытавшая оба эти огорчения, я чувствую, что это очень верно, и радуюсь при мысли, что на тебя, мой милый брат, пала меньшая доля печали. Наша бедная маменька, как обычно, сильна и покорна судьбе, но как она горько плакала, читая твою прощальную записочку. Береги себя, дорогой Андрей, и будь архисторожным ради нее. После твоего отъезда у нас постоянно были гости, и я этим не огорчаюсь. Это разгоняет черных мотыльков, которые надоедают в уединении, когда воображение рыщет во всех направлениях, преследуя дорогого путешественника. Блудовы⁷ пишут мне каждый день, спрашивая известий о Вольдемаре и повторяя, что они тебя очень любят, очень благодарят за твое посещение, что отец их очень сожалеет, что не видел тебя, — я обещаю всё это тебе передать. Добрый Вяземский⁸ навещает нас ежедневно, тетушке⁹ нездоровится, у нее болит нога. Дантес¹⁰ не появляется больше и о своем су-

ществовании напомнил только тем, что прислал банку парижской помады. Вчера был день рождения Пьера, к обеду пришли его братья,¹¹ Вяземский и Мальцов;¹² мы пили за твое здорье, само собой разумеется. Вечером мы отправились на Острова смотреть «Адвоката Пателена»¹³ (довольно плохо сыгранного, особенно в отношении французского языка) у Бабет Голицыной.¹⁴ Мы там протанцевали один вальс и один контрданс; вернулись домой до полуночи, чтобы пить чай с маменькой. Сегодня после обеда поедем кататься верхом с Гончаровыми,¹⁵ Эженом Балабиным¹⁶ и Мальцовым, потом будет чай у Катрин¹⁷ в честь Александрины Трубецкой,¹⁸ в которую влюблены Веневитинов,¹⁹ Мальцов и Николай Мещерский. Завтра всей компанией устраивается увеселительная прогулка в *Парголово* в омнибусе.²⁰ Вот и конец моей повести и моему письму тоже, так как могу опоздать на почту. Прощай, мой ангел, мой обожаемый брат, целую тебя и люблю в тысячу раз нежней, чем могу выразить.

Тысяча приветов Киришбауму.²¹ Как ваше Gesellschaft? ^а Не нарушилось ли оно какой-либо ссорой?

Софи Карамзина.

27 мая / 7 июня, среда.^б

Е. А. Карамзина

Все твои и наши шлют тысячу нежностей. До следующей почты. Прощай, мой дружок.

На обороте: Милостивому государю господину Карамзину во Франкфурт на Майне. До востребования. *Франкфурт на Майне*.

2. А. Н. и Е. А. Карамзины и Е. Н. Мещерская

26—28 мая (7—9 июня) 1836 г. Красное Село—Петербург

А. Н. Карамзин

Ночь с 26 на 27 мая 1836 г. *Красное Село.*

Здравствуй, мой дорогой, милый, добрый Андрей, ты сейчас уже далеко от нас в широком море и совсем близко от Любека. Так как ветер был всё время попутным, то ты, наверное, должен завтра до полудня прибыть в Травемюнде. Как чувст-

^а Товарищество (нем.).

^б Описка, вместо: 26 мая / 7 июня, вторник.

вовал ты себя, морально и физически, во время плавания? Не страдал ли от морской болезни?

Итак, вот я впервые разлучен с тобой; я, с моим нерешительным характером, остался без брата, с которым мог бы посоветоваться, без друга, чьего мнения мог бы спросить. Сколько раз уже случилось, что в минуты беспокойства я искал, сам не отдавая себе отчета, что именно хотел найти (ты ведь знаешь, как я до смешного бываю рассеян), а потом, когда я, наконец, спрашиваю себя, чего же я ищу, я вдруг замечаю, что это тебя мне недостает. И вот в эти-то минуты я страдаю больше всего от твоего отсутствия, потому что сознание его как-то внезапно, словно нечто непредвиденное, врывается и комкает мои рассеянные мысли. В лагере будет еще не так тяжело: во-первых, я уже начал лагерную жизнь без тебя, затем — я почти весь день занят и, наконец, лето всегда дарит мне радости одиночества, которыми я, как ты знаешь, хорошо умею пользоваться и которые умею ценить. Но когда наступит зима и я окажусь один в тех же комнатах, где мы с тобою всегда были вместе и всегда неразлучны, где я начинал скучать, когда ты бывал на дежурстве, хотя бы один день... эта мысль странным образом пугает меня и наводит тоску. Но, по крайней мере, если твое отсутствие заставляет страдать твоих близких, то пусть оно принесет пользу тебе, мой дорогой Андрей; пусть бы ты прежде всего поправился, а потом уж и наслаждался путешествием.

Как я позавидовал твоей судьбе сегодня! Представь себе: Сумароков¹ заставил нас сидеть на конях целые пять часов для того, чтобы испробовать новые придуманные им *построения*! И когда за эти пять часов, имея достаточно времени для размышлений, я сравнивал свое несчастное положение с твоим, я бесился от зависти и ревности. И здорово же я устал, ведь буквально до самой полуночи, когда выпил чаю с верным моим другом Аркадием,² я был занят службой — без единой минуты отдыха. Мне хотелось поболтать с тобой, но чувствую, что не в состоянии, сейчас три часа, а завтра надо встать спозаранку. Нежно обнимаю тебя, дорогой друг, и говорю: до свидания, до завтра.

27 мая, 2 часа пополудни.

Ты, наверное, уже приехал, дорогой Андрей, ты увидел прекрасные чужие края, и теплый, благоухающий воздух немецкого лета расширил грудь твою; пылкая душа твоя возвысилась при виде прекрасной и богатой природы; ты наслаждался и на миг забыл и горести разлуки и свое одиночество на чужой земле; ведь природа в такие минуты заменяет всё на свете:

она и мать, ласкающая тебя и напоминающая о боге; она и как братья, сестры и друзья, собравшиеся вместе, которые восхитительно беседуют с тобой о предметах значительных и в души которых ты изливаешь все свои чувства, без боязни предательства, без страха раскаяния; она и возлюбленная, перед которой ты падаешь ниц и которую боготворишь с таким восторгом, чистым и возвышенным, что чувствуешь себя облагороженным в своих собственных глазах. Всё это, может быть, немного романтично, но очень верно!

Вот за эти-то минуты я тебе завидую, ведь эти минуты являются истинным утешением! Что касается меня, то с добрым моим Аркадием, существом, необходимым для меня в моем одиночестве и без которого я умер бы здесь от скуки и от *тоски*, — с ним мы тоже иногда занимаемся романтикой: мы гуляем ночью, когда бывает возможно, и в темноте воображаем себе, что находимся в прекрасной стране; иногда даже, в светлые ночи, для большего правдоподобия мы закрываем глаза, взбираемся на кучу коровьего навоза, предлагая друг другу видеть в ней красивый холм, и рассматриваем оттуда чудесную природу *Красного Села*; наконец, мы тянем нашу душу за волосы, чтобы возбудить в ней мысли, и такие мы еще дети, что нам это иногда удается.

Маменька и Софи писали мне вчера и сообщили, к большой моей радости, хорошие известия о нашем бедном карлике.³ Буш нашел, что ему лучше, и объявил, что тревожного в его болезни нет решительно ничего.

Вообрази только: с той минуты, как я встал, и до сих пор я опять был занят без перерыва своими бумагами. Теперь должен пойти взглянуть на своих трубачей, которые забавляются под управлением Бекера, а потом опять бумаги, потом приказ, — и вот весь мой день занят таким интересным образом. Впрочем, я начинаю привыкать, и если только будут от тебя хорошие известия, я буду совсем доволен, милый и дорогой мой Андрей. Целую тебя со всей силой моих уст и сердца. Напиши мне скорей. Аркадий нежно тебя целует. Твой любящий брат

А. К.

Е. А. Карамзина

28 мая.

Так как письмо Александра запоздало, чтобы мы могли отправить его с нашим, дорогой и любимым Андрей, ты будешь иметь удовольствие, несмотря на мою скупость, получить два письма — одно вслед за другим. Скажу тебе несколько слов о болезни Вольдемара: она протекает нормально, без осложне-

ний. Послезавтра должен быть кризис; врачи довольны его состоянием. Дай бог, чтобы кризис прошел благополучно, тогда не понадобится много времени для выздоровления, — он ведь молодой и сильный, да и погода стоит прекрасная. Вчера все наши были на пикнике в Парголове, и представь себе твою мать с Лизой⁴ и Николинькой⁵ втроем за обедом — это прямо-таки ужасный развал нашего обычно большого общества. Говорить тебе, дорогой Андрей, как часто я о тебе думаю, как сжимается мое сердце при мысли о расстоянии и о времени, нас разделяющем, это значит сказать, как могла бы я страдать, если бы отдавалась всецело горечи сердца моего. Но, как всегда, стараюсь побороть себя и молить бога о помощи, которой никогда не лишена; и, потом еще, болезнь Вольдемара отвлекает меня от всяких других мыслей. Печаль Александра из-за твоего отсутствия меня тоже очень огорчает; я так хорошо его понимаю. Печаль, которую испытываем мы, не видя около себя любимого предмета, постоянно здесь дотоле находившегося, это печаль, никогда не прекращающаяся. Все эти страдания, все эти жертвы, мой милый Андрей, должны быть вознаграждены твоим отличным здоровьем, физическим и моральным. Прижимаю тебя к сердцу с безграничной нежностью и поручаю тебя милосердию божьему. Благословляю дорогую твою голову. *Николка тебя любит, велел тебе сказать*. Мещерский в восторге: он только что получил из Франкфурта свою одежду.⁶

Е. Н. Мещерская

Я много думала о тебе, милый, любимый мой Андрей, и о новых наслаждениях, наполняющих твою душу при виде богатой и цветущей природы, особенно вчера, когда гуляла по Парголову, своими живописными холмами напомиравшему мне смеющуюся зеленую Германию. День стоял чудесный, общество было молодое, жизнерадостное, смеялись, бегали, падали в траву, поднимались под шумные взрывы смеха зрителей. Мы получили разрешение владельницы Парголова княгини Бутера⁷ на то, чтобы нам открыли ее прелестный дом, и мы уничтожили превосходный обед-пикник, привезенный нами с собой, в прекрасной гостиной, сверкающей свежестью и полной благоухания цветов. Николай Трубецкой⁸ взял на себя дорогостоящую поставку вин и исполнил это широко и щедро. Креман и силлери⁹ лились ручьями в горла наших кавалеров, которые встали все из-за стола более румяные и веселые, чем когда садились, особенно Дантес и Мальцов, *который трещал без умолку*, не жалея наших ушей. Только в десять часов мы смогли оторваться от прелести упоительного вечера, от

цветущих парголовских рош и по дороге сделали остановку на даче княгини Одоевской,¹⁰ чтобы выпить чаю. Что до наших мужчин, то они всюду угостились глинтвейном, который приготовил для них князь-химик¹¹ по какому-то рецепту, найденному в гастрономических архивах средневековья.

Прощай, милый мой, дорогой Андрей, будь здоров, наслаждайся в свое удовольствие, только береги свое здоровье.

Катрин.

**З. Е. А., В. Н. и С. Н. Карамзины, Е. Н. Мещерская
и В. А. Соллогуб**

5—6 (17—18) июня 1836 г. Петербург

Е. А. Карамзина

5/17 июня 1836 г. С.-Петербург.

С каким нетерпением я ожидала твое письмо и с какой радостью получила его, дорогой мой Андрей. Как благодарила я небо за то, что оно даровало тебе столь счастливое плавание. Да будет с тобой милосердие неба, всегда и везде. Спешу сообщить тебе добрые известия о нашем Вольдемаре, который после серьезной болезни находится, слава богу, на пути к полному выздоровлению, ест с жадностью, спит отлично, а сейчас сидит в большом кресле Мещерского, которое так удобно для моих выздоравливающих...

Еще одна радостная, неожиданная весть от тебя, дорогой друг, — твоя франкмасонская посылка братьям и, следовательно, твой счастливый приезд в Гамбург; за эту добрую весть я даже прощаю тебе то, что ты не подумал о матери, хотя я тебе и говорила, что я ревнива (или завистлива, как тебе угодно): внимание, оказываемое другим раньше, чем мне, всегда маленький укол в сердце... Но это только шутка! Лишь бы ты всегда давал о себе добрые вести, мой друг, безразлично, как они дойдут до меня и через кого, лишь бы доходили, это главное. Платки нехороши для здешнего употребления; твои братья рискуют ходить сопливыми, не смея в них сморкаться. Вольдемар хочет сам написать тебе несколько слов, чтобы доказать, насколько хорошо он себя чувствует, хотя и слаб еще.

Я отправила *Лариона* в Царское уже несколько дней назад, чтобы приготовить наш дом, и, как только Буш разрешит В.<ольдемару> ехать туда, мы в нем водворимся, а потом я хочу, чтобы он пожил у Мещерских в Лотошине.¹ чтобы скорей поправиться физически, а также и морально; может быть, это

смягчит немного его характер. Сейчас три часа, а я уже двадцать раз, по крайней мере, отрывалась от письма; пойду одеваться: у нас обедают Вяземские и придут они пораньше, так как твоя тетушка² должна поехать попрощаться с в.〈еликой〉 к.〈нягиней〉³ в семь часов. Она, Надина и Поль⁴ завтра уезжают, и наше письмо пойдет с их пироскафом. Мари Валуева⁵ уже прислала своим родителям несколько писем, дышащих счастьем, и все видевшие их говорят о них как о красивой и счастливой паре.

Александр был у нас только один раз после твоего отъезда, не знаю, сможет ли он приехать завтра, так как сегодня поехал в.〈еликий〉 к.〈нязь〉 навестить их; он написал длинное послание Вольдемару с поздравлениями и, как всегда, говорит тысячу веселых глупостей о своем отвращении к военным тяготам, особенно с тех пор, как его заставили нести сразу две службы: адъютанта и строевого офицера. Для него это не плохо: он такой ленивый и беспечный. Прощай, дорогой Андрей, это письмо не будет запечатано без того, чтобы я не сказала тебе еще несколько слов. Обнимаю тебя с такой же нежностью, как и люблю. *С умилением гляжу на твой портрет, который еще у нас; Орлов обещал скоро кончить*.⁶

В. Н. Карамзин

Тысячу раз спасибо за красивый платок. Одно меня огорчило: ты не вспомнил, что пятого — день моего рождения, иначе ты выпил бы за мое здоровье, и, я уверен, это было бы очень мне на пользу. Прощай, дорогой Андрей, обнимаю тебя крепко, ибо, благодарение богу, силы прибавляются, я совсем поправляюсь. Обнимаю Киршбаума, советую тебе слушаться его во всем. Вот всё, что позволяет прибавить моя ослабевшая рука.

С. Н. Карамзина

Не могу тебе выразить в достаточной мере чувство радости, умиления и счастья, которое я испытала, читая твое нежное, прелестное письмо от 9 июня. Как я узнала в нем всё то, что сама переживала: разлуку, путешествие, развлеченія и одиночество! Терпение, мой добрый брат! Да благословит господь твой путь, да сохранит твое драгоценное здоровье, и всё обойдется и ты без единого облачка вкусишь радости живые и чистые, и огромные, а память о бедной твоей семье никогда их не омрачит, ибо так, к счастью, устроено человеческое сердце: оно хрупко, легкомысленно и забывчиво, оно не умеет долго переживать одну и ту же печаль. Узнаю с радостью и немного с завистью о разнице между климатом Любека и нашим, спра-

ведливо определяемым Киришбаумом как *abscheulich*.⁴ Эдакий ты неблагодарный, осмеливаешься жаловаться на жару, а мы дрожим от холода здесь среди чудесной зелени и распутившейся сирени, которой, увы, уже не найдем в Царском Селе. Я ежду верхом вдыхать ее аромат на наших благословенных Островах, которые сейчас представляют собой чудесные букеты из зелени и цветов, но где нужно быть в движении, чтобы не замерзнуть. Беккер потирает руки и всё твердит: *«Как мы хорошо сделали, что отправили Андрея Николаевича гулять»*.

Наш образ жизни, дорогой мой Андрей, всё тот же, по вечерам у нас бывают гости, Дантес — почти ежедневно, измученный двумя учениями в день (великий князь нашел, что кавалергарды не умеют держаться в седле), но, не взирая на это, веселый, забавный, как никогда, и еще умудряется сопровождать нас в кавалькадах. Когда я упрекнула его за то, что он не приехал проводить тебя, он принял очень оскорбленное выражение и сказал: «Я потерял в нем друга, и было бы нелепо уверять Андрея в том, что я сожалею; он всё понимает».

Ты сошел с ума, если допускаешь, что я могу прочесть твой отзыв о Шипове⁷ Веневитинову, который глубоко уважает Шипова и еще недавно говорил мне о серьезном складе его ума и характера. Они стоят один другого. Этот бедный Веневитинов сейчас — удовлетворенный честолюбец, так как государь сам назначил его в новое министерство *Киселева*.⁸ Он отправляется на четыре месяца во внутренние губернии, ни о чем ином не говорит и отказался от своих проектов любви и брака, в которых замещает его Николай Мещерский, и очень серьезно. Он без ума влюблен в Александрину Трубецкую, за которой ухаживает также и Мальцов на свой лад, взыблительно и без цели, и, кажется, начинает ей нравиться больше других.

На днях мы провели вечер у Вяземских; у них, по случаю дня рождения Поля, *Гоголь* читал свою комедию *Женитьба*; мы смеялись до слез, так как он читает чудесно. Но во всех его произведениях один и тот же недостаток: полное отсутствие выдумки и интриги и большое однообразие смешных мест, всегда вульгарных и тривиальных; *впрочем, самый русский дух, без примеси европейского*. Сегодня он уезжает с тетушкой и надеется повидать тебя в Эмсе.⁹ Вчера я была с госпожой Бутурлиной¹⁰ в Каменноостровском театре, где дебютировала новая актриса, довольно миленькая, мадемуазель Рабю. Хорошо играет и поет у нас еще кузина мадемуазель Бурбье — мадемуазель Буальдье. С ними наша труппа восполнит недостаток в женщинах.¹¹

⁴ Мерзкий (н.с.).

Извещаю тебя о *золотой свадьбе*: Аврора Шерваль выходит замуж за богача Павла Демидова: ¹² какой контраст со скромной судьбой, ожидавшей ее в лице Муханова! ¹³ Кстати, о скромной судьбе. Вольдемар Соллогуб ¹⁴ здесь со вчерашнего дня, но я его еще не видела. Он, очевидно, приехал навестить свою мать, ¹⁵ узнав о смерти госпожи Архаровой, ¹⁶ которая тихо угасла от старости, после того как тщательно привела в ясность свои дела. Катрин Пушкина ¹⁷ еще в Павловске, но говорят, что Соллогуб туда не поедет и пробудет здесь только пять дней. Твоя возлюбленная Надина веселится по-царски в Пскове и пишет своей тетушке, что никогда не забудет проведенные там счастливые дни. ¹⁸

Множество людей поручили мне побранить тебя за то, что ты с ними не попрощался, в частности княгиня Одоевская и мадемуазель Люцереде, ¹⁹ которая просит передать тебе тысячу дружеских приветов. Прощай, дорогой мой Андрей, обнимаю тебя так же, как люблю — поистине, очень сильно. Тысяча приветствий Киришбауму; очень благодарю его за строки, обращенные ко мне; я чрезвычайно его уважаю. Мещерский поручает мне нежно обнять тебя, то же самое он намерен поручить своей жене, чтобы возместить свое молчание.

Прощай, мой нежно любимый брат.

Софи Карамзина.

Е. Н. Мещерская

Спасибо, мой дорогой, превосходный Андрей, за все нежные слова в твоем письме, обращенные к сестрам; я беру из них свою третью часть и очень ею тронута. Дай бог, чтобы продолжались уже видимые улучшения твоего здоровья и твои всё растущие умственные наслаждения. Тогда, откинув всякие эгоистические мысли о себе самих, мы благословим час нашего расставания! Несмотря на глубокую грусть, которую я буду испытывать, покидая добрую маменьку после того, как с радостью привыкла снова быть членом семьи, я хочу поскорей ехать в Лотошино, прежде всего затем, чтобы маменька поторопилась с отъездом в Царское Село, потому что ей не хочется переезжать раньше, чем я уеду, и потом мне жаль пропускать лучшее время года, не почувствовав его. Вообрази, ведь дней через десять дни уже станут короче, а это почти что признак осени, и я так и не успею ни разу по-настоящему насладиться хорошим летним вечером; здешние же прогулки для меня отравлены необходимостью взбираться на эту противную лестницу, которую мне так трудно преодолевать!

Вольдемар как будто очень доволен желанием маменьки отправить его с нами в Лотошино; всякий раз, когда мы с ним говорим об этом, он улыбается, лицо его оживляется. Мы заставим его побольше гулять, побольше вдыхать деревенский воздух; мои невестки,²⁰ такие веселые и такие любезные, рассеют его мрачное настроение, и я уверена, что жизнь в деревне будет ему очень полезна. Да, кроме того, я радуюсь за себя, хотя и огорчаюсь как дочь, так как маменька будет очень одинока. Но что делать! В этом, как и во всем, заключается жизнь — смесь огорчений и радостей! Прощай, мой любимый Андрей, обнимаю тебя за мужа, за сына и за себя с выражением живейшей нежности, и да будет над тобой милосердие божие. Тысяча приветов господину Киришауму.

Катрин.

В. А. Соллогуб

*Пять дней после твоего отъезда, душа моя Андрей, прикатил я в Питер на 5 дней по случаю кончины доброй старушки и пишу теперь тебе на столе Софьи Николаевны, и бардзо⁶ мне жалко, что я тебя не увижу и не обниму. — В четверг еду я zurück.⁷ — Вот моя жизнь ... большая дорога, по которой часто приходится ездить в тележке... Сашку не видал. Он на маневрах. Карла вырос в сажень. — Витебск, где я ныне обитаю, столичный город губернии того же имени, имеет 18 000 ж.<ителей>, из которых $\frac{3}{4}$ все жида, улицы кривые. — Несколько католических монастырей. Впрочем, всё пусто и мрачно. — Комнатка моя над генер.<алом> Дьяковым,²¹ заключает целый стул, полстола и кровать. На столе кипы бумаг, которые я выписываю и отношу в канцелярию. — Впрочем, лето в маленьком городе еще скупее, чем в большом. — Дома каменные, мостовая, знойное солнце... чего еще больше. — Сейчас рассуждал я с Софьей Николаевной обо всем. — Всё по старому. Прощай.

В. С.*

Е. А. Карамзина

Суббота, 4 часа.

После всех почерков — опять мои каракули. Хочу, чтобы ты твердо знал, дорогой сын, что всегда я, первой и последней, думаю о тебе. Ибо, несмотря на всё то, что говорят и чувствуют другие, ничто не может сравниться с очагом материнского сердца.

⁶ Очень (польск.).

⁷ Обрато (нем.).

Я живу в тягостном ожидании: увижу ли или не увижу дорогого моего бедняжку Александра? Погода дождливая, дорога испортится, а он, к сожалению, ничего мне не сказал о своем приезде и мне будет не по себе. Я видела Соллогуба только мгновение, он толст и жирен, страсти не сокрушили его. Только что попрощалась я с княгиней Верой, все мои поедут провожать ее на пароход, я же останусь с Вольдемаром. Помня ограниченность средств, не посылай ты им таких безделок, как платки, дорогой мой. Они не смогут ими пользоваться ни во фронте, ни в университете.

Прощай, дорогой, любимый мой Андрей. Крепко обнимаю тебя. Да будет с тобой благословение мое и твоего доброго отца. *Христос с тобой и с нами*. Тысяча пожеланий милому Киришауму.

На обороте: Милостивому государю господину Андрею Карамзину во Франкфурт на Майне. Вверяется любезному попечению господина Маркелова²² в Русской миссии.

4. С. Н. Карамзина^a

13 (25) июня 1836 г. Царское Село

но тем более приятная в лучшие минуты) прогулка пешком по большому зеленому благоухоающему парку, затем добрая лошадь и много французских и английских книг. Надо было бы иметь ум и сердце совсем пустые, совсем уродливые, чтобы совсем этим не уметь переносить трехмесячное одиночество, — не правда ли, дорогой Андрей, ты считаешь меня неспособной на это?

У меня хорошенькая угловая комнатка с окном, выходящим в наш садик, канапе, туалет, стол и два стула. Что надо еще для скромного существования? (Признаюсь, что у меня есть даже пахитоски). Твои часы, висящие над чернильницей Мальцова, украшающей мой письменный стол, отмечают время, всегда напоминая о тебе, и я нахожу, что время проходит здесь приятно и быстро. С трепетом ожидаю только того часа, который приносит нам известия о тебе. Я <часто>^b делаю вид, что присматриваю понемногу за занятиями Лизы, хотя маменька не проявляет к этому особого доверия. Но разве я не одержала уже победу над своей страшной сонливостью, решившись, начиная с сегодняшнего утра, вставать в семь часов, чтобы гулять с Лизой, как это необходимо для пятнадцатилетней девицы, чтобы позже не прерывать часы ее занятий.

^a Начало и конец письма отсутствуют.

^b Одно слово вырвано.

Ах, эти прогулки! Как они напоминают детство и юность! И всё Царское Село, и даже сама мадемуазель Плюскова,¹ которая всегда тут, в определенное время, чтобы напоминать о прошлом! Она живет в Китайской деревне² и катается всё в той же коляске, с зеленой вуалью и с зонтиком, открытым во всякую погоду. Вчера вечером мы встретились в Баболове³ на чаепитии, устроенном госпожой Шевич,⁴ и это первое свидание прошло очень хорошо. Я боялась какой-либо сцены и нервных припадков, но тут были только улыбки и разные *«милая»* и «Андрей, который был всегда моим любимцем, как он путешествует?» и т. д.

Впервые вчера мы поддались на четвертое приглашение Шевичей, *у которой теперь семь суббот на неделе*. В Павловске образ жизни и оживление неслыханные.⁵ Намедни, когда Маменька поехала в Петербург (для лечения Лизинго зуба), я отправилась туда пешком и в продолжение проведенных там двух часов голова у меня кружилась, глядя на то, как бегают туда и сюда вся эта колония, устраивая увеселительные прогулки и придумывая одинаковые костюмы (белые платья и гирлянды из васильков). Они обменивались шутками, которых я не понимала, и непрерывно смеялись, да так громко, что мне стало почти грустно — из духа противоречия. Катрин Пушкина⁶ бледна и удручена и совсем расстроена тем, что Соллогуб не подал ей признаков жизни. Госпожа Шевич и Александрина,⁷ которым я передала то, что он нам сказал, запретили мне говорить об этом Катрин, но вдруг, не угодно ли, сами надумали передать ей, как слова, исходящие от меня: «Она была бы душой, если бы продолжала еще любить его, он и не думает о ней, он толст, жирен и весел. . .» Она, в полном отчаянии и негодовании, спрашивает меня, правда ли это? Я отрицаю поспешно и говорю, что, хотя он и потолстел, всё же вид у него печальный, он считает себя связанным с ней словом и говорит о ней не иначе, как с уважением и нежностью. Маменька побранила меня за эти пересуды, но зачем же Шевичи забавляются тем, что так глупо клеветают на него, да и на меня тоже! Это старый комедийный прием, а мне так кажется, что ничего нет хорошего в том, чтобы обманывать людей.

Кстати, о любви. Вот Николай Мещерский так от нее сохнет, не спит и не ест, не думает и не говорит, уехал недавно в Лотошино, оттуда в Москву за паспортом, затем должен вернуться в Петербург, а в следующую субботу отплывает в Нордерней вслед за жестокой Александринной Трубецкой. Ее суровость, вызванная в особенности присутствием здесь Мальцова, уступит, возможно, на этом пустынном острове его заботам, его преданности, а также и вследствие холодности другого. Дай

бог, чтоб было так, потому что на него тяжело смотреть: остаток жизни, который еще в нем теплился, угас с отъездом <его милой>^в <?> Добрый Серж^в раздражен этим, а также одиночеством, в котором очутился после нашего отъезда: <ведь>^г он так привык любить нас и жить в нашей семье. Он приезжал сюда и в восторге от Царского Села. Аркадий также, он мечтает поселиться здесь, особенно на время лагерного сбора.

Не знаю, говорила ли я тебе о господине Лёве-Веймаре,⁹ французском писателе, который был в одно из воскресений у Мещерских с князем Элимом.¹⁰ Последний — очень приятный, остроумный и разговорчивый, без всякого самодовольства; мы вместе катались верхом, и разговаривать с ним было очень интересно; что же касается другого, то на вид это щеголь, очень элегантный и слащавый и, как послушаешь его, большой поклонник русских. Николай Мещерский спросил у меня, не была ли я тронута до слез тем, что он сказал по поводу «Истории» папеньки, что, мол, это книга, которая его никогда не покидает. Я отвечала, что это лишь вежливая ложь; тогда Николай возразил: «А вы и действительно хотели бы, чтобы он всегда возил в своей коляске все сорок томов?» — «О, в „Истории“ папеньки не сорок томов — ну, а сколько же?» — «Почем я знаю, я не открывал ее и надеюсь, что никогда не открою». — «Это не делает вам чести, но прощается потому, что вы не знаете русского языка». — «Нет, не поэтому, а потому, что я ненавижу русскую историю, *все эти Ярополки, Святополки». — «Годны только на полки»*, — подхватывает Мальцов, расхохотавшись. — «А вы тоже „Историю“ не любите?» — «Грешный человек, не читал»*. Вот полная противоположность вежливости Лёве-Веймара!

На обороте: Милостивому государю господину Андрею Карамзину в Эмс. До востребования. *В Эмс пироскафом*.

5. А. Н., Е. А. и С. Н. Карамзины

3—9 (15—21) июля 1836 г. Красное Село—Царское Село

А. Н. Карамзин

3 июля 1836 г. *Красное.*

Здравствуй, дорогой и милый Андрей, что подделываешь? Я был очень рад, приехав прошлый раз в Царское, найти там твое письмо, и, как обычно, читая описание дней твоих странствий и независимости, я ощущал, глубоко ощущал, сколь ты счастлив, и я почувствовал, как жестоко волнуется желанием

^в Два слова вырваны.

^г Одно слово вырвано.

моя бедная душа, и сердце мое сделалось печальным, а чело — задумчивым, и маменька выбрала меня еще больше обычного за мою угрюмость, ибо нужно тебе сказать, что в Царском, когда я туда приезжаю, меня встречают потоки материнских и сестринских укоров по поводу моей угрюмости, и эти укоры прекращаются лишь с моим отъездом. Да, милый мой Андрей, это так, угрюмость — моя главная черта. Ну что ж? Я и не утверждаю, что наделен сильным характером и душой мужественной, способной противостоять тяготам жизни; спору нет, я слаб, легко прихожу в уныние и чувствую отвращение. Заботы не созданы для меня, или, вернее, я не создан для забот; я рожден, чтобы жить беспечно и спокойно, я рожден, чтобы не думать сегодня о том, что стану делать завтра, чтобы не заботиться с том, что подумает о моих поступках и речах тот или иной, стоящий еще меньше, нежели я сам; я рожден, чтобы прежде всего быть счастливым, ибо никто не умеет лучше меня довольствоваться малым. Вольная, беззаботная жизнь? Без нее мне и свет не мил! Оттого-то я несчастлив. Ибо, если я угрюм, глуп, необщителен, скучен, то причиной тому мои заботы, мои волнения и все те житейские мелочи, которые для других проходят незамеченными и которые моя душа не может переварить, которые ее поглощают и делают больной. Иногда мне случается более часу просиживать в одиночестве, в совершенной бездейственности, в столь полном упадке духа, что сердце мое становится совсем черным; затем, по прошествии этого часа страдания, близкого к отчаянию, я выхожу из своей хижины — лицо мое пылает, а голова наполнена горестным хаосом, и вдруг солнечный луч, благоухающее дуновение, отдаленное пенье, красивое облачко над горизонтом, наконец, какой-нибудь пустык, сущий пустык возвращает меня к природе, которая не говорит мне о мелких горестях жизни, — и я забываю свои заботы и треволнения, и сердце мое оттаивает, и чело проясняется, и я словно пробуждаюсь от какого-то кошмара.

Вот, братец, каков твой брат, и такой, как он есть, он не так уж плох, ибо таким его создал бог, а бог плохого не сотворит. Вот почему он и пребывает по целым дням в дурном настроении, вот почему он скучен и глуп — ведь он полагает себя хорошим таким, каков он есть. В то время как брат твой пишет тебе, стоит ночь, и люди спят в своих постелях, и если бы твой брат не писал тебе, он бы читал или сидел в кресле, погруженный в раздумье, потому что он не проводит ночь в постели, подобно прочим людям. Почему же так? Может быть, ему мешает уснуть поэтическое вдохновение? или же угрызения совести? или это болезненная бессонница? Нет, ничего подобного. Чувствует он себя превосходно, он толстенький и

розовенький, его совесть спокойна, и уже давно ему не ведомо божественное вдохновенье, дитя юной и беззаботной души, полной несбыточных надежд. Почему же он не в своей постели, не смотря на ночь, которая приносит успокоение утомленным смертным? Почему проводит он ее в кресле, занимаясь или ничем не занимаясь и порой, словно дитя, уступая сну? Дело в том, что твой брат ожидает приказа, который ему приносят иногда в три часа, иногда в пять часов утра... Проклятье!!! Какая проза! А утром, чуть свет он уже должен быть у некоего толстого, басистого малоросса с манерами белого медведя.¹ Вот почему твой бедный брат говорит о прозаических вещах, о заботах, скуке и т. д. Бедняга! он ведь почти не спит; как он, должно быть, похудел — вовсе нет; я уже говорил, что его дородности могли бы позавидовать все окрестные каплуны. Разглагольствуя так, я слышу волюнку деревенского Миртиля, у которого вместо Хлои² лишь стадо коров и который кадит фимиам не более поэтичный, нежели *тютюн*, иначе называемый *пердунец*. Сегодня я особенно счастлив: еще только три часа, а я уже покончил со всеми моими канцелярскими делами и остаток ночи принадлежит мне. Увы! Этот остаток ночи кончается в шесть часов утра, и ежели я употреблю его на писание этого письма, то, верно, очень тебя люблю. А кстати, ты, кажется, без конца над нами издеваешься твоими вечными обещаниями отдельных писем каждому из нас.

А как ты находишь этого доброго господина Такого-то с его бакенбардами, в которых застрял pistolетный пыж, но сохранившего голову целой и невредимой.³ Этот добряк настолько привыкнет к тому, что его постоянно едва не убивают, что скоро не сможет ни пить, ни есть, если перед тем на его особу не будет произведено какое-нибудь маленькое покушение. Впрочем, мне это, пожалуй, и безразлично: ты хорошо знаешь, что я не силен в политике. Завтрашний день для нас много важнее, нежели день, когда произошло покушение на жизнь короля-гражданина; я имею в виду артиллерийские мажоры, к которым мы готовились сорок дней и сорок ночей в дождь, ведро, грязь, при солнце и при луне, по шесть-семь часов кряду.

1 июля я не поехал в Петергоф, где, говорят, праздник был очень хорош благодаря отличной погоде.⁴ Софи была там, а мы с Аркадием весь день провели в Царском с маменькой и Лизой и вернулись очень довольные, ничуть не жалея о петергофском празднике. Кавалергардский полк только сегодня пришел в *Красное*, а Дантес уже дважды был у меня. Что же до наших денежных дел, то, к сожалению, должен сказать тебе, что

они отнюдь не улучшились: лошади нимало не проданы, но поскольку все они сейчас в *Красном* и, по крайней мере, служат мне, я решил набраться терпения; мой бедный *Мещанин* всё хромает, и я отсылаю его *на траву*, хотя долгов от этого, разумеется, меньше не станет. В общем es ist несчастье mit Unglück verknüpft und verbunden.^а В настоящее время я читаю «Reisebilder»,^б которые доставляют мне большое удовольствие, ничего не пишу, а в остальное время, когда я не на учении, не в канцелярии и не у малоросса, *я большей частью лежу на постели, что очень приятно*;^в когда же я говорю это маленьке, она говорит, что я свинья, а иной раз называет меня поросенком. Почему так? Обедаем мы артелью — *Евреинов, Поликарпов, Россет*, я и *Хрулев*. ^г Последний, конечно, почетный член артели и сверх того *олицетворенная гранатная трубка или шрапнель*. Он изобретает гранаты, картечь, часы, руки у него всегда в смоле, дегте, порохе и т. п. и похож он, как две капли воды, на охотничий сапог. Он решительно глуп, и его изобретения ему в этом не уступают. Софи, без сомнения, тебе говорила, что брак имперского барона Иксюля^д разстроился. Я же сообщаю тебе, что поговаривают о бракосочетании Катрин П. <ушкиной>^е с Давыдовым,^ж ее первой любовью, хотя и вопреки ее воле (между прочим, Вольдемар С. <оллогуб>^з ни разу с ней не виделся за время своего пребывания здесь), и о женитьбе Жоржа Шев. <ича> на одной барышне из знатной семьи.^и Всё это забавно, не правда ли, очень забавно, но это наша жизнь. Что до тебя, то смотри, не женись там за границей. Обними меня так же крепко, как я тебя обнимаю и люблю, и будь здоров.

А. К.

Привет твоему спутнику кандидату богословия Теодору Киршбауму.

Е. А. Карамзина

Увы, мой хороший или, вернее, мой дорогой Андрей, вот уже почти две недели, как мы не имеем от тебя писем, хотя должны были их получить тотчас же после твоего прибытия в Эмс. Это не только меня удручает, но я начинаю беспокоиться. Прошу тебя, мой милый друг, не будь небрежным, а я не буду требовательной; лишь бы мне получить от тебя каждую неделю по несколько строк, и тогда я буду довольна. Прежде чем стремиться к роскоши, нужно иметь необходимое. Я подаю тебе пример, и не только пример точности, но делаю больше, чем обе-

^а Это — несчастье, с несчастьем связанное и сплетенное (нем.).

^б «Путевые картины» (нем.).

щаю. Я пишу тебе эти строки, а письмо от тебя, быть может, уже в пути. В твоём последнем письме — оно помечено третьим номером¹³ (вот уже какое-то возвращение к порядку) — ты говоришь мне нежные слова и уверяешь в некоторых угрызениях совести; не мучайся о прошлом, что прошло, то прошло, но старайся впредь не заслужить упреков совести, пренебрегая твоей бедной матерью. Впрочем, я молю бога, чтобы причиной твоего молчания оказалась лень, а не нездоровье; при одной этой мысли вся кровь моя приливает к сердцу, но нет, милосердный бог охранит твоё драгоценное здоровье.

Как ты находишь элегию, которую тебе посылает Сашка?¹⁴ Мне она доставила удовольствие. Ты знаешь, меня всё время мучит мысль, что он никогда не будет счастливецом в этом мире, и, читая его письмо к тебе, я только укрепила в этом мнении и ему об этом написала, но он ответил мне таким милым, таким любезным и забавным письмом, что я была очень огорчена, не имея возможности тотчас же его расцеловать. Для меня также большое огорчение, что я его столь редко вижу. Его начальник не отпускает его так часто, как мне бы того хотелось. А ты, дорогой Андрей, сколько, сколько времени пройдет, прежде чем я начну только считать мгновения, которые нас приблизят друг к другу. Как мучительна разлука! Погода у нас стоит такая унылая, что прогулка из развлечения становится трудностью.

Прощай, мой дорогой, горячо любимый Андрей, думай о твоей матери и любви ее за всю ту любовь, которую она к тебе питает. Прижимаю тебя к сердцу и благословляю. Да благословит тебя бог и да пребудет он всегда с тобою. Пусть ум твой и сердце всегда сохраняют память о твоём нежно любимом отце и да поможет это тебе сделаться лучше. *Целую тебя нежно*. Посылаю тебе также письмо Вольдемара,¹⁵ который находится на вершине блаженства и пишет мне очень нежные письма.

С. Н. Карамзина

8/20 июля, среда.

В самом деле, господин Андрей, вы скверный, вы негодный мальчишка. Это подтверждается уже вашим последним письмом, где вы говорите, что четыре дня томительного ожидания ничего не значат, в то время как мы здесь считаем часы и минуты. Этот первый случай неаккуратности позволяет мне также надеяться, что и сейчас это происходит по вине вашей лени, а не по нездоровью. Вот уже две недели мы не имеем никаких известий о вашей чрезмерно нами любимой особе. Вы совсем не заслуживаете, чтобы вам писали; поэтому я сделаю это как

можно более кратко и лишь для того, чтобы сообщить тебе о петергофском празднике.¹⁶ Иначе, если я стану ждать твоего письма, чтобы прийти снова в хорошее настроение, он станет древней историей.

Я отправилась на этот праздник с госпожой Шевич.¹⁷ Погода была божественная, что явилось неожиданностью в конце самого холодного, самого сырого и унылого дня, какой только можно себе представить, словно для того, чтобы показать, что необыкновенному счастью государя ничто не противодействует и даже стихии никогда его не расстраивают. Утро, начавшееся в восемь часов, прошло для меня весьма тоскливо, среди довольно скучного общества, которое прогуливалось черепашим шагом по аллеям, еще пустынным, вероятно, по причине вчерашней ужасной погоды. Единственный приятный момент был, когда всё общество спустилось в сад, чтобы затем, после представления государю, вереницами проследовать назад. Там я встретила почти всех наших друзей и знакомых, в том числе Вяземского (довольно веселого в своем придворном мундире, который он, наконец, решился надеть),¹⁸ Одоевских¹⁹ (он, сделанный камергером, она вся в розовом, с полевыми цветами на шляпе, сильно похудевшая и почти красивая), Надину Соллогуб (она уезжает одиннадцатого числа за границу со своей теткой,²⁰ проведет там более года, зимой, возможно, отправится в Италию, а сейчас прямо в Баден-Баден, где надеется увидеть тебя и где также находится госпожа Смирнова;²¹ бедный Андрей, береги свое сердце), Опочининых²² и Люцереде²³ (которые просили передать тебе множество приветов), Бутурлиных²⁴ (которые уезжают 25-го; Лиза была очаровательна в венке из палевых роз) и Дантеса, увидеть которого, признаюсь, мне было очень приятно. По-видимому, сердце всегда немножко привывает к тем, кого видишь ежедневно. Он неторопливо спустился по лестнице, но, заметив меня, перепрыгнул через последние ступеньки и подбежал ко мне, краснея от удовольствия, на что он не преминул обратить мое внимание и за что я ему отплатила с лихвой; ведь ты знаешь, что я всегда готова краснеть по любому поводу. Он спросил меня, с кем я приехала и что предполагаю делать. Он презрительно бросил: «Как! Вот с этими вы собираетесь провести день?» Но тем не менее был весьма любезен с госпожой Шевич, пожелал быть представленным ей и просил позволения сопровождать нас на вечернюю прогулку, милость, которую она ему оказала тем более охотно, что до этого не переставала твердить всем встречным (к моей великой досаде): «Боюсь, что без кавалеров мы не сможем сегодня отправиться смотреть иллюминацию. Наши кавалеры нас обманули. Не видели ли вы наших кавалеров?» —

и когда у нее спрашивали: «Кого именно?» вообрази, как стыдно мне было слышать: «Пишчевича и Золотницкого».²⁵ Даже и такая надежда была обманута!

После обеда из холодных блюд, который кончился в четыре часа, я содрогалась от перспективы провести часа два по меньшей мере (до начала гулянья) в душной комнатке в обществе пяти изрядно скучных женщин, но господин Бутурлин был столь сообразителен и любезен, что пришел за мной и отвел меня к своей жене; мы нежно распростились, я провела у них критическое время, а затем таскала добрейшую госпожу Шевич по всем садам. Монплезир²⁶ был восхитителен, море освещено заходящим солнцем, апельсиновые деревья благоухали, оркестр играл арии из опер, а Ковалинский²⁷ объяснялся в любви. Оттуда мы отправились к дворцу, чтобы послушать вечернюю зорю. Там я снова увидела кучу людей (которые теперь собирались на костюмированный бал) и опять встретила Дантеса, который уже нас больше не оставлял. Мы прихватили также вашего товарища, бедного Александра Голицына²⁸ (очень грустного и подавленного неприятностями по службе), Шарля Россета,²⁹ Поликарпова и пресловутого Золотницкого, который, наконец, объявился для того, чтобы предложить руку своей тетке на весь остаток вечера. Потом мы все отправились к нам пить чай (чашек и стульев хватило кое-как лишь на половину собравшихся) и в одиннадцать часов вечера двинулись в путь. Я шла под руку с Дантесом, он забавлял меня своими шутками, своей веселостью и даже смешными припадками своих чувств (как всегда, к прекрасной Натали³⁰). Но этот петергофский праздник — настоящий северный праздник, торжественный и унылый, со всеми этими людьми, которые шествуют с вытянутыми лицами, один за другим, скользят, словно тени, в гробовом молчании, без единого взрыва смеха, без единого громкого возгласа, — всё это печально. Не менее печально и то, что у меня кончается бумага. Впрочем, ничего для тебя интересного у меня больше нет. Прощай, друг мой, мой нежно любимый брат, крепко тебя обнимаю и не могу сказать, с каким нетерпением жду от тебя известий.

Софи.

Е. А. Карамзина

Четверг, 10 ч. <асов>

Прежде чем отправить это письмо, дорогой Андрей, мне хочется еще немного поговорить с тобой. Весь нынешний день, как тебе уже сообщили, у нас было семейство Шевичей³¹ — мать, дочери, сын; не было только милой Катрин П. <ушкиной>, она поехала в город к дядюшке. Говорят, она выходит замуж;

не знаю, насколько это верно, ибо я ничего не заметила, да и предмет ее вовсе не интересен. Это господин Пишчевич, кузен их семейства, а другой, ее первая любовь, *Давыдов*-Граммон. Не знаю, откуда идут все эти слухи, но что уж мне точно известно, так это то, что Жорж влюблен в Лидию³² и что, по-моему, это кончится браком. У нас обедали Герсдорф³³ и молодой Вяземский,³⁴ худой и еще очень бледный. Говорят, его болезнь — следствие дурного поведения; я нахожу, что это ужасно, такой юный и уж портит себе кровь, а потом подобные люди женятся и отравляют существование невинных созданий, которым дают жизнь. Страшно подумать! И ты, дитя мое, думай об этом и постарайся никогда не оказаться в столь скверном положении. Для тебя с твоими мокрótами и слабой грудью это может стать гибельным. О боже, боже, какой ужас каждая такая мысль вселяет в мое сердце, исполненное нежности.

Вернемся же к моему рассказу, от которого я всё время отклоняюсь. К чаю приехали также красавица Захаржевская,³⁵ интересная и милая княгиня Алекс.<андра> Трубецкая со своей детски добродушной теткой Нелидовой,³⁶ так что с трех часов до одиннадцати я всё время представляла. Однако у меня была всё же короткая передышка: все отправились на часовую прогулку, от которой я отказалась под предлогом своего старинного ревматизма в плече. Я оказалась права, ибо возвращались они уже под дождем. Устала я, впрочем, не так уж сильно; ты ведь знаешь, я люблю хороших людей. Кроме того, этой ночью я превосходно спала, чего не могу сказать о предыдущей: меня, как тебе известно, во время сна постоянно беспокоит кашель. Погода стоит такая мерзкая, что чувствовать себя хорошо можно лишь чудом. Ну, на сей раз, прощай, *душенька, авось получу письмо от тебя, дай бог! Грустно, Андрюшка, грустно очень. Христос с тобой и с нами *.

6. Е. А. и С. Н. Карамзины

15—17 (27—29) июля 1836 г. Царское Село

Е. А. Карамзина

Среда утром, 15/3 июля 1836 г. Царское Село.

С чего начать? С того, чтобы поблагодарить тебя и сказать, сколь счастливой была для меня эта неделя: она принесла мне два твоих письма, дорогой Андрей, — после всех тревог, о которых я не хотела подробно говорить в последнем письме, но которые были мучительны, — два милых письма, которые рассказали мне так много хорошего про твои дела, твое *житве-

быть*, предмет более интересный и чарующий для меня, чем все самые поэтические описания. Эти описания я тоже люблю, потому что они развивают в тебе способность чувствовать и мыслить и сообщают мне твои ощущения в самый момент любования вызвавшими их предметами. Когда мне приносят письмо от тебя, у меня кровь приливает к сердцу и к голове, но до сих пор, благодарение господу и тебе, дорогой сын, твои письма доставляли мне лишь наслаждение, и, прочитав их, я говорю, как мадам де Севинье своей дочери: «Еще, мне хотелось бы еще твоих писем».¹ Всякий раз, однако, вдоволь насладившись, я ощущаю на сердце какую-то тяжесть, какое-то смутное беспокойство, которое рассеивается твоим следующим письмом. Ты так молод и так неопытен, дорогой Андрей; умоляю тебя, друг мой, будь всегда осторожен в выборе знакомств— всё равно, будь то мужчины или женщины. С твоим столь открытым сердцем и горячей головой ты можешь легко увлечься, будь благоразумен и осмотрителен, не поступай наперекор общественному мнению. Дурное знакомство может привести к неисчислимым бедствиям.

Как ты нас растрогал, рассказывая о несчастном положении того молодого *чиновника*, который впал в меланхолию и близок к безумию.² Лиза после этого целый час проплакала, а я буду тревожиться до твоего следующего письма, чтобы узнать, что с ним случилось. Мне было бы очень досадно, если бы он остался на твоём попечении. Столь печальное зрелище особенно тяжело и прискорбно, когда оно повторяется непрестанно.

Вольдемар Соллогуб сейчас в губерниях по делам службы, а его мать с племянницей³ отправились в Баден-Баден. Надеюсь, милый Андрей, что ты серьезно поразмыслишь над своим поведением по отношению к ней и будешь вести себя соответственно. Ты знаешь, сколь мало я смыслю в том, что называется *отношениями*, несмотря на мои пятьдесят шесть лет. По моему мнению, в отношениях молодого человека двадцати одного года с девицей старше его нет ничего опасного; но поскольку другие думают иначе, а история мадемуазель П<кушк>иной⁴ и В<ольде>мара⁵ служит этому убедительным подтверждением, и принимая во внимание то, как со мной об этом говорила госпожа Васильчикова⁶ (твое милое письмо мне вручили в ее присутствии), я прошу тебя со всей серьезностью, с какой прежде никогда к подобным вещам не относилась: не поддавайся этому банальному кокетству, тем более, что, как говорят, она влечет в своей свите одно известное лицо, которое, говорят, покинуло Россию, чтобы последовать за ней и провести зиму в Италии. Будь благоразумен и рассудителен, до-

рогой, дорогой мой Андрей. Я прошу тебя об этом, имея в виду не только ее, но и всех других; *сколько хочешь отношений часовых, на бале, на вечеринке, но бога ради* воздержись от явного ухаживания.

Благодарю тебя также, друг мой, за то, что ты видел рулетку и к ней не прикоснулся. Продолжай так же, но похвалиться ты сможешь только по возвращении, ибо что значит пятнадцать дней в сравнении с тысячей, которые <ты> должен будешь пробыть вдали от меня! Мне не нравится, что ты, отдыхая, наслаждаешься курением возле этого скверного игорного дома. Дорогой, дорогой мой Андрей, чувствуешь ли ты, понимаешь ли ты теперь, откуда эта смутная тяжесть у меня на сердце в промежутках между твоими письмами? О, дорогой сын, как я тебя люблю! Вот всё, что я могу тебе сказать. Я отдала бы свою кровь, свою жизнь, чтобы видеть вас такими совершенными и счастливыми, какими только позволено быть на этой столь несовершенной земле.

В то время как я читала твое письмо, к которому были приложены письма для других членов семейства — дело было вечером, в пятницу, одиннадцатого числа, — я увидела, что в дверях показалась белокурая голова Александра. Я его давно не видала, и ты представляешь, в каком сладостном расположении я оказалась между твоими письмами и его прелестным лицом! За эти приятные мгновения я расплачиваюсь мгновениями весьма печальными. Но боже сохрани меня жаловаться на это. Пока милосердие божие с вами и дарует вам здоровье и душевный покой, я буду довольна вами и согласна терпеть самые тяжкие лишения. Я получила также известия от наших дорогих сельских жителей.⁷ Там все себя отлично чувствуют и развлекаются; Вольдемар как будто влюбился, не знаю только в кого, но письма он пишет совсем безумные; надеюсь, что это не серьезно. Твоя записочка для него доставила мне большое удовольствие; очень бы хотелось, чтобы она оказала на него благотворное воздействие. Прошу тебя, напиши такую же для Лизы. О нашем житье-бытье ничего не пишу; это дело Софи, она тебе изобразит всё в натуре.

Я не устану повторять тебе, друг мой, чтобы ты берег деньги; их столько уходит, а у нас их не слишком много; с доходами дела плохи, потому что плохи дела в *Макателемах*.⁸ Крестьяне добились своего и сохранили прежнее выборное управление. Д.<митрий> М.<ихайлович>⁹ всё еще находится там и пытается наладить дела, не знаю только, удастся ли ему; больше всего я боюсь его отъезда; мы будем общать тебе об этих столь неприятных делах. Расходовать капитал не разумно, а между тем я делаю это уже два года, и если так пойдет

дальше, то хватит не надолго, и тогда что делать? Но пусть тебя не огорчают скверные результаты твоей экономии, я никогда не буду ими испугана. На сегодня прощай, мой милый, дорогой Андрей, пусть все мои письма доставляют тебе радость. Какой невыразимой сладостью наполняют твои нежные слова мое сердце, сколько раз мне хотелось бы иметь тебя здесь, чтобы прижать тебя к сердцу, которое безраздельно предано вам всем, мои дорогие дети, и тебе в частности, мой Андрей. Твои письма дарят мне только розы и покамест ни одним шипом не колют меня. *Целую нежно тебя, сердечного друга моего, благословляю от всего сердца. Да благословит тебя бог*.

С. Н. Карамзина

Сначала, мой милый, мой дорогой Андрей, я хочу сказать тебе, какую огромную, невыразимую радость доставили нам твои чудесные, да, твои восхитительные письма, которые так хорошо и полно живописуют тебя, с твоим пылким и чувствительным сердцем, живым умом и воображением, чутким ко всякого рода благородным и возвышенным наслаждениям. О, как я тебя люблю! Прости, что я говорю тебе всё это, ведь ты не любишь сладостей, как ты всегда называл правду в моих устах, ибо то, что чувствуешь глубоко, что идет от сердца, может быть только правдой (любое фальшивое впечатление было бы лишь мимолетным и случайным). Ну так слушай же, милый Андрей.

В эту пятницу, отправив тебе наши послания, мы были печальны и беспокоились по случаю задержки твоих писем, особенно маменька, которая краснела и бледнела, когда я пытаюсь ее успокоить, повторяя пословицу: «отсутствие известий — значит хорошее известие!» Но я и сама была немного встревожена. В тот вечер мы были приглашены на чай к мадам Клюпфель¹⁰ (это англичанка, весьма оригинальная и сердечная особа). Маменьке очень не хотелось туда идти, но в конце концов она решилась сделать это усилие ради меня, проводила меня и оставила там, чтобы возвратиться домой, к Лизе. Около полуночи я возвращаюсь и слышу разговор в гостиной, узнаю голос Александра, он бежит мне навстречу, и в руке у него я вижу твоё письмо и другие письма — на столе (ибо на этот раз их было шесть, мой бедный Андрей!), а одно — в руках у маменьки, сияющей и растроганной. Да, это было большое счастье, и мы наслаждались им до двух часов утра (бодрствование для Царского Села неслыханное), читая, перечитывая и обсуждая, а иногда и браня тебя, когда ты говоришь всякий

вздор, например: «письма моих сестер отбивают у меня охоту к описаниям» или же: *«хотел было описывать, да будет пошло»*. Вот уж способ подвергать нас пытке ожидания, нас, столь жаждущих ловить все твои впечатления и следовать за ними! Вообще же ты напрасно торопишься, когда пишешь письма, да и отправлять их сразу — дурная манера, при этом ты неизбежно забываешь столько мелочей, которые могли бы нас заинтересовать! Ты знаешь, что нам хотелось бы получать каждую неделю по одному письму. Так пусть оно будет своего рода дневником твоих впечатлений, посвящай ему полчаса каждый день, ты и сам не заметишь, как письмо будет написано, а мы выиграем в смысле верности и живости твоих впечатлений. Маменька придерживается того же мнения и поручает мне сказать тебе это.

Что касается меня, то какое большое удовольствие доставило мне твое письмо о Ганновере, где описывается трогательный прием, оказанный там тебе из симпатии к нам! Как это мило с их стороны! Немцы не с такой легкостью, как мы, забывают тех, кого они хотя бы делали вид, что любили, т. е. это мы делаем вид, что любим, а они всегда всё делают всерьез. Мюри¹¹ тоже написал мне, дабы сообщить, что он был счастлив с тобою познакомиться, а также, что твои легки в порядке и, как он полагает, ты поправишься совсем, если проведешь два сезона в Эмсе. Дай-то бог! Это добрый мальчик, я была уверена, что он тебе понравится, и, чтобы его вознаградить, я написала ему сегодня же утром хорошее письмецо в Нордерней, хотя бы это и не понравилось моей тетушке,¹² которая там сейчас находится. Она, вероятно, будет этим шокирована. Ведь она говорит, что «находить любезным врача для нее то же самое, что находить красивым лакея». Да благословит ее бог и да простит он ей ради того, что она тебя посетила в Эмсе: она всегда очень добра в серьезных обстоятельствах, но мало что смыслит в каждодневных житейских делах.

Возвращаясь к пребыванию у нас Александра: он приехал на два дня, впервые в Царское. Первый день был посвящен своим близким, разговорам и семейным прогулкам; на другой день мы повели его в Павловск, в объятия семейства Шевичей (Блудовы уехали на две недели в *Приютино* к Оленевым,¹³ чтобы среди друзей и уединения поразмыслить там о предложении, которое сделал Лидии Жорж Шевич, прежде чем произнести окончательное «да»; вот что значит начитаться английских романов!). Александрина Шевич обедала у нас и Герсдорф тоже, и если он ее действительно ревнует (как, увы, она всё еще думает), его было ужасно жаль, глядя на нежности, расточаемые ею Александру, который поддавался им доста-

точно прилично и даже предложил, или, вернее, соизволил предоставить ей руку — с достаточной, но не слишком большой неохотой, — во время длительной прогулки пешком. Потом они, вместе с госпожой Шевич и Лили Захаржевской, пили у нас чай и уехали в одиннадцать часов, к большому облегчению Александра, которому уж стало не под силу быть столь любезным. В полночь он снова уехал в *Красное*, куда мы, кажется, собираемся к нему в пятницу. Завтра, в четверг, у них будет большой фейерверк, но мы не поедем им любоваться, тем более, что Александру не удалось достать нам билетов. Больше всех огорчена этим Лиза.

В числе других интересных гостей у нас был здесь барон Вреде,¹⁴ который в свои семьдесят три года приехал для того, чтобы перед смертью увидеть петергофский праздник. Мы с ним много беседовали о путешествиях; он (со своим камердинером) совершил путешествие по Европе, которое продолжалось два года и стоило ему 3000 руб. Он говорит, что «во время путешествия он бывал в обществе, в театре и отлично развлекался», и находит, что ты несметно богат с 12 тысячами рублей в год. О, немецкий дух порядка и бережливости! Да снизойдет он на тебя подобно святому духу.

Прощай, мой Андрей, мой любимый брат. С нетерпением жду следующего твоего письма, чтобы узнать, что стало с тем бедным молодым человеком, лишившимся рассудка. Признаться, я против того, чтобы он слишком долго оставался на твоём попечении: это так беспокоит! Целую тебя и люблю очень нежно.

Софи.

Мы пересылаем твои письма Катрин. Таким образом, тебе нет нужды писать ей отдельно, равно как и кому-либо из нас, разве только Александру, который этого очень хочет и которому ты пишешь по-русски.

Е. А. Карамзина

Пятница.

Я не хочу запечатывать письмо, не попрощавшись еще раз с тобою, мой дорогой Андрей. Сегодня чудесный день, и мы только что возвратились из парка. Софи и Лиза наворовали целые снопы цветов. Прощай. *Целую нежно*. Тысяча приветов твоему спутнику. Сашка напишет тебе из *Красного*. Он читает твои письма с большим удовольствием.

На обороте: Милостивому государю господину Андрею Карамзину в Эмс. До востребования. *В Эмс*.

24—25 июля (5—6 августа) 1836 г. Царское Село

Е. А. Карамзина

Пятница, 24 июля 1836 г. Царское Село.

Вчера мы получили твое дорогое письмо от 11/23, дорогой, родной Андрей. Я думаю, не к чему говорить тебе, что я чувствовала и как билось мое сердце, когда слуга принес мне его, ибо, конечно, твое сердце подскажет тебе это, хоть и не вполне. Вчера сижу я на канапе и читаю вторую книжку *Современника*,¹ как вдруг входит *Лариса* с твоим письмом в руке. Я вырываю у него письмо, смакую его одна в течение получаса, а между тем Александр, который был в той же комнате и тоже читал, сидя на другом канапе, и Софи, находившаяся в соседней комнате, ничего не заметили. Насладившись вволю, как скупой своим сокровищем, я, наконец, разрешила им прочесть письмо вслух. Сколько разных ощущений вызывает чтение твоих писем, дорогой Андрей. Вчерашнее письмо встревожило меня прежде всего потому, что, как я узнала, ты не получил моих писем. Я очень страдала за тебя. Как ты только мог подумать, мой милый друг, что с легким сердцем я заставлю тебя страдать? Ты однажды уже обвинил меня в этом, и ты был неправ. И так будет всегда, когда меня станут обвинять перед моими детьми. Моя лень, моя апатия, всё это исчезает перед моей любовью к вам, мои дорогие, неблагоприятные дети.

Я объявила тебе, что буду писать лишь раз в две недели, но что тебе надлежит это делать каждую неделю, не дожидаясь моих писем. И, однако же, мне так и не пришлось еще сдержать своего слова, ибо самый большой перерыв, который я допустила, и всего один раз, двенадцать д<ней>; ведь твое вчерашнее письмо было шестым, а наше сегодняшнее — седьмое,² так что я не в долгу перед тобою, мой милый друг. Раз навсегда знай, что никогда, никогда в жизни твоя мать не окажется неправой по небрежности или по какой-нибудь иной причине, которая позволила бы усомниться в глубоком чувстве, наполняющем сердце вашей матери; ты правильно поступил, что не посмел меня упрекать. А затем меня очень тронуло ужасное положение, в котором оказался бедняга *Свечин*,³ и я немного встревожена тем, как оно может подействовать на твое сердце и нервы. Напиши мне, что с ним стало, если тебе известно. Потом мы смеялись до слез, читая о твоих победах над ослом и о том обществе, которое Киришб. <аум> приготовил к твоему возвращению с прогулки.

Я польщена и тронута отношением к тебе семейства Голицыных⁴ и тем, что они пишут о тебе сюда своим близким. Да, дорогой сын, ничто не доставляет мне более живого, более чистого наслаждения, нежели нелицемерные суждения уважаемых людей о моих детях; это восхитительная музыка, которая проникает в самое сердце и задевает там все фибры наслаждения, еще сохранившие чувствительность. Однако я сержусь на тебя за то, что ты ни слова не говоришь мне о своем здоровье. Прошу тебя, пусть твои письма начинаются бюллетенем такого рода, меня это более всего интересует; было бы неплохо также, если бы ты сообщал мне свой нравственный бюллетень. Мне известно, что ты совершаешь необдуманные поступки и что Киршб.<аум> иногда вызволяет тебя (об этом пишет своей сестре Фердинанд Тизенгаузен^{а 5}). Как можно больше размышляй на этот счет. Ты ведь не только подвергаешь опасности свое здоровье — а для меня в этом всё, — но и нарушаешь мой покой, что, вероятно, для тебя тоже много значит. Наконец, чтобы ты проникся моими пожеланиями, я взываю к твоему доброму сердцу. Начерчивая в письме ко мне расписание своего путешествия, ты совершенно забыл серные ванны, которые Копп⁶ советовал тебе принимать после Эмса во Франкфурте.

Получив твоё письмо в четверг, я хотела бы, чтобы скорее наступил следующий четверг для нового письма. Благодаря тебе за поздравления, я совсем забыла об именинах Вольд.<емара> и страшусь его гнева за эту оплошность. Еще несколько слов о твоём письме. Прошу тебя, пиши мне на бумаге без литографий; мне жаль тех твоих строк, которые из-за них пропадают. Рассказывать о нас особенно нечего в смысле событий, описательная же и повествовательная часть поручена Софи, которая украсит ее с помощью своего стиля и воображения.

Александр находится у нас со среды, он был вынужден бросить маневры из-за больной ноги, которую он натер и запустил: пример твоей небрежности и твоих страданий не принес ему в этом случае никакой пользы. Его общество мне приятно, потому что я вижу его, и сердце мое спокойно. Но он почти не оживляет нашего уединения, он более обычного молчалив и только время от времени, когда мы упрекаем его в мрачности, он отпускает какую-нибудь шутку. Мне очень досадно, что ему пришлось покинуть лагерь в самый интересный момент, когда оставалось всего несколько дней до славного окончания всей работы. Сейчас он занят тем, что пишет тебе письмо, равно как и Софи, Лиза тоже готовит свой черновик. Мы имеем прекрасные известия из Лотошина. Катрин чувствует себя отлично, ле-

^а Слова, заключенные в скобки, вписаны С. Н. Карамзиной.

чебные ванны она начнет принимать после окончания лечения Николеньки;⁷ ты знаешь, что ему было предписано погружать свой бедный <нрзб> в еще неостывшие внутренности только что зарезанного барана. Вольдемар плавает в блаженстве и, кажется, в любви, хоть он и не говорит ничего об этом; просто не знаю, что стану с ним делать; боюсь, что он вернется настоящим молодым человеком и к тому же еще избалованным. Ты понимаешь, что я сделаю всё, от меня зависящее, дабы всё устроилось по возможности дружески и так продолжалось впредь.

Это письмо я тебе адресую во Франкфурт согласно твоему вчерашнему письму. Я отправлю туда также 1000 руб. на первое время, ибо я должна была выслать тебе денег ровно через месяц или, вернее, через две недели. Вчера минуло ровно два месяца с тех пор, как мы расстались. Как это долго и как мало, когда подумаю, сколько месяцев еще остается до твоего благополучного возвращения. Как сжимается мое сердце, дорогой Андрей, когда я начинаю думать об этом и всё же приходится обращаться к этому предмету, вызывавшему между нами столько неприятных моментов: нужно считать деньги; что же делать? времена стоят трудные. Я вышлю тебе, следовательно, 1000 руб. и позднее еще 2000 руб. Письма мои я буду по-прежнему адресовать во Франкфурт господину Маркелову. Попроси его пересылать их для тебя туда, где ты намерен остановиться, так чтобы они не потерялись. Я буду поступать так до тех пор, пока ты мне не сообщишь другой адрес. Вероятно, это будет адрес господина Северина,⁸ которого ты должен непременно посетить и выразить ему свои дружеские чувства. Когда ты уезжаешь из города, где проживал, Кириб.<аум> должен непременно заявлять на почте, чтобы письма, которые придут после вашего отъезда, вам пересылали точно туда, где они смогут вас застать. Я так беспокоюсь потому, что, когда письмо пропадает, перерыв бывает очень тягостным.

Погода у нас стоит ужасная. За всё время, что мы здесь живем, было лишь три летних дня. Это невыносимо, ведь мы приехали сюда, чтобы дышать воздухом и гулять. Я собиралась пить мариенбадскую воду, но не могу выбрать подходящий момент, чтобы начать; пока же я поглощаю, когда можно гулять по утрам, воду от *девушки*;⁹ по правде говоря, думаю, что это одно и то же. Бумага моя на исходе, и силы тоже. Рука так устала от этих каракуль! Ты тоже, дорогой мой, пиши старательнее, твой почерк очень небрежен. Я забыла сказать тебе, как мне было приятно узнать, что ты пристрастился к рисованию. Это доставит тебе много удовольствия, когда ты достигнешь некоторых успехов. Занимайся всем, что хорошо, ты на-

столько же уменьшишь для себя опасность дурных привычек. Ну, пора кончать. Прощай, мой милый, мой дорогой Андрей. Крепко, с чувством глубокой нежности прижимаю тебя к сердцу. Благодарю тебя всеми силами своей души. Да благословит тебя бог. И пусть почитаемый образ твоего отца всегда будет тебе защитой не только от дурных поступков, но даже и от дурных мыслей. Целую тебя. *Христос с тобою и с нами. Я не так, как ты, не хочется отстать*.

С. Н. Карамзина

Царское Село, 24 июля/5 августа.

Вчера мы имели счастье, мой дорогой Андрей, получить твое письмо от одиннадцатого и опять читали его и перечитывали и радовались, что оно такое же нежное, спокойное и höchst⁶ интересное, как и другие; но в нем есть один недостаток: оно короче предыдущих, строчки в нем реже, а почерк размашистее. О тебе не избежать нашего придирчивого разбора. Ведь каждое слово, обращенное к нам тобою, отзывается в глубине наших сердец, и сердца наши ведут счет твоим словам, а корысть считает хорошо и, собирая рубли, не дает себя обмануть и в копейках. Мне очень нравится смелость, с которой ты пишешь мне: «Софи, следуй моему примеру». Нечего сказать, хороший пример ты мне дал за восемнадцать месяцев, когда я отсутствовала и за всё это время получила от тебя самое большее три коротеньких письмеца.¹⁰ К счастью для тебя, я очень великодушна. Но признайся по совести, дорогой мой, ты становишься слишком требовательным. Не забудь, что мы в неравном положении; ты пишешь нам (якобы) каждую неделю и хочешь, чтобы мы поступали так же. Но ведь каждый твой шаг, каждый час твоей жизни представляет для нас такой живой и разнообразный интерес, обо всем стоит рассказывать, всё возбуждает наше любопытство. Между тем у нас дни следуют за днями и ходят друг на друга: дождь, холодно, мы прогуливаемся, читаем, я езжу верхом, одна или с мадемуазель Кляупфель, мы видимся с Шевичами и с Лили Захаржевской, думаем о моем брате Андрее, обсуждаем каждую мелкую деталь его драгоценных писем, пишем господину Ниротморцеву, и, кстати, довольно часто! и т. д. Не правда ли, очень много нового и есть о чем писать интереснейшие послания!

О, как я завидую твоим восхитительным поездкам по Рейну! Ланек, Штобенфельс, эти названия так красиво звучат, напо-

⁶ в высшей степени (нем.).

миная чудесные легенды средневековья. И как же мне досадно, что я не ознакомилась со всем этим подробно. В том-то и большое преимущество Эмса перед нашим маленьким скучным Пирмонтом,¹¹ что он расположен в этой живописной, романтической местности, напоминающей о рыцарских временах. Как мы от всей души смеялись, читая о том, как упал твой осел у тебя между ногами! Мы уже много раз спрашивали себя, как это ты едешь на осле и не передвигаетесь ли вы оба вместе на шести ногах.

Милый князь Голицын,¹² я люблю его от всего сердца, тем более, что он пишет сюда своей дочери, княгине Долгорукой,¹³ что он и его жена были очарованы тобой, что ты очень мил, совершенно воспитан и вообще такой, какими он хотел бы видеть всех русских молодых людей. (Это полностью подтверждает суждение Блудовых, которые радуются твоему пребыванию за границей, потому что оно там создаст благоприятное мнение о русской молодежи. Я попрошу их повторить эту фразу Вигелю.¹⁴) Что касается твоего *отношения* с французской барышней — всё идет хорошо: нет ничего более решительно благоприятного, чем открытие сходства со своим любимым братом. Но, как мне кажется, судя по тому, с каким нетерпением ты стремишься уехать из Эмса, этот флирт тебя не слишком занимает. Во времена Лаборда¹⁵ Катрин боялась даже считать дни, которые ей оставалось провести в Пирмонте.

Я очень рада, что ты уже начал рисовать с натуры; мне кажется изумительным, если ты привезешь нам папку с твоими собственными путевыми зарисовками, а для тебя это будет большим удовольствием и успехом. Раз ты продолжаешь заниматься английским языком, я настоятельно тебе советую прочесть в подлиннике «Риенци» Бульвера.¹⁶ Это, бесспорно, самый замечательный, самый увлекательный и лучше всех написанный роман XIX века, не исключая и романов Вальтера Скотта; он соединяет в себе большую зрелость таланта с живой занимательностью и самой яркой красочностью. Вышел второй номер *Современника*.¹⁷ Говорят, что он бледен и в нем нет ни одной строчки Пушкина (*которого разбралил ужасно и справедливо Булгарин, как светило, в полдень угасшее*). Тяжко сознавать, что какой-то Булгарин, стремясь излить свой яд на Пушкина, не может ничем более уязвить его, как говоря правду!). Там есть несколько очень остроумных статей Вяземского, между прочим, одна по поводу *Ревизора*. Но надо же быть таким беззаботным и ленивым, как Пушкин, чтобы поместить здесь же сцены из провалившейся *Тивериады* Андрея Муравьева!¹⁸ Тебе известно, что последний теперь камергер¹⁹ и совершенно счастлив этим, а также решением о назначении графа Прота-

сова²⁰ в синод вместо *Нечаева*,²¹ и потому более надутый и несносный, чем когда-либо!

Клементий Россет²² просидел неделю под арестом за очень забавную оплошность. Вообрази, *кой в какие веки* дали ему изложение плана маневров, чтобы он перевел его для государя на французский язык, он велел переписать его *кантионисту* — машине (потому что он пишет, не понимая) и отправил эту бумагу государю, не потрудившись ее перечитать. Представь себе только, что там было, ошибки вроде: «le fatal des troupes» вместо «total»,^в «les aniers» вместо «lanciers»,^г «генерал Конруб» вместо «Кюринг» и т. д., и сверх того два армейских корпуса оказались пропущенными вовсе. Можешь себе представить удивление и возмущение того, кто читал этот вздор; навели справки, *и попался наш Клементий, но не уныл нимало*. Он рассказывал Вяземскому, который навестил его в кордегардии, что о нем, словно он какой-нибудь Алибо,²³ сообщают бюллетени: «Он спокоен, он принял немного пищи, он отращивает себе бороду». Как же он забавен! К тому же он утешается мыслью, что по крайней мере для него это было единственным средством напомнить о своем существовании государю.

Я видела Аркадия в лагере, куда мы ездили навесить Александра (боже! как помещены эти несчастные и тем не менее очень довольные своим углом *избы*). Я передала ему твое поручение, содержавшееся в письме к Александру, но Александр, живя с ним вместе, так и не выбрал времени ему сообщить. Молчаливость Александра становится настоящей манией, пунктом помешательства. Аркадий был очень расстроган твоими упреками и взял у меня твой адрес, чтобы написать тебе в Эмс. Надеюсь, ты оставил распоряжение пересылать письма к тебе во Франкфурт, куда мы отныне будем направлять свои (на имя господина Маркелова), так же как и переводные векселя, впредь до твоих новых распоряжений. Договорись с ним лучше, чтобы он пересылал их тебе точно туда, где ты будешь находиться. Он так мил и любезен, и Струве²⁴ также очень аккуратен.

В Павловске в семье твоего друга Порошина случилось большое несчастье: его сестра, молодая и милая особа, играя с пистолетом и не зная, что он заряжен, выстрелила и убила другого своего брата, шестнадцатилетнего лицеиста.²⁵ Пуля попала бедному мальчику в голову пониже глаза, он жил еще несколько часов, позвали Арендта,²⁶ но он нашел рану смертельной, и дей-

^в «Total des troupes» — общее количество войск; «fatal» — фатальный, роковой — здесь не имеет смысла.

^г «Aniers» — погонщики ослов; «lanciers» — уланы.

ствительно вечером его не стало. Говорят, на сестру страшно смотреть, за сутки таких ужасных страданий она стала совсем неузнаваемой, у нее неподвижный взгляд, черты лица искажены, она всё время теряет сознание, и ее приводят в чувство кровопусканиями.

Чтобы развлечь тебя, могу сообщить как о деле уже решенном, но еще не гласном, о браке Жоржа Шевича и Лидии Блудовой. Я их видела вместе, она, как всегда, со странностями, не разговаривает с ним, чтобы об этом не догадались до того, как последует соизволение государыни.²⁷ Катрин Пушкина помолвлена (!) с господином Давыдовым,²⁸ свадьба будет в Киеве. Вольдемар Соллогуб вернулся сюда по делам службы; он спокоен, с ней не встречается и как будто не слишком убит.

Прощай, мой милый Андрей. Для человека, которому нечего сказать, я наболтала много. Прижимаю тебя к сердцу, полному глубокой любви к тебе.

Софи.

А. Н. Карамзин

24 июля 1836 г. Царское Село.

Здравствуй, дражайший и милейший брат! Давно я не болтал с тобою. Ну что ж, прости меня, это плод кровосмесительного союза моих занятий и моей лени. Сейчас все наши, т. е. гвардия е.<го> в.<еличества> и гренадерский корпус, находятся на маневрах, а я, вынужденный из-за болезни пятки (нечто среднее между мозолью и нарывом) бросить маневры, приехал отдыхать в Царское, где проведу три дня, и тем более рад этому, что всё время идет ужасающий дождь, а под открытым небом столь же плохо, сколь хорошо под милой материнской крышей. Через несколько дней мы покидаем лагерь и, наконец, отправляемся в Петербург, и первый раз в жизни с нетерпением хочу его вновь узреть, до того осточертел мне этот долгий (три месяца!!!) лагерь.

А ты, брат, всё волочишься, и правильно поступаешь, ибо тебе на роду написано останавливаться перед каждой особой женского полу, которую только встретишь, и смотреть на нее нежными и страстными глазами. Так, так, развлекайся. А я тоже ухаживал не раз с тех пор, как ты уехал, и всё за одной особой, и дело уже неплохо идет, и еще вчера вечером ухаживал, а за кем? Держу тысячу против одного, что не угадаешь... за пресловутой Александриной Ш.<евич>. Серьезно,

представь себе мое несчастье. Я-то думал, что окончательно сбросил с себя эту железную цепь, и вот снова прикован! Это ужасно, брат, это походит на кошмар, но продолжается куда дальше.

Кстати, о кошмаре. Вообрази, что я только что открыл (ужасное открытие, зачем не осталось оно мне неизвестным?). Ехал я в коляске (из-за моей пятки) на маневры в Стрельну и остановился у стрелнинского трактира, чтобы купить сигар. Там находились молодой красавец Ильин,²⁹ конногвардейский *квартирьер*, и коннопионер, мне не знакомый (как я полагал, по крайней мере). Ильин уехал, а я остался, чтобы переждать дождь, и курил себе в одиночестве, как вдруг интересный коннопионер, белокурый молодой человек, бледный и довольно красивый собой, подходит ко мне, уверяя, что он всех нас близко знал еще детьми и участвовал в наших играх тому назад лет десять вместе с Блудовыми, Новосильцевыми, Гагариными³⁰ и т. д. Время от времени он вздыхал, говоря при этом, что он одного со мной возраста, но что он преждевременно состарился физически и морально вследствие особых обстоятельств. Он говорил, что собирается выйти в отставку, потому что всё вокруг слишком прозаично; под конец это стало меня интриговать, и я попросил его назвать мне свое имя. (Ах, зачем уступил он моей безумной просьбе! я не узнал бы того, о чем хотел бы не знать до конца моей жизни!) «Мое имя, — сказал он, наконец, — Воляяр-Лярский». При этом устрашающим именем я отступил на три с половиной шага и был вынужден опереться о стену. Итак, подумал я, мне довелось узнать третьего! Значит, небу мало было опустошить Россию войною, чумою и голодом, оно еще посылает ей в наказание трех Воляяров,³¹ которые во сто крат ужаснее трех предшествующих бедствий. Воляяр продолжал говорить, но мне казалось, что в его словах я различал то горячее и шумное дыхание его кузена камер-юнкера, то, казалось, я слышал шипение яичницы, то приглушенные крики, словно вырывавшиеся из мешка; потом я видел перед собой воротник преображенца, который душил меня, произнося приветствия; наконец, мне удалось освободиться от этого тяжкого наваждения, и, воскликнув: «Небо прояснилось!», я схватил фуражку и плащ и бросился в коляску, а дождь лил, как из ведра, и ветер свистел в ушах, Воляяр же кричал мне с балкона, что он навестит меня в Петербурге. *Пошел! Пошел!* вне себя повторял я кучеру, лошади тронулись, но долго еще меня продолжали преследовать черные мысли и отвратительные видения.

Знаешь, дорогой мой, говорят, что князь Голицын³² очень хвалит тебя в своих письмах, а барышни Блудовы рады, что

ты находишься за границей, потому что ты дашь там хорошее представление о русских молодых людях; впрочем, Софи, без сомнения, расскажет тебе об этом в своем письме со всеми подробностями. Кстати, о Блудовых: мадемуазель Лидия решительно выходит замуж за Жоржа, и — что еще более для меня приятно — вновь стали поговаривать о замужестве моей красавицы,³³ ибо коль скоро она выйдет замуж, то, я надеюсь, прекратится ее страдание по мне.

25 июля.

Представь себе, дорогой Андрей, мое удивление, когда вчера меня разбудил бас Вольдемара Соллогуба, приехавшего сюда со своим генералом Дьяковым. Он оставался здесь несколько часов вместе с маленьким Долгоруким очкастым,³⁴ болтал и пел, как обычно, разные вариации, а потом уехал. Он просит нежно обнять тебя; мы ждем его к нам еще сегодня. Его страсть как будто немного приутихла. Дядюшка³⁵ тоже у нас со вчерашнего вечера. Сегодня утром были Одоевские, они только что уехали к Блудовым, у которых сегодня праздник, куда никто из нас не приглашен. Одоевские передают тебе привет.

Не верь Софи в том, что она тебе говорит о *Современнике*, он превосходно составлен; правда, Пушкин ничего не написал, но там есть очень хорошие статьи дядюшки и Одоевского. Пушкин собирается выпустить новый роман.³⁶ Ты знаешь, Муравьев был пожалован в камергеры, а на другой день он получил по городской почте «Потерянный рай», отчего, как говорят, рыдал от ярости;³⁷ я его не видел с начала лагеря. О, как мне было понятно, брат, твое восклицание по поводу иоганисбергского нектара,³⁸ особенно потому, что недавно я обедал на даче у Люцероде и там, помимо того, что я был тронут их добротой и гостеприимством, нам к обеду подавали божественные вина. О, брат, как это было чудесно, ой! ой! ой! Погода у нас по-прежнему стоит мерзостная во всех отношениях, но я советую тебе почитать «Риенци» Бульвера, довольно сказать, что он согрел мои старые кости. Я с наслаждением проглотил также «Reisebilder»,^а кроме того, Аркадий заставил меня прочесть Ларошфуко, Лабрюйера, Паскаля³⁹ и не знаю еще кого. Больше нет места, прощай, брат. Крепко, крепко тебя обнимаю, так же крепко, как и люблю. До свидания. Собирался писать тебе по-русски, да запамятовал. Не спрашивай ничего ни о поэзии, ни о лошадях, ни о финансах; нехорошо, брат, нехорошо.

^а «Путевые картины» (нем.).

П. А. Вяземский

Обнимаю тебя, дорогой друг, и радуюсь, что известия, которые мы о тебе имеем, удовлетворительны. Только постоянно и хорошенько береги себя. Копп говорил жене, что вино для тебя сущий яд. Когда увидишь Коппа, скажи ему, пусть отошлет все свои сочинения Арендту для того, чтобы поднести их государю, а когда увидишь Гоголя, спроси у него, что он сделал с моим письмом к Коппу: мне хотелось, чтобы оно было ему непременно вручено. Мои⁴⁰ находятся в Нордернее, жена чувствует себя прескверно, физически и морально: тоска, плохая погода, скучный край. Валуевы чувствуют себя отлично. Надеюсь поехать к ним через несколько дней. Сердечно обнимаю тебя. Думай обо мне в Ганау и в Риме. Сердечный привет Киришбауму.

Е. А. Карамзина

Суббота, 7 ч. <асов> вечера.

Я хочу последней сказать тебе последнее прости на сегодня. Вчера, когда мы сидели за вечерним чаем с семейством Шаховских, которые в родстве с Рябининым,⁴¹ незаметно вошел дорогой князь Петр. Вновь увидеть его было для меня большой радостью, особенно потому, что мы его совсем не ждали. На той неделе он уезжает в Остафьево навестить молодую чету. Он написал тебе несколько строк в записке Лизы. Приехать за двадцать пять верст по такой погоде, чтобы повидаться, это, поистине, подвиг. Сейчас только девять градусов, холод, как в октябре. В Павловске праздник, но мы туда не поедem. К письму я прилагаю переводной вексель. Всё это я поручила устроить господину Тибо⁴² через посредство Пирлинга,⁴³ так что, если его, т. е. векселя на 1000 руб., не окажется в этом конверте, я найду способ послать его позднее на имя кого-нибудь из этих господ. Думаю, что ты будешь рад получить толстый пакет с нашими письмами и ты ласково улыбнешься сопровождающему их прелестному цифровому письму. Передай от меня сердечный привет милому господину Киришбауму и передай от меня сам себе, что я умоляю тебя беречься, беречь свое время и деньги; будь скуп на дружеские чувства, меня очень интересует тот господин, полурусский, полуполяк, к которому ты привязался. Размышляй, дорогой мой, размышляй, это так необходимо для того, чтобы испытывать меньше разочарований в этой жизни, где их бывает так много. Но в нежности твоей матери ты никогда не обманешься, дорогой и любимый Андрей.

8. А. Н. и С. Н. Карамзины

7—9 (19—21) августа 1836 г. Царское Село

А. Н. Карамзин

Царское Село. 7 августа 1836.

Здравствуй, добрый мой Андрей. Что ты делаешь? Где находишься? Вчера, когда Софи была на прогулке в Дудергофе¹ с Шевичами, Блудовыми и комп.〈анией〉, когда маменька у своего туалета мирно занималась причесыванием, а я чтением Шатобриана,² когда Лиза была занята бог знает где и бог знает чем, мы вдруг услышали, что у нашего подъезда остановился экипаж, и видим, что приехал карлик,³ великий карлик, карлик из карликов! Представляешь себе нашу радость, тем большую, что мы его еще не ждали. Представляешь себе также выражение лица *Фофиньки*,⁴ вернувшейся с прогулки и еще полной пронзительных криков и беспорядочного шума своих спутниц из Павловска, когда она увидела карлика.

Сейчас все поехали в Павловск в коляске, а я, в качестве хромого, остался один дома. Вообрази, дорогой мой, что уже две недели валяюсь я на диване в Царском из-за презренной боли в пятке и что в перспективе у меня продолжать такой приятный образ жизни еще две недели! Вот я и придумал уже тридцать шесть новых ругательств и проклятий, к которым рассчитываю прибавить еще тридцать шесть прежде, чем пройдет эта презренная боль, будь она трижды неладна.^а Карлик, напротив, возвратился толстый и жирный, с независимым щегольским видом, выше меня, но не намного, ибо, кажется, я опять догнал его. Вово Соллогуб, приехавший сюда со своим генералом,⁵ как он говорит, должен был с ним вместе уехать в Витебск еще дня три назад. Но, придя к нам попрощаться, пока перепрягали лошадей, расшиб нос о железную перекаладину перистилля и генерал уехал без него. После этого Вово провел два дня и две ночи у нас, чтобы вернуть своему носу тень былой красоты, но не смог избавиться от вида человека, которого, как сам он говорит, отколотили в кабаке, до такой степени, что вчера утром, когда он возвращался в город, Клементий Р.〈оссет〉 не хотел идти с ним по улице. Вчера в одиннадцать ч.〈асов〉 вечера он снова появился к нашему чаю, а сегодня утром, когда мы поднялись, его у нас не оказалось, но оставленные им вещи свидетельствуют, что он здесь и вечером еще вернется. Он совсем сумасшедший, если смею так выразиться.

^а Буквально: презренная боль, отца которой я бы продал с торгов за три луковицы.

Он прочел нам новеллу собственного сочинения *Два студента*,⁶ которая, поистине, очень хороша, решительно лучшее из всего того, что он сделал до наших дней.

Что касается меня, то моя литературная деятельность в это лето ограничилась тремя или четырьмя стихотворениями, в которых я пою свои огорчения.⁷ И ты, брат, не забудь послать что-нибудь в журнал Одоевскому, раз уж наше имя блистает в программе среди имен Тапкиных, Фитюлькиных и комп. <ании>.⁸ Проза у меня идет еще хуже поэзии: ничто не продано, следовательно, ничто и не заплачено. Но я не теряю бодрости: надежда до могилы поддерживает человека.

8 августа.

Сию минуту ушел мой доктор, объявив, что болезнь ноги может затянуться еще на месяц: надо видеть, с каким хладнокровием этот нахал говорит мне такие дерзости. Терпение, терпение, вот что надобно бедному больному. К этим несчастьям прибавляется еще одно — страшный рост моей бороды: я вынужден брить ее два раза в неделю, но в награду мои молодые усы увеличились на несколько очень миленьких волосков. Ко всему добавь вероломство маменьки, которая завлекла меня в Царское, пообещав не бранить меня за молчаливость, а ведь я мог бы исповедать ее публично. Предательство! Едва я приехал, как меня стали преследовать оскорблениями и бранью целый божий день. Но преследование всегда усиливает то, что оно же старается уничтожить: мое молчание стало глубже, чем когда-либо.

Нынче у нас в семье новое безумство — игра в волан. Играют с одним воланом, с двумя воланами, с тремя воланами. Самые неистовые игроки это граф де Соллогуб и Алекс. <андр> де К. <арамзин>, которые воюют со всеми домашними, чтобы никто им не мешал играть через вечерний чайный стол или вообще через что бы то ни было или через кого бы то ни было, через всё, что окажется между занимаемыми ими креслами. Целый день слышно: «я забил 150», «а я 200», «вообразите, граф Соллогуб не считал», «Лиза, какая ты глупая!» и т. д. и т. д.

9 августа.

Вчера вечером приехал Аркадий, он проводит нынешний день у нас. Соллогуб только что уехал в Витебск. Полковник Лутковский⁹ также проехал через наши владения позавчера. Прошу прощения, если тебе придется долго разбирать мои каракули, но подумай только: я пишу тебе, находясь из-за своей ноги в горизонтальном положении, в высшей степени

неудобном для письма. Софи и Лиза в настоящую минуту катаются верхом с Аркадием и Герсдорфом. Маменька гуляет пешком, я один, как болван, не могу никак ходить. Положение мое такое жалкое, что я даже видел во сне, будто я *крепостной* слуга у собаки, живущей у нас на кухне. Если сны пророчествуют, хотелось бы мне знать, что означает этот сон, если только не то, что я адъютант Ганичева. Несчастный Ганичев попал на гауптвахту за парад, бывший 6 августа и плохо удавшийся. Все капитаны и Лихачев¹⁰ разделили с ним его участь. Бедный карлик готовится к экзамену, который будет послезавтра, и очень волнуется. Он привез из Лотошина целое золотое руно из кошельков, бумажников, сувениров, хлыстов и т. д. и т. д. и, как мне кажется, взамен этого оставил там кусочек своего карличьего сердца. Что до тебя, я даже не спрашиваю: я уверен, что ты растратил в Баден-Бадене, по крайней мере, тридцать шесть сердец. Постарайся сберечь хотя бы одно добрым и горячим, как то, которым ты обладал в Петербурге и где так хорошо помещался твой *надежный брат*.

А. К.

Крепко-крепко обнимаю тебя. Тысяча приветов Киршбауму. Множество людей поручили мне передать тебе множество вещей, но я всё позабыл.

С. Н. Карамзина

Сегодня вечером мы с радостью получили твое письмо из Ахена, добрый мой Андрей; радость эта была отравлена лишь мыслью о том, какие ты испытал мучения, пробыв восемь дней во Франкфурте без денег. Это окончательно делает твое путешествие похожим на наше. Что за ужас твой портрет. Никто не хочет его признать. Я, правда, с удовольствием увидела, что ты не потерял моих часов. Моргенштерны¹¹ провели весь день с нами, я застала их у нас, вернувшись с Вольдемаром с утренней прогулки верхом; ведь в моем распоряжении опять две лошади, так как лошадь Скалона¹² мне возвращена. Карлик стал более щеголем и более недотрогой, чем когда-либо. Он всё время журил меня за то, что я, держа высоко хлыст, заставляла лошадь прыгать перед дамами; он грозился, что никогда более со мной не поедет. Всё тот же дурной характер и тот же мрачный вид! Александр дал тебе подробные сведения о нашем житье-бытье, потому я на этот раз воздерживаюсь от повествования и только обнимаю тебя крепко, так же как люблю тебя.

Софи.

Посылаю тебе записочку Антуанетты Блудовой,¹³ которая до слез тронула меня. Прости за то, что я показала ей твои письма из Эмса, правда, обращенные ко всему семейству. В субботу у нас в Царском будет большой бал у госпожи Клюпфель, англичанки.

9. Е. А. и С. Н. Карамзины

17—18 (29—30) августа 1836 г. Царское Село—Петербург

Е. А. Карамзина

17 августа 1836 г. Царское Село,
понедельник, 2 ч. <аса> поп. <олудни>

Пообещав писать тебе аккуратно каждую неделю, дорогой, любимый мой Андрей, и не желая нарушить обещание, пишу на один день ранее срока, ибо завтра собираюсь съездить на несколько часов в Петербург, прежде всего для того, чтобы взглянуть на дом, который никак не приведут хоть немного в порядок без меня. Другая причина, вызывающая меня туда, та, что мне надо повидаться с Бушем,¹ чтобы посоветоваться насчет пятки Александра, которая находится всё в том же положении, и еще по поводу зоба Лизы, принимавшей в течение шести недель жженую губку. Так вот, все они поедут со мной, за исключением Софи, которая не желает расстаться с прелестями Царского, даже на несколько часов. Ты знаешь, мой друг, как расстраивает меня перемена места, особенно когда приходится видеть свой дом весь в мусоре и пыли, и людей, которых надо будет бранить за весь беспорядок; но отказаться от поездки нельзя, время уже позднее, а ничего еще не сделано.

В Царском был большой бал у Клюпфельей, куда и я отправилась, да, дорогой мой. Как вам нравится такое проявление силы воли? Это было совершенно подобно балам в Ревеле или в Дерпте, ну, не отличить, — та же обстановка, тот же немецкий язык, раздающийся изо всех углов, то же смешанное общество; порассмотрев немного эту парилку, я в полночь удалилась, оставив Софи на любезное попечение госпожи Шевич. Кстати, о Софи: теперь уж не слухи передают о том, что она выходит замуж за длинного Герсдорфа, а громко кричат. Все те, кого мы видим, кого мы встречаем, протрубили нам уши об этом призрачном союзе. Желание женить этого милого человека дошло, наконец, до того, что вдруг, извольте видеть, Сергей Мещерский² пишет мне, что его женят уже на Лизе. Это немного слишком! Заметь, что он почти никогда у нас не бывает и проводит время в Павловске, у Шевичей. Вот тебе

сплетни в Царском, в Петербурге и на Островах, ибо повсюду интересуются тем, что делают царскосельские отшельники. Бог с ними, если это их забавляет и если им больше нечего делать, только вот я обеспокоена тем, что слишком рано Лиза заставляет говорить о себе. Впрочем, я ей ничего не сказала об этих глупостях.

Я так же, как ты, друг мой, не очень охотно пишу, если пишу не в ответ на твое письмо. Но есть отличие, и очень большое, в нашей переписке: всё, о чем ты говоришь, ново, какой бы предмет ты ни затронул; но самое интересное для меня — твое здоровье, и все подробности, которые ты дашь мне о нем, мне крайне интересны. А затем громадное богатство всего, что ты видел, что почувствовал, видя так много разнообразных вещей. Я же в двух строках поведала тебе о главном предмете, занимающем всё Царское и столицу.

Вот, мой дорогой, одно предупреждение относительно здоровья, которое я сообщаю тебе: графиня Ожаровская пишет племяннику,³ чтобы он передал мне от нее, что она нашла тебя в хорошем состоянии в смысле здоровья, но что ты очень пренебрегаешь предохранением себя от холода, что ты был слишком легко одет при прохладной погоде. Во имя неба, мой дорогой друг, помни советы Коппа и береги себя. Пусть беречься станет для тебя привычкой ума и страстью сердца, а уж если ты пообещаешь мне беречься, я передам тебе еще то, что сказала о тебе графиня, «что ты очаровал их общество», — и эти слова были сладким звуком, лстящим моему материнскому самолюбию. Но я заклинаю тебя серьезно: не забывая своего обещания не забывать никогда, что путешествуешь ты ради своего здоровья, а если встречаются на твоём пути какие-либо дозволенные удовольствия, смотри на них как на побочную удачу. Никакое твое удовольствие не будет настолько живым, насколько горе твоей матери будет мучительным, если ты из-за своей неосторожности не укрепишь здоровья. С этим письмом посылаю тебе разменные письма на две тысячи; мне только что прислали из имений 2500 руб. Видишь, мой друг, какой сомнительный у меня доход сверх пенсии; вы должны ежедневно благословлять нашего отца-кормильца, мы были бы в очень тяжелом положении без него,⁴ без него я не надеялась бы на выздоровление дорогого сына моего, не имея средств послать его к теплому солнцу, у нас оно нестерпимо холодное. Прощай, мой дорогой, *милый Андрюшка, до завтра, в Петербурге прибавлю несколько строк*.

Дядюшка твой,⁵ писавший мне из Остафьева, просит передать тебе тысячу приветов, также и Валуевы; она⁶ спрашивает твой адрес, чтобы написать тебе: мне кажется, это только

оправдание в том, что не сделала этого до сих пор. Катенька⁷ тоже шлет тебе много нежностей, а ее последнее письмо звучит скорее твоим восхвалением и защитительной речью о тебе, нежели письмом ко мне; я огорчена за тебя, дорогой, что не она твоя мать, ты бы был в лучших условиях, если говорить о материальной стороне жизни. Что же касается любви, ее я никому не уступаю, так как люблю тебя чистосердечно и очень нежно, хотя и не поддаюсь безрассудным увлечениям, за которые вы же сами могли бы меня упрекнуть впоследствии.

7 ч. <асов> вечера.

Дорогой Андрей, только что получила я твое дорогое письмо из Кобленца от 3/15 августа, не могу выразить тебе разнообразных чувств, вызываемых во мне твоими письмами: радость, страх, любовь, грусть, желание смеяться, плакать (как в эту самую минуту у меня лицо всё мокрое от слез), наконец, хаос сильных ощущений и нежных чувств; при чтении строк о добром и любезном Рейтерне,⁸ достойном друге Жуковского, о чувствах, которые он в тебе вызвал, о том, что ты говоришь по поводу благословения от имени твоего отца, — как хотела бы я прижать тебя к груди, как мне необходимо прижать тебя со всею материнской к тебе любовью, наполняющей мое сердце, дорогой сын! Твой отец завещал тебе еще одно наследство — некоторые частицы своей высокой души. Да, сын мой, я узнаю в тебе прекрасный отблеск его ума. Сходство это станет более полным, когда ты немного отделишься от твоей жесткой оболочки.

Как я огорчена твоими денежными затруднениями, как я опасаясь, что они и сейчас не прошли, ибо, судя по твоим займам, тех 1000 руб., что я отправила тебе более двух недель назад, едва хватит на то, чтобы покрыть долги; считай, мой дорогой, считай, — вот одна из добродетелей твоего отца, которой в тебе нет совершенно: ты не умеешь ни считать, ни экономить. * Что, волокита, не хотел часу остаться в Эмсе после курса, а для угловатой госпожи * Ланд.<сберг>⁹ едешь нарочно в Эмс Я пишу тебе во всех письмах: ухаживай, но... умеренность и никаких безумств и, главное, не жертвуй своим здоровьем ничему и никому, оно принадлежит мне. * Милый сын, нежно, очень нежно тебя целую и благодарю за сладкие чувства, которыми напиталась душа моя, читая твое драгоценное письмо; я забыла еще тебя поздравить с талантом: это счастливое приобретение для твоей будущности. Еще спасибо за воспоминание в Кельне об воде, но, милый, у меня ее так много, что я надеюсь еще с тобою поделиться в счастливое свидание*. Только что

читали вслух твое письмо всей семьей, и мы решили, что, когда ты бываешь без денег, письма твои много милее, рисуют тебя лучше, ибо ты менее рассеян и не имеешь возможности быть фатом. Так берегись же: раз это установлено, ты рискуешь частенько оставаться без денег.

С. Н. Карамзина

После всего, что тебе, любимый мой Андрей, пишет маменька, а также Лиза в приложенном здесь письмеце (немножко сумасшедшем, немножко смешном, но очень трогательном), ты увидишь, что твоя сестра Софи не отстает в своей нежности и в переживаниях.

Да, ты очень благородный и добрый малый, которого я уважаю столько же, сколько люблю. Александр, которому Лиза говорила: «Софи утверждает, что все мы, в том числе она сама, далеко не стоим Андрея», ответил своим поучительным и невероятно шутовским тоном: «Еще бы: Софи питает к Андрею кровосмесительную любовь!» Чтобы окончательно обкурить тебя финиамом, я выпишу тебе несколько мест из письма Катрин (решено, что мы сегодня будем поступать так, как делал некий Василий Львович Пушкин,¹⁰ о котором дядюшка рассказывает, что тот писал всегда: «Вы говорите то, вы делаете это, вы находитесь там», одним словом, настоящее эхо своего корреспондента). Читай же и возгордись или, скорее, будь тронут: «Моя радость была почти безумием, когда я получила блаженный пакет, содержащий два письма от Андрея. Я целовала их с упоением, читала и перечитывала с восторгом, сначала одна, а потом каждой из моих золовок¹¹ в отдельности; письма так богаты чувствами, впечатлениями и описаниями, что я не могла отказать себе в удовольствии прочесть их всей семье, собравшейся за вечерним чаем, и сама, читая их, вся пылала в лихорадке, точно молодой автор на своем первом выступлении. Мое сестринское самолюбие было вполне удовлетворено интересом, проявленным моими слушателями, и хором восклицаний и замечаний, приятных и сладких моему сердцу, вызванных чтением. Мои золовки волнуются и радуются почти так же, как я, когда я получаю эти письма, и трогают меня восторженным вниманием, с которым их воспринимают. Мари, слушая их и сто раз выразив восторг перед добротой Андрея, его чувствительностью и умом, наконец, сказала: „Но у него нет ни единого недостатка, у вашего брата! Я уверена, что ни единого!“ И действительно, как он благороден, этот дорогой Андрей, как он сердечен, насколько он выше большинства человеческого рода! И как он благоразумен!

Какую чистую жизнь и какие благородные вкусы он создал себе! И как он трогателен» и пр. и пр. — и много еще прекрасных вещей, но я боюсь, что у тебя закружится от них голова, и перехожу к заключению: «Сделайте милость, во всех ваших письмах к Андрею пишите ему, что я его целую и восторженно его люблю, что не пишу ему потому, что я скверная лентяйка, что я умоляю его не писать мне отдельно, что одного его поцелуя в письмах к маменьке мне достаточно, и, зная по опыту, что утомительное писание писем отравляет иногда чудесное *far niente*^a путешествия, мне бы не хотелось омрачать прекрасный и поэтический его горизонт».

Но, право, довольно о тебе. Так как я не столь скромна, как Лиза, то хочу немного поговорить с тобой о моей собственной особе. Прежде всего, представляешь ли ты себе что-либо смешотворнее этой свадьбы, о которой все жужжат мне в уши, даже Клементий Россет (он был вчера у нас вместе с Аркадием, Скалоном и Иксюлем,¹² последний, замечу в скобках, веселый, как птица, улетевшая из клетки). Он сказал мне своим наставительным тоном: «Вы будете всю жизнь посмешищем; когда будете гулять по проспекту, все будут смеяться над вашим маленьким ростом, будут сочинять на вас разные остроты, и вы будете знать<?>, что каждый, кто на вас смотрит, придумывает каламбуры и острология!» Можно ли сказать что-либо смешнее и глупее этого? А на пресловутом балу у Клюпфелей все гусарские офицеры просили, чтобы им показали меня, и расступались перед Герсдорфом, чтобы не заслонять меня от его взора! И это тем более нелепо, что бедняга, со своей стороны, питает страстишку в Павловске к одной из Ласи¹³ и держится со мной враждебно и смущенно, а мне хочется одновременно и сердиться и смеяться из-за всех этих невероятных глупостей. Итак, на этом балу, кроме удовольствия быть рассматриваемой, я имела еще удовольствие танцевать с Коломниным,¹⁴ Золотницким, Лихачевым, с неким Иксюлем — лицеистом,¹⁵ с маленьким Вяземским,¹⁶ а мазурку с Жоржем Шевичем, благо, его нареченной не было, и, наконец, в контрдансе, самом последнем, с Герсдорфом. Мы держались, как два противника на месте поединка, не зная, что сказать, как вдруг, по счастью, ему взбрело в голову поцеловать одну старуху, смотревшую на бал через окно; и окаменевшее от изумления лицо этой бедной женщины рассмешило меня до слез, что и заменило собою разговор. — Вообрази себе, там было сто шестьдесят человек, из которых я знала не более

^a безделье, ничегонеделание (итал.).

десяти: гусары, кирасиры во множестве, один черкес, замечательно плясавший, несколько дам, очень смешных и две-три ангельски красивых. Со всем тем признаюсь тебе, что я повеселилась, как ни глупо подобное веселье в подобном обществе!

Вчера утром во время нашего семейного завтрака мы были приятно изумлены появлением Аркадия, приехавшего в дилижансе. Я никак не могла уговорить его присоединиться к компании, которая должна была заехать за мной верхами и состояла из княгини Долгорукой (Малиновской) с мужем,¹⁷ веселым спутником, госпожи Баратынской (Абамелек, красивой, милой, напоминающей госпожу Смирнову) и ее мужа,¹⁸ приятного, как тебе известно, и ее брата — миленького гусарского офицера.¹⁹ Вольдемар тоже присоединился к нам. Моя лошадь и мое искусство в верховой езде заслужили лестную дань похвалы. Я очень веселилась во время этой прогулки, а вернувшись домой, нашла гостиную нашу полной, как я тебе уже говорила.

Сегодня мы провели вечер с Вольдемаром у Шевичей, и там Жорж мне торжественно объявил, что Герсдорф от них уехал, узнав, что я должна приехать туда, — бедный малый! глуповат он всё же. Прощай, дорогой мой брат, спокойной ночи. Сейчас два часа утра. Спи спокойно и прими мой поцелуй, нежный, нежный, который я мысленно запечатлеваю на твоих закрытых веках. Тысяча приветов Киршбауму.

Е. А. Карамзина

Петербург. Вторник, 2 ч. <аса>

Вот я среди хаоса, всё перевернуто верх дном, холод волчий. О, что за ужас приехать в город раньше времени! Предупредительный *Ларрион*, всегда стараясь сделать лучше, составил всю мебель в кучу, как попало. Ужасно! Вот среди таких-то волнений я хочу еще раз сказать тебе: добрый день, мой дорогой — раньше, чем это письмо будет передано Пирлингу. Мне кажется, мой добрый друг, что ты получил достаточную порцию восхвалений от влюбленной или, скорее, от влюбленных в тебя сестер. Софи, не правда ли, как пчелка повсюду собирает мед и подносит тебе. Я же, дорогой сын, я не умею льстить, я говорю мало, но мое сердце признается, что ему <дозволено>⁶ в одиночестве всей силою любить тебя. Обнимаю тебя, люблю тебя, благословляю тебя с любовью.

⁶ Одно слово вырвано.

10. А. Н. Карамзин

31 августа—3 сентября (12—15 сентября) 1836 г. Петербург

*С. Петербург. 31 августа 1836.

Здравствуй, брате, душа Андрей. Давно я тебе не писал, т. е. более двух недель, но, получив твое милое письмо ко мне из Ганау, мне сделалось так стыдно, так стыдно, что я, поехавши отпраздновать свои именины¹ в Царское, тотчас после возвращения своего сел за стол и пишу. Надобно тебе знать, что уже я не живу в Царском Селе, что нога мне надоела и что я возвратился в Питер на службу и хотя продолжаю мазаться пластырями и разными богопротивными примочками, но уже не слушаю докторов с должным глупым вниманием, не сижу как дурак с протянутой ногой по целым дням, а разъезжаю и хромаю вдоль и поперек моей кельи одинокой.

Вчерашний день я, как gesagt,^a праздновал свои именины в Царском. Обедали у нас Мещерский² и Аркадий.³ После обеда явились Мухановы,⁴ друзья сестер; старший довольно толст и похож на умершего своего брата, он не хорош, но, видно, что эта вещь известная, очень разговорчив, весел и communicatif,⁶ младший, напротив, совершенно чорт знает что такое! Худенький, гаденький, тихонький, похож страшно на приятеля нашего Толмачева, но гораздо его хуже. Они оба ехали в Москву. Старший накануне видел Пушкина, которого он нашел ужасно упавшим духом, раскаивавшимся, что написал свой мстительный пасквиль,⁵ вздыхающим по потерянной фаворитке публики.

Пушкин показал ему только что написанное им стихотворение, в котором он жалуется на неблагоприятную и ветреную публику и напоминает свои заслуги перед ней.⁶ Муханов говорит, что эта пьеса прекрасна. Кстати, о Пушкине. Я с Вошкой и Аркадием⁷ после долгих собраний отправились вечером Натальина дня⁸ en partie de plaisir^a к Пушкиным на дачу.⁹ Проезжая мимо иллюминированной дачи Загрядской,¹⁰ мы вспомнили, что у нее фура¹¹ и что Пушкины, верно, будут там. Несмотря на то, мы продолжали далекий путь и приехали pour voir la toilette de ces dames et les mettre en voiture. Après avoir remis la partie de plaisir au surlendemain, nous revenons tout confus.^f В назначенный день мы опять отправляемся в далекий путь,

^a сказано (нем.).

^b общителен.

^c увеселительной поездкой.

^d чтобы посмотреть на туалеты дам и посадить их в карету. Отложив увеселительную поездку на послезавтра, мы вернулись совсем сконфуженные.

опять едем в глухую, холодную ночь и почти час слушаем, как ходят ветры севера и смотрим, как там и сям мелькают в лесу далекие огни любителей дач; приехали: «Наталья Николаевна приказали извиниться, они очень нездоровы и не могут принять».*

Тогда проклятия и заглушенные вопли вырвались из наших мужских грудей. Мы послали к черту всех женщин, живущих на Островах и подверженных несуразным расстройством, и вернулись домой еще более смущенные, чем в первый раз. Этим и ограничились пока наши посещения. Не будь этого услужливого недомогания, Пушкины приехали бы в Царское провести вчерашний и позавчерашний дни. Эта помеха сделала совершенно счастливой мою нежную голубку,¹² хотевшую в столь торжественный день моих именин царствовать без соперниц. Но судьба посмеялась над ее радостью и позабавилась тем, что повернула против нее же самой ее злые, бесчеловечные пожелания колик Пушкиным. Однако не будем забегать вперед и вернемся к вчерашнему дню, который так славно протекал до приезда Мухановых и во время беседы с ними. Вдруг приезжает князь Никита Трубецкой с княгиней,¹³ а за ними порхает моя голубка, потому что недомогание госпожи Шевич заставило ее искать покровительства вышеназванных князя и княгини. Всё это было еще ничего, и, несмотря на то, что я, под предлогом ревности к Аркадию, иногда оставлял нежно воркующую голубку, чтобы поболтать с довольно приятной мне княгиней Трубецкой, вышеназванная голубка казалась довольна своей судьбой. Но вот, не угодно ли, приезжает графиня Строганова,¹⁴ ставшая с некоторых пор постоянной посетительницей нашего дома; она входит блестящая, красивая, в каком-то дьявольском платье, с дьявольским шарфом и множеством других штук, также дьявольски сверкающих. Она, говорю я, входит, и голубка хмурит брови: она испугалась, ей кажется, что хищная птица грозит ее голубку; она воркует, ах, зачем только она ворковала? Ее голубок находился далеко, очень далеко, за маленькой княгиней. Но, как только он услышал воркование, он прибежал к своей бедной голубке и был вынужден сесть между ней и блестящей графиней. Садятся за чайный стол, все перемещаются, сама голубка не устояла и летит к самовару. Блестящая графиня не пьет чая. Голубок смотрит направо, смотрит налево; он видит, что все далеко и что клюв его голубки в чашке с чаем, как и все остальные клювы. Голубок оказывается один на один с предметом ужаса своей голубки. Весь вечер проходит так!!! После чая явилось мороженое, после мороженого — арбуз... а уединенная беседа всё продолжалась. Когда я вернулся к голубке, она много выпила чаю, много

съела мороженого и арбуза, но она была совсем подавлена, и при ее ворковании брызги ее слюны лишь с трудом достигали моего лица. От стула, на котором я сидел во время знаменитого разговора с глазу на глаз, пахло горелым, так же как от моих брюк в известном месте. Все разъехались, и мы тоже отправились в Петербург. Но еще сегодня мой утренний сон был наполнен голубками, сверкающими глатьями, углами, где я неистовствовал так, что мог бы поджечь некоторое место, разговорами с глазу на глаз и пр. и пр. Верь мне, дорогой мой, что только в баснях и в романах любовь голубей и голубок безмятежна и счастлива.

*2 сентября.

Вчера я был с Аркадием на «Семирамиде», милый брате; не знаю, какое на тебя сделает впечатление эта опера среди раскаленных упоений полуденной Италии; не знаю, что протечет по твоим жилам, когда ты услышишь песни итальянских примдон; но я среди холодных туманов севера, слушая контральта Воробьевой, чувствовал нечто дивное, невыразимое, незнакомое, которое пробегало меня с головы до ног и обливало холодным потом. Я глядел на этого маленького, толстоголового женского уродика в роли Арзаса, я слышал голос, которого мочугие, вдохновенные разливы обливали мою душу; я видел выражение лица, беспрестанно изменяющееся, следующее за выражением высоким россиниевской гармонии, — и этот уродик мне казался вдохновенной богиней, и я готов был соскочить с места своего и пасть к его ногам в восторженном изнеможении. Но увы! я был в седьмом ряду! Петров также поет и играет славно и от времени до времени удивляет басом. Степанова, которая играет Семирамиду, не умеет еще хорошо выказывать свой большой и по местам сильный голос. Эйзерихт также по малой привычке не умеет петь, но голос ее хорош и иногда приятен.¹⁵ Я возвратился домой и заснул только в два часа, но и среди сна еще преследовали меня дивные арии Россини, которого я в первый раз несколько понял и искренне полюбил. Нынче же, когда Семен разбудил меня и сунул под нос бумаги канцелярии, то я жадно схватил их, ибо мне показалось спресонок, что на них изображены Воробьева и Петров, поющие дуэт, и я слышал тогда очень ясно, как они его пели... Словно я записался в меломаны и не пропущу ни одной оперы! трещи, моя последняя копейка!

Довольно о музыке, приступим к другой поэзии: 27 августа 1836 года мы опять праздновали,¹⁶ но весьма бедно. Я созвал веселых друзей.¹⁷ Но то-то и беда, что у моих веселых друзей такой обычай, что всегда три четверти из них чем-нибудь да

больны: у кого геморрой, у кого черт знает что такое. Нас было девять человек, но веселой чаше остались верными только Юрка, Ванька Эд., Дядя, немножко Гуська,¹⁸ да, наконец, я. Пунш Royal был отличен, и я сам его делал. Мы пели, рапировали, шумели, старались вспомнить старые годы, но что-то не то было. Мы пили за твое здоровье и строили желания, чтобы на будущий год и ты с нами играл тризну по нашей протекшей быстрой, шумной, юной жизни студенческой.

Я очень рад, что мы всегда творим эту тризну. Так странно и вместе приятно раз в год видеть опять тот круг молодежи, в котором прежде жил, видеть опять старых очуждалых друг другу друзей, у которых не осталось ничего между собою общего, кроме воспоминаний о забавах былых беспечных дней, и которые раз в год собираются раз в год^а предаваться этим веселым воспоминаниям вокруг чаши дружеской и с песнью застольной и шумной. Эти друзья тогда опять между собою дружны делаются, как прежде, каждый из этих рассказывает, что он делал, где был в продолжение года, и все внимают ему и обнимают его, как будто бы он странник, возвратившийся в круг родной, в многочисленную семью. Да, брате, люблю тогда пошуметь

И вспомнить стары времена
За чашей дивного вина,

как говорит какой-то поэт, которого ты коротко знаешь.¹⁹

3 сентября.

Вчера вечером я с Володькой опять ездили к Пушкиным и было с нами оригинальнее, чем когда-нибудь. Нам сказали, что дескать дома нет, уехали в театр.²⁰ Но на этот раз мы не отстали так легко от своего предприятия, взошли в комнаты, велели зажечь лампы, открыли клавиорды, пели, открыли книги, читали и таким образом провели час с четвертью. Наконец, они приехали. Поелику они в карете спали, то и пришли совершенно заспанные, Alexandrine²¹ не вышла к нам и прямо пошла лечь; Пушкин сказал два слова и пошел лечь. Две другие²² вышли к нам зевая и стали просить, чтобы мы уехали, потому что им хочется спать; но мы объявили, что заставим их с нами просидеть столько же, сколько мы сидели без них. В самом деле мы просидели более часа. Пушкина не могла вынести так долго, и после отвергнутых просьб о нашем отъезде она ушла первая. Но Гончарова высидела все 1¹/₄ часов, но чуть не заснула на диване. Таким образом мы расстались, объявляя, что если впредь хотят нас видеть, то пусть присылают карету за нами. Пушкина велела тебе сказать, что она тебя целует. (Ее

^а Так в подлиннике.

слова.) Ты спрашиваешь, зачем я не пишу тебе конноартиллерийских новостей, но, право, писать нечего: всё то же самое, что и при тебе было. Аркадий²³ хочет через месяц выпроситься во фронт и ехать в Новгород. Малорос мой²⁴ едет инспектировать батареи, и я буду на днях посвободнее и поеду в Царское дня на два. Ты, вероятно, уже читал в газетах que l'empereur a versé dans le gouv<ernement de Tamboff et s'est cassé la clavicle.²⁵ Mais maintenant cela va bien.^e

Я хотел тебя ругать так, как маменька, за то, что ты всё пьешь вино, а сам же пицешь, что это для тебя яд. Возьми меня в пример: я из одной экономии не пью ни капли, и весь лагерь не пил, кроме воды, ничего. И за то ты скотина, что простужаешься. Вообрази, я нынче всё видел во сне, что ты приехал к нам и что по дистракции всё продолжал это письмо и только после вспомнил, что уже оно не нужно.

Целую и обнимаю тебя яко прилично мне, мощно любящему брату твоему. До свидания, брате.

А. К.

Miss Mariana Skoogel *²⁶ здесь, но я ее не видал, она должна быть сегодня в Царском.

Вообрази, что до сих пор «Семирамида» не выходит у меня из головы. Черт возьми, я меломан, ей богу, меломан.

Лошадью твоею я стараюсь надуть Соловцова,²⁷ лошадей упряжных приходят иногда смотреть. Но от этого лучшего нет еще ничего: те же долги, те же расходы.*

11. Е. А. и С. Н. Карамзины

3 (15) сентября 1836 г. Царское Село

Е. А. Карамзина

3/15 сентября, четверг, 2 ч. <аса>, 1836. Царское Село.

Здравствуй, дорогой мой Андрей, прошу у тебя прощения за то, что опоздала писать тебе на два дня, но противная Софи тому виною, она спутала числа и заставила меня нарушить обещание против моей воли и даже в эту минуту как демон-искуситель уговаривает меня отложить письмо до следующего курьера, уверяя, что это мое письмо будет лишним, раз Александр уже написал тебе длинное письмо из Петербурга, и что ты пресытишься слишком частыми письмами, но я стараюсь не поддаваться ни ее убеждениям, ни собственной лени, которая

^e что экипаж с государем опрокинулся в Тамбовской губ<ернии> и государь сломал себе ключицу. Но теперь все идет хорошо.

* Мисс Марианна Скугель.

шепчет о том же, и хочу свято исполнить обещание, особенно сейчас, когда ты благодаришь меня так нежно за то, что я дала его. Ты же, милый друг, пожалей наши глаза и наши головы; в последнем письме ты мало об этом беспокоился, ты подверг истязанию бедные наши глаза, заставив разбирать твое письмо, и наши головы, заставив отгадывать там, где не удавалось нам разобрать; а потом еще самое главное мучение: хотелось бы проглотить письмо сразу, от начала до конца, а вместо этого приходится разбирать слово за словом, даже Софи; ты понятия не имеешь, что это за каракули, подумай только: мы с радостью и волнением открываем дорожке письмо и вдруг обнаруживаем листок, весь исчерченный черным и белым, на который нанесены неразборчивые знаки. Надо сказать, что на этот раз ты превзошел себя. Кроме того, ты ведь хозяин своего слова, ты обещал мне коротенькое письмецо, и действительно, уж как коротка эта маленькая чернушка!

Прошу тебя, мой друг, подробно написать о предписаниях Коппа, чтобы мне знать всё, что тебе должно делать как в смысле продолжения лечения, так и в смысле режима и гигиены. Ради бога, дорогой Андрей, не будь легкомысленным и невнимательным к своему здоровью, крепче держи свое слово; ты не должен пить вина — а тогда что за удовольствие выпить хотя бы каплю, — ты знаешь, что она упадет на меня огненной каплей; ты должен теплее одеваться; нельзя, чтобы леность одерживала верх и чтобы ты рисковал простудиться и потом кашлять из-за того лишь, чтобы не надеть на себя лишней одежды. Ты обещал не садиться ни за рулетку, ни за какую-либо другую азартную игру — и не сдержал обещания. Ты говоришь мне, что почти не играл: поздравляю тебя с этим сейчас, но ты не можешь поручиться, что всегда будет так; да самый поступок не имеет значения, дело в принципах, меня пугает полное отсутствие силы воли; вот в таких случаях твердость есть добродетель. *О, милый Андрей, сколько горя, сколько страху*. Есть такие качества, такие хорошие свойства, в отношении которых я за вас не боюсь, но вот этот ужасный скептицизм, женщины, игра, политика — всё это чудовища, мучающие мое воображение, да еще мелкие недостатки, которые, однако, причиняют много зла, физического и морального: невоздержанность в чувственных удовольствиях, беззаботность и рассеянность, доведенные до крайности. — всё это смущает меня день и ночь. Ты держишь в своих руках мое спокойствие, нынешнее и будущее; твое поведение даст мне возможность измерить, чего мне ждать от тебя, хорошего или дурного, в старости моей; не разочаровывай меня, дорогой сын, дай мне испить сладкую чашу, она послужит бальзамом для многочисленных

моих ран, и убери чашу, полную горечи, которая могла бы только еще больше разбередить эти раны.

Ты прощаешь меня, дорогой друг, за то, что в своих письмах я говорю языком немного строгим, но тебе не понять страха и огорчений матери, когда дело идет о благополучии ее любимого дитяти и когда это дитя находится далеко от ее неусыпного глаза! Но, неправда ли, мой добрый друг, есть шестое чувство в переживаниях матери; каким образом, разлученная с тобой расстоянием, морями, я угадала, что ты играл, я угадала, что ты не совсем здоров, я спорила об этом с Софи: ты мне ничего не говорил, и именно в этом ничего я читала всё; я желаю, чтобы ты сказал мне честно, что ты думаешь о том молодом человеке, с которым ты сблизился в Эмсе, господине Гальперте¹; мое шестое чувство, которое я назову исключительно материнским, подсказывало мне что-то отталкивающее от него, и я никогда не испытывала удовольствия, читая его имя и твои строки о твоих с ним взаимоотношениях; будь открытен, я хочу уточнить мои симпатии. Поэтому-то я бывала всегда так довольна, когда ты мне говорил о Голицыных,² их-то я жду с нетерпением, как любимых родных или как старинных друзей, я постараюсь вытянуть из них всё, что возможно, относительно тебя, не забуду и про твои *отношения*. Благодарю тебя за обещания вернуть мне по возвращении деньги, взятые в ломбарде; что сделано, то сделано, старайся быть по возможности экономнее, это до крайности необходимо, — довольствуйся скромными развлечениями, доступными тебе, и особенно пусть эти жертвы будут принесены с пользой для твоего здоровья — ведь это главная и даже единственная цель твоего путешествия; удовольствия — это лишь счастливый случай, которым ты пользуешься. Пусть это будет твоей верой, мой друг, это ведь чистая правда.

Несколько дней погода у нас стоит ясная и сверкающая, хотя и свежая; природа еще богата зеленью, но уже зелень начинает пестреть. Я кончила пить воду, но отнюдь не прогулки, которые в Царском люблю всё более и более. Мы хотели бы продлить пребывание здесь возможно дольше — из экономии, всё же меньше расходуется денег. Братья твои менее, чем ты, расточительны и теперь не следуют твоему дурному примеру; они даже не обедают, но это уж беспорядок, за который я их браню.

Дня два назад мы были чрезвычайно взволнованы одним известием, которое могло стать ужасным, но по великой милости божией оказалось лишь огорчительным: государь во время поездки по России темной ночью испытал ужасное падение вблизи маленького городка Пензенской г. (убернии). Он

ехал с Бенкендорфом и со своим камердинером в коляске, запряженной шестью лошадьми. Гос.<ударь> и Бенкен.<дорф> крепко спали, как вдруг вся шестерка лошадей закусила удила и коляска опрокинулась. Бенкен.<дорф> встал жив и здоров и, так как не было видно ни зги, стал громко звать г.<осударя>, который не откликнулся; тогда он стал искать ощупью и нашел его лежащим в обмороке, без помощи, потому что никого больше с ним не было. Какой-то прохожий помог отвести его пешком до ближайшего села, в четырех верстах от этого ужасного происшествия. Через час, когда приехал Арендт, оказалось, что сломана левая ключица. Бедный государь вынужден пробыть в этой гадкой дыре три недели, но, впрочем, слава богу, он чувствует себя хорошо. Он написал г.<осударю>не, чтоб она к нему не приезжала; она вдвойне несчастна и из-за этой несчастной катастрофы и из-за того, что не может поехать к нему. Бог да возвратит ему совершенное здоровье. Но очень неосторожно рисковать жизнью и для него и для России.

Прощай, мой дорогой друг, рука совсем не повинувается, и мои каракули, пожалуй, поспорят с твоими в неразборчивости. Обе мисс Скугель здесь, они собираются отплыть в Лондон и возвратятся весной. Они сразу узнали твой портрет, который будет показан на выставке; так хочет добрый Орлов. Эти дамы просят передать тебе тысячу искренних приветов. Прощай, дорогой, очень дорогой *Андрюшка, прижимаю тебя к сердцу, тебя любящему нежно, и благословляю; божие благословение над тобою, милый сын мой!*

8 ч.<асов>

Мы вернулись с прогулки, Мариана и Софи верхом, а я, Лиза и Джорджиана в коляске. Я оставила этот краешек листа для того, чтобы сказать тебе завтра еще раз добрый день, но вспомнила, что утром мне надо будет пойти в церковь на панихиду, помолиться о прекрасной душе имп.<ератрицы> Елизаветы,³ так же, как я это сделала в канун Александра дня для имп.<ератора> Александра.⁴ Здесь, в Царском, где еще всё дышит, всё трепещет воспоминанием об этом человеке, не было никого, кроме двух лакеев, присутствовавших *по наряду*, и несколько лиц в отдалении; я одна стояла на коленях, молясь и оплакивая его нежную душу.

Будь спокоен, деньги в Ганау отправляются с этим курьером, я не имела возможности сделать это раньше. У Вольдемара экзамен прошел блестяще, как он меня уведомляет, и признается, что очень этим доволен. Прощай же, на этот раз уж в самом деле, мой дорогой *Андрюшка*, поздравляю тебя с днем именин Лизы, который будет отпразднован пятого, послезавтра.

По правде говоря, у меня не было никакого желания писать тебе сегодня, дорогой мой Андрей, так как, проехав во вторник в город по кой-каким поручениям Катрин, я прочитала там прелестное письмо Александра, содержащее все необходимые подробности о нашем существовании, так что мне ничего не оставалось сказать, мне, которая, как тебе известно, сильна только в рассказывании. Я видела их холостяцкое хозяйство, т. е. хозяйство моих братьев (и Аркадия также). Нельзя себе вообразить ничего более плачевного: представь себе, что на обед они посылают взять у Кулона⁵ то две порции котлет и одну картофеля, то две картофеля и одну котлет и приносят друг другу жертвы щедрости — кому не есть, тогда как сами умирают от голода и макают свой хлеб во всё, что служит соусом, и в крошки. Ну, не абсурдно ли это? Я тоже с ними пообедала, и на этот раз оказалось на нас четверых три порции супа и котлет. В негодовании я крикнула *Семену*: «Скорее, жаркого за мой счет, и четыре порции!» Надо было видеть, как всё это было съедено! Но что же это за глупость!

Возвратившись в Царское, я чуть что не заставила маменьку плакать, рассказывая об их образе жизни, — и притом на столе ничего, кроме чистой воды, — умеренности, которой ты должен был бы подражать, как заметил совершенно разумно Александр. Боже мой! Как он меня позабавил наемни своим двухчасовым разговором наедине с графиней Натальей,⁶ и нет возможности узнать от него, что они говорили друг другу; мне кажется, что он и сам этого совсем не знает. Завтра я возвращаюсь в Петербург. Вот где чудеса! Для того, чтобы привести в порядок квартиру Валуевых, Мари настоятельно просит меня об этом, а меня, признаюсь, это очень расстраивает. Надеюсь привезти с собой назад Вольдемара, а послезавтра Александр и Аркадий приедут тоже, чтобы поздравить Лизу, покататься с ней утром верхом и потанцевать, если будет возможно, вечером, так как на вечеринках без танцев бедняжка играет грустную роль, сидя одна на большом диване за чашкой чая в одиночестве и молчании. Потому она твердит всегда, что в пятнадцать лет занимаешь в обществе весьма ложное положение. Сегодня она повеселилась со Скугелями, то-то было веселье, шибетание и short bread,^a состряпанные вечером в кухонной печи. Можешь себе представить, как она была delighted.⁶

^a рассыпчатое печенье (англ.).

⁶ в восхищении (англ.).

В Павловске всё угрюмо и печально: the wedding has not made people merry.⁹ Лидия холодна, как лед, Жорж⁷ грустен и смешон, как продрогший влюбленный, госпожа Блудова как никогда угрюма и кисла, госпожа Шевич часто в слезах, Александрина⁸ всё ходит на богомолье и возвращается больная телом и душой, Антуанетта⁹ страдает головным ревматизмом, мисс Ласи больше не поют, а нежно воркуют, обращая грустные и влюбленные слова к Герсдорфу, а он, Герсдорф, если это тебя интересует, просил у меня откровенного и честного объяснения по поводу распространяемых о нас слухах, которые должны были бы мне быть весьма неприятны. Я посоветовала ему, смеясь, не принимать всё это трагически по той причине, что нелепые слухи сами собою прекращаются; и вот мы снова лучшие в мире друзья и снова вместе катаемся верхом, что почти равносильно разделенному хлебу между дикарями.

Доброй ночи, дорогой брат, желаю тебе спать крепко и во сне видеть всех твоих близких: это самое приятное, что только я могу тебе пожелать, не правда ли?

Маменька умоляет тебя быть осторожным в Швейцарии: в горах будет уже так холодно! Никогда не забывай твоего плаща и не подвергайся опасности простудиться для какой бы то ни было красоты. Помни о нашем ужасе, если бы ты заболел. Твое нежное письмо из Ганау влило бальзам в наши души.

Софи.

Тысяча нежных приветов добрым, любезным Севериным.¹⁰

На обороте (рукой Е. А. Карамзиной): Милостивому государю господину Андрею Карамзину в Берн. Вверяется любезному попечению господина Северина, российского посланника в Швейцарии.*В Берн, в Швейцарию*.

12. С. Н. и Е. А. Карамзины

19—20 сентября (1—2 октября) 1836 г. Царское Село

С. Н. Карамзина

Царское Село. Суббота, 19 сентября/1 октября.

Здравствуй, мой дорогой Андрей! Какое живое удовольствие доставило нам твое милое, твое длинное, твое прелестное письмо из Баден-Бадена.¹ Что касается меня, то я читала и перечитывала и целовала его раз десять. Жуковский также пожелал его

* свадьба никого не развеселила (англ.).

послушать и был им очарован, хотя и не так, как твоими русскими письмами; он находит, что эти последние замечательно хорошо написаны, и просит передать тебе, что они имеют характер более оригинальный, *более самобытный*, нежели это допускает французский язык, который, по его мнению, чересчур плавен и слишком гладок, и что он предпочитает слушать, как ты по-русски выражаешь *твои горячие чувства и мысли, где отражается еще какое-то радушие и милая живость, напоминающие ему твоего отца*. Это очень верно! Рейтерн, со своей стороны, писал ему, что знакомство с тобой, которым он ему обязан, доставило ему много удовольствия, что ты очень ему понравился и что вы провели вместе сладостный день, словно старые и близкие друзья. Какое наслаждение всё это слышать, милый братец! А тут еще этот милый Жуковский добавляет: *«Да, я люблю Андрея», это благороднейшее существо!» — *А как я люблю Андрея! Это чувство ему не ново, но оно так сильно, так сильно в моем сердце, что хочется его выразить*; это — как твой поцелуй Александру, *издали не боюсь наскучить*.

Сегодня утром твое письмо отправилось в Лотошино; для меня праздник — думать о том, какую радость оно доставит Катрин. Она же, кстати сказать, бредит тобою и твоими письмами до такой степени, что на днях Аркадий, слушая, что она о них говорит, смеялся, как сумасшедший, и непременно хотел, чтобы мы отправили тебе ее послание, где она называет тебя Сципионом² по воздержанности, Катоном³ по твердости характера, трогательным и героическим юношей, быть сестрой которого она гордится. Согласись, что ты этого не заслужил в полной мере, ты, который был влюблен в госпожу Лансберг,⁴ который играл в рулетку, который упорно продолжаешь принимать яд в виде вина и хочешь расстаться с Киришбаумом, чтобы жить на свободе: во всем этом нет ничего античного или героического, и Александр справедливо замечает, что никто не говорит о нем, хотя он куда больше напоминает Марка Аврелия⁵ своей философией и Диогена⁶ своей умеренностью!

Как прелестно твое описание Гейдельберга⁷ и как напомнило мне оно живые, сладостные и мечтательные чувства, которые внушает вид этого Kleiноп⁸ Германии и его развалин! А твоя прогулка верхом в Баден-Бадене: спасибо, что подумал обо мне; о да, я была бы счастлива совершить ее вместе с тобой, представляешь, как чудесно было бы наслаждаться твоими впечатлениями? Но об этом не следует и думать, слишком

⁸ Сокровища (нем.).

Больно видеть, как плохо устроена жизнь и как много счастья мы теряем по вине обстоятельств. Александрина Смирнова нам еще не написала, но то, что ты о ней сообщил, доставило нам много удовольствия. Теперь мне понятно твое баденское опьянение и та совершенная ничтожность, в которую там упал твой бедный спутник (между прочим, он меня умиляет, и мне его очень жаль).

Что касается нас, дорогой Андрей, то мы живем теперь не в маленьком провинциальном городке, но в блистательной императорской резиденции. Двор здесь уже десять дней, а государь два дня назад прибыл из Москвы за тридцать шесть часов (вот как он исправляется от любви к быстрой езде после того несчастного случая). Говорят, он похудел, рука у него на перевязи, но чувствует он себя хорошо. В остальном ничто в Царском не изменилось: парк такой же пустынный, как и прежде, и прогулки столь же свободны. В минувшее воскресенье, впрочем, наше рещанское существование было совершенно нарушено: нас разбудили приглашением на вечерний бал, после чего мы отправились к обеду, где дамы в роскошных уборах, а мужчины в парадной форме (все, даже Жуковский) ожидали появления земных владык. Мы же, пришедшие туда, только чтобы поклониться владыке небесному, мы скромно спрятались в глубине церкви, в толпе царскосельских обывателей. Когда, вернувшись оттуда, мы сидели за чаем, приехали в дилижансе Вольдемар и Поля Вяземский. В час дня я должна была с ними обоими и с Герсдорфом поехать верхом (должна по этому случаю признаться тебе, что светские пересуды заставили нас в конце концов принять друг перед другом вид *regular flirtation*,⁶ с которым я справляюсь благодаря моей постоянной склонности к *отношениям*, которые только и придают остроту светской жизни).

В тот момент, когда я садилась на моего славного скакуна, я вдруг увидела во дворе нового посланца и к ужасу моему услышала: *Государыня приглашает к обеду*. Я боялась, как бы маменька не помешала моей прогулке, и Герсдорф советовал мне уехать, как бы ничего не зная, но я для этого слишком совестлива, и в награду мне было позволено доставить себе удовольствие более сильное и несомненное, нежели все прочие: за два часа я обскакала, на полном карьере, Царскосельский и Павловский парки, и в четыре часа мы были уже в парадных платьях в Александровском дворце. Помимо двора, там был лорд Дерхем⁸ (с женой, сухопарой и угловатой англичанкой, с локтями, прижатыми к талии, и с дочерью, бледной молодой особой — ни фигуры, ни лица), который представил лорда и

⁶ постоянного флирта (англ.).

леди Лондондери,⁹ этих пресловутых тори, надменных, чванных и несметно богатых: он — в гусарской форме, лицом и фигурой похожий на Арендта, она — в прошлом красивая женщина, вся увешенная драгоценностями, с видом необычайно гордым и самоуверенным. Они были отлично приняты, и милорд, свидетельствуя свою признательность государыне за оказанный ему милостивый прием, сказал ей, что она проявила много такта. У Дерхема всё время был угрюмый и насмешливый вид. Государыня была очень любезна с маменькой, но маменька почувствовала себя, однако, не в силах вернуться на бал, куда я поехала с Лили Захаржевской и где мне было очень весело: самое помещение располагало уже к удовольствию, эта прелестная зала в середине Александровского дворца, чудесно освещенная, наполненная зеленью, у окон толпились любопытные, и при этом полная и безраздельная свобода. Я танцевала (хочешь знать с кем?) одну кадриль с графом Жоржем Толстым,¹⁰ другую — с полковником Есиповым¹¹ (который не преминул, как всегда безуспешно, пригласить меня на мазурку), третью — с Герсдорфом, четвертую — с противным кирасирским офицериком *Пушиным*, который хвалился, что приходится кузеном Мещерскому, пятую — с Алопеусом,¹² один вальс — с Шевичем, другой — с Александром Трубецким и мазурку — с нашим другом Лужиним,¹³ которого я была счастлива увидеть и который просил передать тебе тысячу приветов. Ужинали мы за маленькими столиками, я устроилась в лоне Павловской колонии, и в полночь празднество кончилось. Заставили вальсировать леди Лондондери, и я вспомнила твои слова о том, что все народы выглядят неуклюже на бале сравнительно с нашим.

В понедельник у нас были Александр и Аркадий, и мы вместе смаковали твое письмо из Бадена. Вечером мы были на именинах у Шевичей, и за всё время, что мы там находились, оба молодых человека раскрыли рот лишь для того, чтобы напомнить мне, что пора отправляться во-свояси; зато дома, за чаем, они болтали и смеялись, и Александр рассмешил до слез всех, даже маменьку. Во вторник мы присутствовали на очаровательном детском спектакле у Никиты Трубецкого, где меня совершенно растрогала картина любви и семейного счастья. В среду мы отдыхали и приводили в порядок дом, чтобы на другой день, день моего ангела, принять множество гостей из города; в ожидании их маменька сильно волновалась, но всё сошло очень хорошо. Обед был превосходный; среди гостей были Пушкин с женой и Гончаровыми¹⁴ (все три — ослепительные изяществом, красотой и невообразимыми талиями), мои братья, Дантес, А. Голицын, Аркадий и Шарль Россет (Кле-

ментия они позабыли в городе, собираясь впопыхах), Скалон, Сергей Мещерский, Поль и Надина Вяземские (тетушка осталась в Петербурге ожидать дядюшку, который еще не возвратился из Москвы) и Жуковский. Тебе нетрудно представить, что, когда дело дошло до тостов, мы не забыли выпить за твое здоровье. Послеобеденное время, проведенное в таком приятном обществе, показалось очень коротким; в девять часов пришли соседи: Лили Захаржевская, Шевичи, Ласси, Лидия Блудова, Трубецкие, графиня Строганова, княгиня Долгорукова (дочь князя Дмитрия), Ключфели, Баратынские, Абамелек, Герсдорф, Золотницкий, Левицкий,¹⁵ один из князей Барятинских¹⁶ и граф Михаил Виельгорский, — так что получился настоящий бал, и очень веселый, если судить по лицам гостей, всех, за исключением Александра Пушкина, который всё время грустен, задумчив и чем-то озабочен. *Он своей тоской и на меня тоску наводит*. Его блуждающий, дикий, рассеянный взгляд с вызывающим тревогу вниманием останавливается лишь на его жене и Дантесе, который продолжает всё те же штуки, что и прежде, — не отходя ни на шаг от Екатерины Гончаровой, он издали бросает нежные взгляды на Натали, с которой, в конце концов, всё же танцевал мазурку. Жалко было смотреть на фигуру Пушкина, который стоял напротив них, в дверях, молчаливый, бледный и угрожающий. Боже мой, как всё это глупо!¹⁷ Когда приехала графиня Строганова, я попросила Пушкина пойти поговорить с ней. Он было согласился, краснея (ты знаешь, что она — одно из его *отчислений*, и притом рабское), как вдруг вижу — он внезапно останавливается и с раздражением отворачивается. «Ну, что же?» — *«Нет, не пойду, там уж сидит этот граф».* — «Какой граф?» — «Д'Антес, Гекрен что ли!»¹⁸ Кстати, о графине Строгановой: вообрази, Скалон внушил себе, что он безумно в нее влюблен! Когда она вошла, я с ним танцевала кадрили, но вдруг чувствую, что его рука в моей руке сделалась мертвенно-холодной, я взглянула на него с удивлением, он был блеее платка и от волнения не мог говорить. Потом он признался мне, что ему едва не стало дурно. Полюбуйся, вот какое действие оказывает на слабый ум тщеславие, которому потворствуют! А еще говорят, что это свойственно лишь женщинам! Она же, между тем, весьма серьезно кокетничала с Александром, но тут нашла коса на камень*. В остальном же он был очень мил и много танцевал, как мне кажется, следуя твоим советам, и разговаривал надлежащим образом. Вольдемар — красивый, гордый и высокомерный — соблаговолил протанцевать несколько кадрили и позволил себя выбрать на мазурку. Мишель Виельгорский танцевал, как сумасшедший, и был любезен до крайности, а после того, как все разъехались,

он с нами еще долго и много беседовал, покуривая сигару. Прощай, мой милый, дорогой Андрей, обнимаю тебя и люблю со всею нежностью. Вольдемар, который только что (девять часов) приехал вечерним дилижансом, также от всего сердца тебя обнимает.

Софи.

Напомни обо мне Леону Соллогубу.¹⁹ Передай от меня сердечный привет Киришауму.

Е. А. Карамзина

Царское. Воскресенье в полночь, 20 сентября 1836.

Вот и я, вместо Софи, занимаюсь ночной корреспонденцией. Чудесная погода и *гости* помешали мне написать тебе днем, мой милый, дорогой Андрей. После обедни, которая продолжалась до полудня, мы завтракали, как это делалось и при тебе, а потом сияние солнца, мягкость воздуха побудили меня отправиться на прогулку. Это была долгая, прекрасная, очаровательная прогулка. Со мной была одна Лиза, а Софи скакала с Вольдемаром. Вернувшись домой, я была немного утомлена и успела отдохнуть как раз к обеденному часу. Милый Жуковский пришел разделить с нами нашу скромную трапезу. При виде столика, накрытого на четыре прибора, он немного испугался за свой аппетит, но я его успокоила, и, пообедавши, он остался очень доволен вкусной едой и всё повторил: *«вот я так люблю обедать»*. Он был очарователен своей детской веселостью. Потом явилась блистагелная Аврора с розовыми перстами, она в самом деле вся розовая и прелестна, как ее имя.²⁰ Она приехала к нам с прощальным визитом, завтра она уезжает в Финляндию, где будет дожидаться жениха,²¹ а затем, после свадьбы, отправится со своим золотым супругом за границу. Ты, возможно, увидишь ее в Италии; она обещала, что будет к тебе внимательна, но не сходи от нее с ума, как это часто с тобой случается ради хорошенькой женщины, а эта уж очень хороша.

Совсем неожиданно для нас появился Серж Мещерский; он обедал у Баратинских, или точнее *у Баратынских*. После того как все они уехали, пришла выпить с нами чаю госпожа Захаржевская, наша прекрасная и милая соседка, а сейчас она ушла, и я, посмотрев на часы, обнаружила, что уже двенадцать часов. Чтобы не нарушить своего слова, я хочу, чтобы завтра тебе было отправлено с почтой также и мое письмо; Софи написала свое еще вчера или позавчера.

А что до твоего почерка и письма, написанного ночью, то я, дорогой мой, должна тебя серьезно побранить. Ты хвастаешься своей старательностью и аккуратностью, а в доказательство помечаешь письмо четырьмя ч. (асами) пополуночи: указывая время, которое ты употребляешь для писания писем вместо того, чтобы спать в своей постели, ты отравляешь всё удовольствие и всю радость, которую мне доставляют твои письма. Итак, дорогой мой, решительно и совершенно серьезно запрещаю тебе писать письма после полуночи, и в этом я еще чересчур снисходительна; для тебя это будет физически благотворно, а для меня — морально, я буду меньше беспокоиться, а без этого — один бог знает, как я беспокоюсь. Ты говоришь, что хотел бы расстаться со своим товарищем, но, друг мой, ты совсем забыл, ради чего он был к тебе приставлен. В его лице я предлагала тебе не просто попутчика или товарища, но и надзирателя на случай несчастной необходимости, человека, который восстанавливал бы порядок, когда ты слишком его нарушаешь, пробуждал бы в тебе голос совести, если бы ты слишком увлекся и позабыл мои советы и просьбы; вот чем я бы хотела, чтобы он был для тебя. И, кроме того, в минуты одиночества пусть он будет тебе приятен как человек, привязанный к тебе и к твоему семейству.

Признаться, я не без ужаса представляю себе твою жизнь светского молодого человека, который к тому же имеет руководителем Леона; ²² я его люблю, знаю его как доброго малого, но он показался мне легкомысленным, и, в качестве поправки к вашему легкому, светскому образу жизни, нет ничего плохого, если, возвращаясь домой, ты будешь находить там кого-то, кто здраво рассуждает и скажет или, вернее, напомнит тебе, ради чего ты покинул свое семейство и ради чего нам приходится выносить твое отсутствие. Отсюда, издавека, я не могу, милый Андрей, ничего тебе предписывать; я знаю, что ты добр и чувствителен, и предоставляю тебе полную свободу поступать так, как велит тебе твой разум и сердце; я уверена, что всякий раз, когда ты со всей прямоотой спросишь их совета, они тебя не обманут, и ты поступишь хорошо, только не следует лгать ни тому, ни другому. Хочу только сказать тебе о твоем пребывании в Бадене и о твоих отношениях с местным врачом; тебе самому выбирать между ним и Коппом, но не знаю, я лично предпочитаю Коппа и полагаю, что надо следовать его предписаниям. Единственное, на чем я настаиваю, это чтобы ты никогда не забывал о своем здоровье и чтобы всё было подчинено этой мысли: путешествие, развлечения, любознательность. Первая твоя мысль должна быть о боге, а вторая о собственном здоровье, и мысль эта напомнит тебе о твоей матери, о твоем

семействе. Да, дорогой сын, заклинаю тебя, пусть будет так. Какое живое участие я приняла в твоих баденских удовольствиях и развлечениях, ты их нам описал с такой прочувствованной правдивостью, что мы все словно сами в них участвовали. Я всем сердцем люблю госпожу Смирнову и уверена, что она платит нам тем же.

Смотри, не стань еще и соперником Леона, ты с таким восхищением говоришь об этой прекрасной звезде Ванде.²³ Затем прощай и доброй ночи. Думаю, что тебе не переварить всех наших писем, адресованных в Швейцарию; ты, должно быть, нашел у господина Северина огромный их ворох. Нужно было бы на некоторое время лишить тебя наших писем, чтобы они производили на тебя такое же впечатление, как прежде, ибо ты как будто совсем пресытился этим удовольствием или счастьем, как ты говорил. Прощай, дорогой Андрей, с нежностью прижимаю тебя к сердцу, так, словно ты рядом со мною. Боже, когда ты в самом деле будешь со мной? Благословляю тебя от всего сердца и призываю на тебя благословение неба. Чаще вспоминай о твоём отце, пусть он служит тебе защитой от зла и пусть ведет тебя стезею добродетели. *Бог с тобою и с нами, мой милый Андрюшка*.

Я экономлю на почтовых расходах, потому что ты на них экономишь недостаточно.

На обороте: Милостивому государю господину Андрею Карамзину в Баден-Баден, в великом герцогстве Баден, близ Карлсруэ. До востребования. *В Баден-Баден, близ Карлсру*

13. Е. А. Карамзина

29 сентября—1 октября (11—13) октября 1836 г. Царское Село

29 сентября 1836. Царское Село. Вторник, полдень.

Нам следовало написать тебе вчера, дорогой Андрей, но Софи перепутала все дни и числа, я же, ты знаешь, совсем без памяти и легко бываю рассеянной; всё оказалось, однако, к лучшему, ибо вечером мы получили твоё милое и прелестное письмо¹ или, вернее, небольшое сочинение о восхождениях и спусках с гор; а ведь куда приятнее отвечать по горячему следу, нежели утром написать письмо, а вечером получить и потом дожидаться возможности послать ответное. Сейчас нам предстоит ответить на два твоих письма из Швейцарии, ибо случилось так, что в прошлый понедельник мы отправили тебе письмо,² а вечером получили твоё из Цюриха!³ Ты знаешь, что я не восторженна и потому не стану говорить тебе, как говорит твоя сестра Софи, что письма твои прекрасны, но я их очень

люблю, мне нравятся их мысли, их стиль, манера повествования и чувства. Я очень рада тому, что красоты природы так сильно действуют на тебя; в твоих письмах не достаёт лишь одного, и весьма существенного, того, что так глубоко выражено в письмах и во всех суждениях твоего отца, — религиозного чувства, которое согревает и облагораживает созерцаемые предметы, постоянно обращая ваши мысли к творцу и наполняя сердца его созданий чувством умиления и благодарности. О, будь верующим, дорогой мой сын, будь очень верующим; это чувство, такое чистое, такое высокое, возвышало твоего отца над другими людьми, столь же умными, как он, и даже умнее его, но никто из них не обладал более прекрасной, более чистой душой, чем он, и сделала ее такой возвышенной любовью к богу, религиозное чувство, ее наполнявшее.

Как сильно, сильно я тебя люблю, Андрей, в твоих письмах так много хорошего и даже что-то ласковое, но не думай, что всё в них мне нравится; за некоторые вещи мне хотелось бы не только тебя побранить, но и поколотить; например, как ты смеешь постоянно, да еще с таким бесстыдством, сообщать мне, что ты по всякому поводу пьешь шампанское. Тебе запретили пить даже и каплю вина, потому что это яд, а ты пользуешься даже днем ангела Лизы, который ты перекрестил в день ее рождения, чтобы найти повод выпить вина. Тебе, однако, известно, что дома это привилегия только старших членов семейства; кроме того, ты пишешь мне по ночам, — за всё это; знаешь ли, если бы ты был возле меня, я бы тебя побила, ударила бы тебя кулаком, как Соллогуб,⁴ когда его разбудили, чтобы он полюбовался прекрасной луной над прекрасными горами. А потом я расцеловала бы тебя за удовольствие, которое мне доставляют твои письма и прижала бы тебя к сердцу за ту радость, которую ты ему приносишь твоими нежными и такими сладостными словами; что за сладостная вещь нежность детей, сердце мое тает от ее горячих лучей, но это случается нечасто; письма твои, впрочем, всегда производят на меня подобное действие, и я тебе за это благодарна.

Вот нацарапала уже целую страницу, а ведь думала, когда принималась писать, что с трудом заполню несколько строк, ведь я уже отправила письмо милой госпоже Смирновой в ответ на то, которое она прислала Софи;⁵ она подробно сообщает о тебе и выступает передо мной в роли твоего адвоката. Но как ты полагаешь, есть ли в этом нужда? Не кажется ли тебе, что лучший адвокат — ты сам? До тех пор, друг мой, пока я доверяю тебе, твоему сердцу, твоим принципам, я буду делать всё, что смогу, и так же — для всех других моих детей; я очень требовательна, потому что, как мне кажется, должна так поступать;

вы молоды, и я стараюсь привить вам хорошие черты, хорошие навыки; я как надежный часовой охраняю вас и то, что вам принадлежит, и стараюсь предотвратить расточение. Я написала госпоже Смирновой и говорю тебе, что в отношении Киршбаума ты можешь поступать так, как считаешь лучшим, но ты забываешь, что он был приставлен к тебе для того, чтобы, как было решено при твоём отъезде, следить за твоим здоровьем, поведением и деньгами, т. е. быть добрым советчиком во всех этих делах. Как я досадовала на дождь, снег и холод, которые мешали тебе вдоволь насладиться красотами, тебя окружающими, и как мне становится страшно, когда я читаю все эти подробности; успокаивать меня могут лишь магические слова: «чувствую себя отлично»; всё мне внушает страх — и твои долгие прогулки, и плохое зрение, которое может сыграть с тобой скверную шутку на этих труднопроходимых дорогах, словом, читая твои письма, я краснею, смеюсь, плачу, сержусь, а более всего хотела бы видеть тебя рядом со мной, чтобы тебя обнять. У нас уже целую неделю стоит ясная погода, ведь ты знаешь и любишь наши чудесные осенние дни! Поистине, они были великолепны; сегодня небо серое, хотя воздух и очень приятен, однако эти картины меня пугают: соблазненные красотой этих последних дней, мы собирались оставаться здесь до середины октября, но теперь я опасаясь, что мы не сможем осуществить наше намерение; так печально заключать себя в зимнюю тюрьму!

В субботу обедали у нас Вяземские и Валуевы; у последних счастливый вид, хотя Мари плохо себя чувствует, очень бледна и подавлена; ей пришлось выйти из-за стола, чтобы поступить так, как поступают на пароходе при морской болезни. Дамы и Валуев уехали в десять ч. <асов>, после чаепития, а князь Петр и Поль⁶ остались до вчерашнего утра и уехали в девять ч. <асов> дилижансом; твои братья и Аркадий также провели у нас целый день, и с ними милый Жуковский; вечером пришла графиня Натали,⁷ дабы своим присутствием украсить наше общество; если бы ты был здесь, я уверена, что между вами было бы *отношение*; для Александра же это напрасный труд, он не умеет воспользоваться. Прощай, дорогой мой *Андрюшка*; скажи, не было ли у тебя расстройства от наших писем, которых оказалось так много у господина Северина; он писал моему дяде, что у него их накопился целый ворох и он не знает, что с ними делать, так как думал, что ты за ними уже не придешь. Я очень волнуюсь при мысли об этой ужасной холере, о проклятых карантинах и о том, что ты, быть может, не попадешь в Италию. Во всяком случае, дорогой мой, думай о своем здоровье, ради которого ты поехал, и в соответ-

ствии с этим выбирай свое зимнее местопребывание, а на это время позабудь об удовольствиях. Прощай, я едва держу перо: очень устала.

Я забыла тебе сказать, что в воскресенье все — от двора до последнего простолоюдина — отправились смотреть пробу паровых карет на дороге в Павловск.⁸ Софи, которую ничто не удержит, когда дело идет о прогулке верхом, тоже туда поехала, а мы с Лизой и госпожой Захаржевской, после прогулки по паркам, зашли к княгине Долгор.<укой> за князем Голицыным, но не застали его, потому что все они были на этом пресловутом сборище; мы также решили на него отправиться, сказано — сделано; мы поспешили домой, велели заложить коляску и приехали как раз к последней пробе; из высшего общества уже никого не было, но это не помешало нам увидеть, как подъехали все четыре повозки, разделенные на два состава — в каждом по одной закрытой и по одной открытой, составляющие одно целое; пара не было, каждый состав тащили две лошади, запряженные одна за другой, *гусем*, в каждом составе помещалось около ста человек, лошади шли галопом. Проба эта была устроена для того, чтобы показать удобство и легкость такого способа передвижения; говорят, что к середине октября всё будет готово, и кареты будут ходить уже паром, это очень интересно. Какое это было красивое зрелище, великолепная погода, обе дороги, ведущие к железной дороге, пестрели толпами народа — явление у нас необычное. Говорят, что московские купцы настоятельно просят государя разрешить построить на их средства железную дорогу от Петербурга до Москвы; бедное шоссе! Государь, благодарение небу, чувствует себя много лучше, но он еще слаб, рука у него на перевязи, поэтому он не показывается публично, но зато часто прогуливается с государыней в коляске; мне не повезло, я с ними ни разу не повстречалась.

На обороте: Милостивому государю господину Андрею Карамзину в Баден-Баден, в великом герцогстве Баден, близ Карлсруэ. До востребования. *В Бад-Баден.

14. А. Н. Карамзин

20-е числа сентября (ст. ст.)—1 (13) октября 1836 г. Петербург

Добрый день, мой милый, дорогой Андрей, что ты поделываешь? Что будешь делать в Швейцарии? Что сказали тебе ее горы, ее долины? Что сказала тебе природа, оскверненная таким множеством беспомощных восхвалений, безвкусных, лишенных гармонии песен, такой непристойной и грубой лестью, что

она тебе сказала? Брат, улыбнулась ли она твоему сладкому раздумью, успокаивающему и расширяющему чувствительное сердце? Заставила ли она тебя нахмурить чело, как хмурит она свое чело, высокое и великолепное. Счастливы ли ты, брат? Я бы завидовал тебе, если б не любил тебя так сильно, если б не умел радоваться твоим радостям. 17-го у нас в Царском был большой вечер, но, наверное, Софи уже представила его тебе во всех подробностях. Что касается моего здешнего существования, то оно настолько лишено каких-либо событий, так бледно и так монотонно, что не хочется о нем и говорить. Провожу три четверти своего времени с Аркадием, служу отечеству, в образе моей канцелярии, бываю иногда у Пушкиных,¹ часто у Вяземских, которые живут на Моховой.² Кстати, может быть, ты не знаешь, что дядюшка и Валуевы также приехали, вот уже два дня. Мари изменилась не более, чем ее муж, по крайней мере фигурой. Мне кажется, что она стала немного более разумной, Валуев же немного менее. Тем лучше: им обоим было крайне необходимо позаимствовать друг у друга то, чем каждый из них наделен слишком щедро, и возместить то, чего соответственно им не доставало. *Они теперь, что называется, совершенно порядочные люди. Что касается тетюшки и ее кресла перед камином, то здесь ничто не изменилось, Поль стал молодым человеком, Надина обещает стать в будущем хорошенькой особой. Она очень похорошела, а талия ее стала тоньше на несколько футов, хотя на общей массе это пока едва заметно. Дядюшка всё ворчит в кругу своей семьи. Он болел в Москве, но сейчас, слава богу, чувствует себя хорошо.

30 сентября, среда.

Предыдущая страница была написана несколько дней назад, но не помню точно, когда именно, почему и не ставлю даты, а с тех пор много событий разлучило меня с тобой и прервало мою болтовню: я несколько раз ездил в Царское, ездил к Люцереде на дачу, много любезничал, и надо мной подсмеиваются по поводу множества особ; так бывает со мной всегда, когда я стараюсь быть любезным, как всякий обыкновенный человек. Вчера еще я был на музыкальном вечере у Геккерна, где меня представили госпоже Сухозанет,³ к которой я поеду в пятницу на вечер с танцами. При этом случае она сказала мне, что видела мой портрет на выставке, что сходство его со мной совершенно, на что я ей ответил, что портрет действительно очень похож, но что это твой портрет. Продолжая беседовать о выставке, я сказал ей, что там есть очень дурные вещи, между прочим, портрет купчили, у которой лицо не похоже на чело-вече. «Ах, да! — воскликнула она, — портрет старухи, не

правда ли, как это прелестно!» Видя, что нет никакой возможности нам с ней понять друг друга, я ответил: «Да, это очаровательно» — и перешел к другому предмету разговора с интересными мне легкостью и изяществом. Я поговорил еще со знаменитой княгиней Верой,⁴ которая делала мне по обыкновению китайские глазки, затем с госпожой Соловой,⁵ с которой я возобновил знакомство. Ее достоинство в том, что с ней можно не затруднять себя умными разговорами; всё, что ей говоришь, всегда довольно банально, а вместе с тем — с ней вовсе не скучно. Еще я чуточку и очень приятно побеседовал с графиней Фикельмон,⁶ которая шлет тебе привет, и с мадам Элизой, которая делала невероятные усилия, чтобы высколотить из своего платья.⁷ Наконец, я отдохнул в кругу Гончаровых,⁸ а потом отправился домой и отлично проспал ночь, насладившись восхитительным талантом нового скрипача, имя которого я позабыл (Арто^a),⁹ и другими произведениями, инструментальными и вокальными.

Вчера утром я был с Аркадием на выставке, где твой портрет прекрасно выглядит и где среди кучи мерзостей есть очень красивые, даже прекрасные вещи. Вчера мы обедали у Валуевых втроем (тетушка с семейством уехали к Люцероде), и с удовольствием увидел, что у парочки всё продолжают нежности, переглядывание, маленькие ссоры, поддразнивания, одним словом, они еще переживают медовый месяц. Сегодня собираюсь провести вечер у Пушкиных. Ну, пожалуй, и достаточно подробностей о рассеянной стороне моей жизни. Как видишь, с этой стороны я ни в чем не имею недостатка: я кажусь молодым человеком с состоянием, любителем удовольствий и рассеянной жизни, не знающим ни забот, ни свинцовокрылой скуки. Ничуть не бывало, перевернем-ка мою жизнь, посмотрим на нее с другой стороны: молодой человек, о котором идет речь, находится под обаянием сладостного сна молодости, сна, который восстанавливает силы, дает отдохновение беспокойному рассудку и убаюкивает сердце самыми радужными надеждами и самыми отрадными воспоминаниями. И вдруг молодой человек чувствует, что его сильно трясет грубая рука. Это рука его камердинера. Прощай сон! прощайте мечтания! Является дурное настроение и бессмысленное упрямство; молодой человек не желает подниматься, его трясут еще раз, он сердится, он становится посмешищем своего слуги, он встает, наконец. Весь заспанный, со ртом, открытым в отвратительной зевоте, он садится за стол, пробегает и записывает дурацкие бумаги. Он одевается и переходит от одной скуки к другой до часа или двух

^a Вписано позднее.

часов полудни. Он кричит, читает и прогуливается до обеденного часа, и, когда голод им овладевает, он ищет, где бы ему пообедать, ибо за свой собственный счет он этого сделать не может. Иногда он находит себе обед у родных или знакомых, иногда нет, и тогда он не обедает, он спорит с кредиторами, он не может устроить продажу лошадей. Вечером он возвращается домой поздно с какого-либо вечера, из оперы, где он оставил последнюю копейку, будь то за прическу, будь то за билет или еще что-либо в таком духе. Он голоден, он требует чего-нибудь поесть, ничего нет, он ложится. На следующий день всё начинается сначала. Вот другая сторона, вот обратная сторона медали. *Sacroventromento tchorto!*⁶

1 октября.

Сегодня — первый день месяца, конец которого увидит, может быть, установившийся санный путь, а сегодня стояла хорошая погода, было тепло так, что пальчики оближешь. О, превратности человеческой судьбы! Вообще осень, которая, увы, наступила, в этом году чудесна, куда лучше и теплее, чем лето.

*Я опять забыл тебе писать по-русски, как хотел сперва. Право, стыдно, что когда забудятся, то всегда мысли надевают французский язык. Нынче я обедал у Лужиных,¹⁰ *M<ada>me* была весьма авантажная, а муж ее всё так же толст и так же добр, как всегда. Становится скучно жить без семейства, а семейство влюбилось в полевую жизнь (*vie de campagne*).⁸ Жду с нетерпением семейного сбора, хотя тебя не будет на этом сборе; да, брате, расползлись мы по широкой земле. Смирнова написала сестре о тебе длинное письмо, в котором она хвалит твою премудрость в поведении, но я, признаюсь, с этой стороны не хвалю тебя и присоединяюсь *au parti grognant de la famille*⁷: со всех сторон приходят известия о твоих неосторожностях и небрежности в лечении. Насчет театров я тебе скажу, что я остался меломаном и хожу единственно по операм. Разорившись раз на семь с половиной в французский театр, мне так надоели скверные актеры, что я поклялся не показывать там ноги. *Ta lettre de Suisse est charmante comme toutes celles que tu nous a écrites.*⁸ Прощай, душа брате! Обнимаю тебя крепко, крепко. Люби меня по-прежнему.

А. К.

⁶ Непереводимое шуточное проклятие. Слово *sacroventromento* составлено из слов *sacramento* (клятва — итал.) и *ventre* (живот — итал.); русское слово черт написано латинскими буквами — *tchorto*.

⁸ деревенскую жизнь.

⁷ к ворчливой части семейства.

⁸ Твое письмо из Швейцарии прелестно, как и все письма, которые ты нам написал.

У Пушкина семьсот подписчиков, не много.¹¹ Одоевский готовится издавать свой журнал,¹² но еще нет ничего. Я буду у него послезавтра. Пришли ему статейку. Говорят, что третий том «Современника» очень хорош,¹³ я еще не имел его. Литературн.<ых> новостей больше нет.*

15. С. Н. и Е. А. Карамзины

18—20 октября (30 октября—1 ноября) 1836 г. Петербург

С. Н. Карамзина

Петербург. 18/30 октября.

С какой радостью, с каким восторгом, с какими живыми и разнообразными ощущениями читала я, мой дорогой Андрей, твое письмо из Шамони.¹ Как необходима была для нас и помета, сделанная в Монтрё, для того, чтобы мы смогли без страха приступить к твоему путешествию на Мер-де-Глас,² так, какмотришь представление драмы, о которой знаешь заранее, что всё хорошо кончится, и, однако же, нельзя удержаться от дрожи, до того, что захватывает дух. Ты так живо, с таким пылом рассказываешь, что кажется, будто присутствуешь вместе с тобой при всех этих величественных явлениях природы, испытывая гордость за то, что душе твоей присущи столь благородные чувства. «Счастливы возраст! — восклицал Мальцов, когда я ему вчера об этом говорила, — счастливый возраст, где так живо умеют чувствовать, *где душа готова на порывы*, и как счастлив Андрей, что путешествует в этом возрасте! *Я обиделась за тебя* на то, что он полагает тебя способным на такие порывы только по молодости лет. Несчастен тот, кто в двадцать девять лет может лишь улыбаться при виде восторга от всего, что величественно и прекрасно. Отец был не таков! И как мило, любезно, трогательно, что ты пишешь нам столь упоительно длинные и подробные письма, как если бы ты возвращался вечером в свое семейство, чувствуя потребность поделиться с ним всем, что тебя взволновало, заняло, позабавило. О, иногда ты заставляешь нас также смеяться, например, этот разговор с англичанами, как он прелестен, а этот вопрос о русском языке, разве это не самая очаровательная и самая наивная эпиграмма!³

Вчера, в воскресенье, Вяземские и Валуевы «по древнему и торжественному обычаю» у нас обедали и после обеда тоже пожелали послушать твое письмо. Они шлют тебе тысячу нежностей; *но воля твоя*, счастье их выглядит очень скучно и очень безжизненно. Вечером Мари устроила у себя чай, были

неизбежные Пушкины и Гончаровы, Соллогуб и мои братья. Мы не смогли туда поехать, потому что у нас были гости: госпожа Огарева,⁴ Комаровские,⁵ Мальцов и некий молодой Долгорукий,⁶ друг Россетов, довольно бесцветная личность. Около полуночи приехал Соллогуб, совсем заспанный, и рассказал, что у Валуевых был настоящий вечер семи спящих,⁷ что хозяева зевали наперебой и в конце концов выпроводили своих гостей, тоже совсем уже сонных, чтобы лечь спать. И вот что на этой жалкой земле зовется счастьем: стоит ли после этого вздыхать и сокрушаться, что оно про тебя забыло, обходя землю! Нет, когда я вижу счастливых мира сего, мне становится скучно, а скука — превосходное лекарство против болезни, называемой завистью. Кстати, Николай Мещерский — жених, он приступом взял свою Александрину,⁸ вот и он также скоро будет спать на своем счастье. Как видишь, мы вернулись к нашему городскому образу жизни, возобновились наши вечера, на которых с первого же дня заняли свои привычные места Натали Пушкина и Дантес, Екатерина Гончарова рядом с Александром, Александрина — с *Аркадием*, к полуночи Вяземский и один раз, должно быть по рассеянности, Виельгорский,⁹ и милый Скалон, и бестолковый Соллогуб, *и всё по-прежнему, а только нет Андрея, а потому еще побесцветнее*!

С грустью и с сожалением я покинула Царское Село с его холодным, но чистым воздухом; еще накануне нашего отъезда, 13/25 октября, я совершила прелестную прогулку верхом и вздыхала, покидая, помимо прекрасных газонов, много зеленых кустов и даже деревьев; а на другой день, при нашем пробуждении, мы увидели, что всё покрыто снегом, словно затем, чтобы сделать сожаление невозможным (или смешным), и с тех пор, как мы находимся здесь, погода стоит ужасная: снег, дождь и грязь, так что невозможно выйти из дому; у меня от этого болит голова, мозговой и грудной насморк и вследствие этого много мокроты, между тем в Царском я ни разу не болела, несмотря на то, что совершала ежедневно тысячи так называемых неосторожностей.

По приезде сюда мы застали Александра под арестом из-за большого смотра, о котором я тебе писала и куда конная артиллерия прибыла с опозданием. Прочитав в *приказе, что если время дурно, парад отменяется, они за благо рассудили возвратиться в казармы, когда пошел мелкий дождь*, и за ними пришлось посылать, в то время как войска уже проходили перед государем. Таким образом Ганичев и попал под арест, что, мне кажется, утешило Александра в его собственном аресте. Он так забавен, Александр! Маменька,

прочитав в твоём письме: «В течение пяти дней я не обедал, только завтракал и ужинал», говорит ему: «Совсем, как ты». — «Да, — отвечает он, — с той лишь разницей, что я не завтракал и не ужинал».

Я должна ещё тебе рассказать о наших последних днях в Царском Селе. Прежде всего, поскольку войска находились в Петербурге, мы провели эти дни более спокойно и в большем уединении, чем обычно. У нас были только Лили Захаржевская и милый Жуковский (который, между прочим, подарил мне прелестную лорнетку с цепочкой и кольцом и сопроводил подарок шутивным письмом, где говорится, что природа наделила меня двумя прекрасными глазами, но что тем не менее я ничего не вижу и, приближаясь к людям, чтобы их рассмотреть, касаюсь их носом, а иногда и губами, так что они ожидают поцелуя, но, неожиданно натолкнувшись на зажженный конец пахитоски, говорят себе: «Ну и скотина же я»¹⁰). *В воскресенье был на нашей улице праздник*: в Китайском театре¹¹ давали спектакль, и нам вместе со всеми обитателями Царского Села и Павловска прислали билеты в ложу. Госпожа Шевич посоветовала мне одеться очень просто, так как, сказала она, «мы ведь не будем на ужине во дворце», и я имела глупость последовать её совету. В момент выезда из дому Серж Мещерский сказал нам, что будет бал и что из Петербурга вызвали пятьдесят офицеров — но не было уже возможности принарядиться! Приезжаем мы в театр, а он весь сияет огнями и драгоценностями, самые красивые петербургские дамы, все в цветах и сверкающие брильянтами. Было необычайно красиво, когда всё общество поднялось со своих мест, чтобы приветствовать государя и государыню, входивших в ложу. Давали два фарса: «Быть любимым или умереть»¹² (прелестно сыгранный Полем Мине¹³ и новой актрисой мадемуазель Варле,¹⁴ в которой находят сходство с Лизой Бутурлиной и которая пользуется большим успехом) и «Дисциплинарный совет»,¹⁵ карикатуру на национальную гвардию. В антракте меня вместе с Лили Захаржевской, которая находилась в нашей ложе, пригласили на бал. Маменька не пожелала туда идти, потому что её не пригласили; но она содрогнулась от ужаса за мой туалет. Я в нём несколько походила на горничную; но всё равно, мне было очень весело, и, кроме того, со мной говорил государь (заметь, обычно он этого никогда не делает!). Сначала протанцевали две кадрили (первую я танцевала с Голицыным,¹⁶ вторую — с Головиным¹⁷), а потом пошли ужинать: моим соседом был Будберг,¹⁸ флигель-адъютант, который рассказывал мне о встрече с тобой в Гамбурге. Когда после ужина мы снова направлялись в танцевальную залу, я посторонилась, чтобы усту-

пить дорогу государю. Он со мной поздоровался и подошел ко мне: признаюсь, я покраснела до ушей, особенно потому, что наш разговор задерживал на пути всех остальных. «Когда вы ездили верхом?» — «Сегодня утром, государь». — «Я очень часто вас встречаю». — «Да, мне везет, всякий раз, когда я езжу верхом, я встречаюсь с вашим величеством». — «Вас ли я видел на днях вечером?» — «О нет, я больше не езжу верхом по вечерам». — «Я говорю: вечером — только для себя, поскольку я уже отобедал, между тремя и четырьмя часами». — «Тогда это была я». — «Вас сопровождали двое кавалеров?» — «Это были мой брат и мой кузен Вяземский». — «А, я их не узнал. Вы очень хорошо делаете, что ездите верхом. Это превосходное упражнение». — «Я с радостью узнала, что ваше величество уже вновь к нему вернулись». — «Да, но пока это еще не очень получается: рука на перевязи мешает мне править лошастью». Ну и что же? — вот и всё, не так уж интересно, но для меня, никогда не слышавшей даже звука его голоса, это было всё же чем-то необыкновенным. После ужина я протанцевала еще одну кадрили с Алопеусом¹⁹ (единственным гусарским офицером, который там находился) и мазурку с Голицыным, сыном князя Дмитрия, конногвардейцем.²⁰ Он снова сказал мне, что его отец тебя очень любит, но тем не менее он к нам так и не пришел. Маменька отослала ему деньги, которые ты остался ему должен, через Вяземского. Мы получили также расписку от господина Туссена. Прощай, мой дорогой Андрей, обнимаю тебя и люблю в тысячу раз нежнее, чем могу выразить. Как мог ты подумать, что я на тебя сердилась из-за Киршбаума!

Софи.

Е. А. Карамзина

20, вторник утром.

Здравствуй, дорогой мой, вчера или позавчера мы много говорили о *«Современнике»*; ты мне так и не написал, получил ли его, а между тем князь Петр тебе его послал; я дала ему для этого тот экземпляр, который ты сам себе присвоил,²¹ постараюсь выслать тебе третий том, который только что вышел:²² все находят, что он лучше остальных и должен вернуть Пушкину его былую популярность; у меня его еще нет, но нам из него читали превосходные вещи самого издателя, очень милые — Вяземского и несказанное сумасбродство *Гоголя «Нос»*; Софи возмущена, я же, слушая его, смеялась, хотя и не обнаружила в нем, не скажу, здравого смысла, — фантастический род может без него обойтись, — но хоть какого-нибудь

правдоподобия в воображении; я вышлю тебе его, как только ты где-нибудь поселишься; из следующего твоего письма я надеюсь узнать, куда Гугерт²³ тебе посоветует отправиться, если, к несчастью, нельзя будет ехать в Рим. Умоляю тебя, дорогой Андрей, впредь до особого разрешения врачей, т. е. Гугерта или Коппа, не снимай шерстяного белья; думаю, что только благодаря этой счастливой предосторожности ты мог безнаказанно позволить себе все эти рискованные шалости в горах. Мне кажется, дорогой мой, что трубка играет слишком большую роль в твоей бродячей жизни, ты только о ней и думаешь, она всегда у тебя под рукой и подчас даже служит тебе вместо трости, и заботишься ты о ней тоже в первую очередь; отсюда я заключаю, что вернешься ты таким же курильщиком, каким уехал; сомневаюсь, однако, чтобы это встретило одобрение врачей. Еще раз прошу, не делай ничего, что тебе запрещено врачом; ты поступишь очень дурно, если будешь делать иначе.

К моему письму я прилагаю нежные записочки, которые, без сомнения, доставят тебе удовольствие, ведь ты до них лаком: переводные векселя на три тысячи рублей и один еще совсем маленький, на сто рублей, который посылаю тебе в качестве подарка, обычного в то время, когда ты находился под материнской кровлей, к двадцать четвертому числу — дню твоего рождения, а также к именинам; я не хотела тебя лишать этого подарка только потому, что ты далеко, он доставит тебе удовольствие как воспоминание и как приятная иллюзия. Поздравляю тебя с тем и другим днем и себя тоже поздравляю с счастливым днем твоего рождения; да исполнит тебя небесная благодать всеми самыми драгоценными своими дарами, да сохранит она тебя здоровым^a сердцем и душой, насколько это возможно человеку, а главное, пусть она дарует тебе счастье достойно чтить ее; из всех этих чувств и мне достанется добрая доля; пусть безграничная благодать божия счастливо возвратит тебя на родину и в лоно твоего семейства, нежно тебя любящего, и твоей матери, которая всякий день горячо молится за тебя подателю всех благ. Я думаю, что по получении этого письма ты не замедлишь расстаться со своим спутником; в таком случае сообщи мне, как ты уладишь с ним денежные дела.

Прощай, мой дорогой и горячо любимый сын, нежно прижимаю тебя к сердцу, благословляю тебя и призываю также на тебя благословение твоего обожаемого отца; оно должно быть действительным для всего, что есть хорошего; *целую тебя нежно*. Кстати. *Прошу тебя возвратиться к русской корреспонденции; все меня бранят за то, что ты пишешь по-

^a Далее вырваны два слова.

французски; я сама нахожу, что письма русские оригинальнее и милее*.²⁴ От Катрин я получила известия о ее муже, внушающие мне беспокойство вследствие того, что Арендт сказал относительно его живота; дай-то бог, чтобы новые вести, которых я ожидаю, были лучше; ничего мне об этом не пиши, потому что Катрин читает все твои письма; ей посылают их по мере получения. Еще раз прощай, дорогой Андрей, до следующей почты.

На обороте: Милостивому государю господину Андрею Карамзину в Баден-Баден, в великом герцогстве Баден, близ Карлсруэ. До востребования. *В Баден-Баден*.

16. В. Н. Карамзин

28 октября (9 ноября) 1836 г. Петербург

Петербург. 28 октября.

О! Давненько, давненько я с тобой не беседовал, мой добрый, дорогой Андрей. К тому же за неделю до моего отъезда из Лотошина (а уехал я 3 августа) я написал тебе длинное письмо, письмо от всего сердца, от избытка чувств полное откровенности. Ну, так ты, видимо, его не получил, потому что ты о нем не упоминал в своих письмах, а между тем я адресовал его в Баден-Баден, где ты должен был находиться в то время. На днях, когда всё семейство писало к тебе, я не смог этого сделать из-за предстоявшей мне репетиции, которая, между прочим, прошла для меня блестяще. Теперь я отделался от нее и весь твой, дорогой Андрей. Вот уже двадцать два года, как ты видишь небо над собой! Да, поздравляю тебя с тем, что ты родился, поздравляю от глубины души, ибо, если бы ты не был рожден, ты бы не испытывал этих наслаждений, таких чистых, таких идеальных, на снежных вершинах гор или в жарких долинах Гельвеции, наслаждений, которые я испытываю отраженно, читая твои письма, наслаждений, которые заставляют биться мое сердце и воспаляют воображение, наслаждений, которые не вполне понятны обледеневшему сердцу русского человека, пока он сам не вкусил их, наслаждений, которые, наконец, открывают ему глаза на уродство его родины. Да, я понимаю суровую любовь швейцарца к суровой и гордой красоте своей страны; я понимаю сладострастную привязанность итальянца к сладострастному климату Италии, к ее безоблачному небу, к благоуханию апельсиновых рощ; я понимаю фанатическую приверженность испанца к своей жаркой

родине, к своим предрассудкам, к своей свободе и к установлениям, ее обеспечивающим; я понимаю даже ревнивую любовь англичанина к своей родине, к своей торговле, к своей железной дороге, к своему флоту, — но я не понимаю бессмысленной любви русского к своей плоской стране, к ее болотам, к ее грязи, к ее законам, которые не существуют, к ее тягостной тирании, к ее обычаям, искорененным рукой Великого,¹ к народности, разорванной на клочья. Но придет время, когда наши дети поймут, что можно любить Россию.

Довольно политики! Мое существование, дорогой Андрей, смертельно бледно от скуки. Я зеваю так, что мог бы проглотить два языка, если бы они у меня были. Университет и моя комната — вот где можно меня найти всегда, ко всему остальному я питаю отвращение. Ибо, видишь ли, мнения, которые приходится всегда подавлять, любовь, которую нужно стараться заглушить, — от этого жизнь становится в тягость. И еще — прибавь ко всему кучу домашних неприятностей, несправедливость, мною мало заслуженную, и ты поймешь, что это не фразы, лишенные смысла, и не мысли, лишенные оснований. Сейчас, когда Катрин еще в деревне, когда ты находишься так далеко, далеко, я, поистине, не знаю, на кого из окружающих перенести океан любви, которую я к вам испытываю. Я, правда, люблю и Александра, — он добр, благороден, справедлив, — но в его сердце я не нахожу того животворящего тепла, какое горит в ваших сердцах и которое так мне понятно! Софи слишком сильно любит тебя, чтобы кому-либо другому отвести уголок в своем сердце; я же хочу, чтобы мне платили равной монетой; да к тому же она эгонстична и легкомысленна. Лиза — добрая девушка, но в ней кроется много дурного, и она еще никто. Что касается маменьки... Ах! если б ты, дорогой Андрей, получил мое последнее письмо, ты бы знал, что во время пребывания в Лотошине я безумно влюбился в Мари Мещерскую. Правда, редко можно видеть, чтоб в одном существе соединялось вместе столько красоты, грации, ума, своеобразия и сердечности. И, вернувшись в Петербург, я долго еще мечтал о ней, долго еще мои мысли с наслаждением останавливались на дорогом образе, который, казалось мне, навсегда запечатлен в моем сердце. И что же, дорогой мой, не знаю каким образом, но дуновение неведомого ветра превратило в пылающий костер еще теплившуюся в моей душе искорку любви к Мари Нарышкиной!² Воспоминание о ней превозмогло воспоминание о Мари Мещерской, и теперь между ними идет смертная борьба, борьба решительная, и это смятение меня опяняет и иссушает мое сердце. Я бы хотел навсегда уснуть <в> моей любви, вечно видеть их обеих во сне. Потому что —

как назовешь ты чувство, которое я испытываю? Это — любовь, но она чиста! Ты умеешь любить, дорогой Андрей, и ты поймешь, как я страдаю. Но оставим этот предмет. Сейчас я перевожу один роман с английского на французский язык, — хочу во что бы то ни стало иметь деньги, — и напишу тебе, если это мне удастся.

Занятия мои идут очень хорошо: я выдержал все экзамены с самым блестящим успехом, особенно по философии. Профессор³ пожал мне руку, говоря, что если я буду продолжать так стараться, я многого достигну на поприще науки. Это лестно, однако похвала не имела особого действия на меня. Нужно тебе рассказать об одном эпизоде из моей университетской жизни. По римскому праву у нас профессор по фамилии Шнейдер.⁴ Однажды этот человек приходит на лекцию в очень скверном расположении духа. Он уже был там, когда вошли мы с Васильчиковым.⁵ Он не проронил ни слова, вошли еще шесть студентов, и вдруг он закричал громовым голосом на плохом русском языке: *Чтоб профессор не ждал бы студентов, чтоб все тут были, когда он приходит*. Тон, которым он произнес этот страшный приговор, был весьма дерзким. Тут же мы, человек десять студентов, сговариваемся, и в тот момент, когда профессор сходил с кафедры, мы начинаем стучать ногами и как бешеные шикать. История произвела много шума. Мы ожидали строгого выговора, однако же дело уснуло глубоким сном. А несколько дней спустя этот самый профессор, переправляясь в лодке через Неву с женой и с невестками, отправился считать песчинки на дне реки, и всё семейство в продолжение восьми минут оставалось в ледяной воде, до тех пор, пока спущенная с берега шлюпка, подойдя к ним, не выловила из воды римскую рыбу и ее выводок. Надеюсь, что это ему божья кара! Пожалуйста, ответь мне, дорогой Андрей, и адресуй письмо мне, на мое имя. Прощай, любимый брат, ты, надеюсь, можешь себе представить, как я тебя целую; прошу тебя сохранить в память обо мне кусочек твоего сердца для Вольдемара.

P. S. Пожалуйста, скажи Киршбауму, если он всё еще с тобой, что письмо, которое он мне написал, было мною немедленно отправлено его зятю Рейну⁶ при моей записке. Поблагодари его от моего имени за любезное послание и за память обо мне. Нежно жму ему руку. Прошу у тебя подарка для меня, дорогой Андрей: привези мне почтовой бумаги с моим вензелем. Это ведь не разорительно! Не могу решиться закончить письмо. Прощай еще раз, добрый Андрей. Обнимаю тебя еще раз. Люблю тебя так, что невозможно было бы выразить и на четырех страницах.

17. С. Н. Карамзина

3 (15) ноября 1836 г. Петербург

О да, мой дорогой Андрей, прекрасен был вчерашний день и велико было счастье получить, наконец, твои два прелестных письма из Бадена¹ (всегда прелестные, слышишь ли ты, и поэтические, хотя совсем в другом роде, с выражением большого спокойствия, нежели предыдущие; однако ты в них сумел отразить некоторые свои переживания и, за отсутствием опасностей, говорил об оплошностях). Спасибо тебе за все нежные слова, за слова благодарности. Не велика моя заслуга в том, что я точна в письмах к тебе, я вознаграждена с избытком тем удовольствием, которое тебе доставляю, и тем счастьем, какое испытываю сама при чтении твоих дорогих писем. Вчера утром, возвратившись после продолжительного визита к Опочининным, где много говорилось о тебе, как ты увидишь дальше, я застала маменьку с двумя твоими письмами в руках, с умилением на лице и с глазами, влажными от слез (бедная маменька! Она уже так много плакала и так жестоко тревожилась в последние десять дней, что даже стала придавать значение снам и предзнаменованиям. А я еще как-то тут умудрилась разбить на или, вернее, над моей головой большое зеркало, которое было столь любезным, что не убило меня; ты ведь знаешь, что разбитое зеркало предвещает несчастье; так вот, первым моим движением после ошеломившего меня удара было залиться слезами из-за того, что зеркало разбилось как раз тогда, когда от тебя не было известий. Александр, бывший свидетелем этого происшествия и очень им напуганный, серьезно выбралил меня за то, что я плакала о зеркале, не думая о своей голове). Итак, я сказала, что маменька читала твои письма (наслаждение, которое она долго смакует в одиночестве, прежде чем поделиться с семейством); пришлось мне идти одеваться к обеду, а когда я вернулась в гостиную, там уже были *Аркадий*, очень довольный обращенным к нему письмом, и Андрей Муравьев. с которым мы, не знаю почему, лучшие в мире друзья. Он целует мне руки, говорит мне нежности и просит передать то же тебе, а вместе с тем и укоряет тебя в том, что ты ни разу не вспомнил о нем в своих письмах, — провинность, за которую, должно быть, и ударила тебя по колену эта негодная лошадь, чтобы отомстить за него, потому что ты особенно тронул его сердце, сидя на коне. Что за чудак! Представь же себе, что я должна была обедать и болтать до семи часов, чувствуя, что твои письма здесь возле меня, и не имея возможности взглянуть на них. Впрочем, это тоже особый способ вкушать счастье:

знать, что владеешь им, что оно тут, под рукой и что добровольно отодвигаешь наслаждение им!

Читая твой рассказ о Свистунове,² я смеялась тому, что сказанное о нем тобою совпадает с тем, что говорила Александрина Опочинина. Она добавила еще, что он был прав, потому что Надина³ питала к тебе очень нежные чувства несколько месяцев назад и даже теперь в ее письмах постоянно слишком много говорится о тебе. Она показала мне некоторые места этих писем: «Андрей здесь, как всегда очарователен, столько ума!»; «Андрей в соседней комнате, я очень его люблю, он такой забавный!»; «Мне бы так хотелось, чтобы Андрей был моим шафером; не знаю, смогу ли я этого добиться»; «Мы уезжаем в Штутгарт, Андрей решительно не будет моим шафером, Свистунов этого не пожелал». Всё это не мешает страстным излияниям о счастье выходить замуж за Свистунова. Нежно поздравь ее от меня, если еще увидишь. Александрина Опочинина очень благодарит тебя за память и просит передать тебе много всяких хороших вещей — это такая приятная особа!

Я должна рассказать тебе о том, что занимает всё петербургское общество, начиная с литераторов, духовенства и кончая вельможами и модными дамами; это — письмо, которое напечатал *Чедаев* в «Телескопе», «Преимущества католицизма перед греческим исповеданием»,⁴ источником, как он говорит, всяческого зла и варварства в России, стеною, воздвигнутой между Россией и цивилизацией, — исповеданием, принесенным из Византии со всей ее испорченностью и т. д. Он добавляет разные хорошенькие штучки о России, «стране несчастной, без прошлого, без настоящего и будущего», стране, в которой нет ни одной мыслящей головы, стране без истории, стране, в которой возникли лишь два великана: Петр I, мимоходом набросивший на нее плащ цивилизации, и Александр, прошедший победителем через Европу, ведя за собой множество людей, внешняя доблесть и мужество которых были не чем иным как малодушной покорностью, людей, у которых «человеческое только лицо, и к тому же безо всякого выражения».

Как ты находишь все эти ужасы? Недурно для русского! И что скажешь ты о цензуре, пропустившей всё это? Пушкин очень хорошо сравнивает ее с пугливой лошадей, которая ни за что, хоть убейте ее, не перепрыгнет через белый платок, подобный запрещенным словам, вроде слов «свобода», «революция» и пр., но которая бросится через ров потому, что он черный, и сломает там себе шею.⁵ Это письмо вызвало всеобщее удивление и негодование. Журнал запрещен, цензор отставлен от должности, приказано посылать ежедневно к *Чедаеву*

врача, чтобы наблюдать, не сумасшедший ли он, и еженедельно докладывать о нем государю.

Мы мало выезжаем, лишь изредка кое-какие визиты, да один вечер провели у добрых Людероде. Милая Августа просит передать тебе тысячу любезностей. У нас за чаем всегда бывает несколько человек, в их числе Дантес, он очень забавен и поручил мне заверить тебя, что тебя ему не достает.

Как-то раз я была в театре, где давали драму в пяти актах «Герцогиня де Лавобальер»,⁶ которая мне ужасно наскучила, несмотря на то, что дядюшка⁷ сказал мне, будто в ней есть всё, что требуется, чтобы мне понравиться, потому что она глупа, дурно написана, слезлива, пошла и тянется три часа!

Твой день, 24-е, был отпразднован великолепно, большим обедом со всеми друзьями: Вяземскими, Валуевыми, Рос-сетами, Соллогубом и прочими и с шампанским. Прощай, обнимаю и люблю тебя невыразимо.

Софи.

На обороте: Милостивому государю господину Андрею Карамзину в Баден-Баден, в великом герцогстве Баден, близ Карлсруэ. До востребования. *В Бад-Баден*.

18. А. Н. Карамзин

5—6 (17—18) ноября 1836 г. Петербург

*С. Петербург. 5 ноября 1836 г.

Сейчас прочел я письмо, начатое мною к тебе еще 14 октября, когда я сидел в дежурной комнате трое суток под арестом за какой-то рапорт. И мне сделалось очень досадно, что я оное письмо не докончил, потому что я нашел в начале его много хорошего и остроумного. Остроумие тем важнее в нашем веке, что весьма редко или, лучше, слишком часто. Ох! увы! Ты не можешь себе представить, как больно сердцу истинно остроумного человека, когда он слышит поминутно лживые или, лучше, ложные остроты; в особенности ему это больно, когда остроумный муж, увлекаемый обстоятельствами и бурным потоком своего разговора, бросается сам в таковую горькую гнусность, когда собственные уши слышат, как собственный язык выговаривает такое нехорошее в виде остроты, что вот так и хочется им усостыжить язык, но язык бьет во рту набат и сообщает все встречные-поперечные слова, так что, наконец, приходит в иступление, потом стыдится, краснеет и еще крепче бьет в набат. Не веришь, брате, право, люди так поглупели, что мочи нет.

Я пускаюсь в свет, я не раз строил уже и плясе, и козе, и даже публичный всхрапе; но всё не весело, ей-ей не весело. Приедешь домой, кажется, говорил много, а всё равно, что квасу водяного напился: раздует, раза три отрыгнется в нос, да и всё по-прежнему опять. Послушай, о чем говорят люди: себурются, почешут затылки, потрунят неистово-остро над петербургским климатом, спросят друг у дружки: «были ли вы на выставке?» — некоторые замечания, показывающие познания глубокие насчет живописи. Потом уж и опять чешут затылки, да разве прибавят с удивительной тонкостью, что скоро опять начнутся балы и рауты, и что удивительно, что до сих пор их еще так мало, и что кажется, что рауты начинают быть чаще, чем танцевальные вечера, но что это-де жаль, что это-де скучно и пр. Прежде бывало совсем не то; прежде были сюжеты всякие для разговоров: и новые оперы, и какие-то кометы, и какие-то пророки разные, и неистовства неслыханные на Вибургской стороне, и поправка кронштадтских укреплений, и какие-то принцы немецкие, и какие-то послы турецкие, и волки бешеные, и черт знает что, а теперь просто свинство! А приедешь потом домой, тут тебя разберет философия. Философия — самая ужасная вещь настоящего века; станешь философствовать, что вот-де как проводишь время, что-де молодость проходит таким подлым образом, что оскотинился, что чувства душевные тупеют приметно, что начинаешь весьма походить на полену и пр. При этой философии начинает по всему телу проходить какая-то гадость, которая мало-помалу переходит в сонливость, станешь зевать, ляжешь да и всхрапе. А на другое утро в казармы! Видя такую всеобщую гадость в жизни, можно помешаться и даже написать письма вроде Чедаева, о которых говорит тебе сестра.¹ В галиматье этого человека, право, иногда есть довольно справедливые мысли, только точка зрения его совершенно ложная: он всё зло видит только у нас и всё ругает бедную Россию там, где нужно ругать весь век, всё человечество. Кроме того, он смешивает частности одного времени с общим характером народа и, наконец, всё увеличивает, доказывает вред, происшедший от одной причины, а не видит, что эта же самая причина спасла нас от других, может быть, бо́льших бедствий. Слов^{ом},^а видно, что он человек с большим умом, но, к несчастью, несколько помешался от излишнего самолюбия или от того, что слишком влюбился в свои мысли и мнения, всмотрелся в них пристально и забыл всё, что видел прежде, всё, что слышал прежде, всё, что не непосредственно принадлежало к этим мыслям, которые, наконец, свели его несколько с ума.

^а В подлиннике описка: Словно.

Вещь известная, что во что бы и в кого бы ни влюбился, но любовник всегда не в совершенном рассудке. Как бы то ни было, но я расскажу тебе анекдот про Чадаева и Бартенева (костромской помещик, которого прошлую зиму ты видел у Вяземских и у Жуковского).² Чадаев, очень довольный, что нашел нового слушателя, пустился толковать ему свои теории и мудрости и говорил с жаром и самодовольствием; привыкший к слушателям внимательным и почтительным, он очень далеко распространился о своем любимом сюжете, не сомневаясь в восторге Бартенева, как вдруг Бартенев его остановил следующими словами: «Позвольте, есть два рода галиматрия: галиматрия простая, когда слушатель не понимает речи, но оратор сам себя понимает, и галиматрия сугубая, когда ни слушатель, ни оратор сам речи не понимает, а так как вы, кажется, сами не понимаете, что говорите, то это выходит, галиматрия сугубая». Чадаев окаменел, и предание гласит, что с тех пор, когда он куда-нибудь приезжает, то спрашивает сперва, здесь ли Бартенев, и когда отвечают: здесь, то он не сымает шинели, а уходит обратно.

6 ноября, 2¹/₂ часа ночи.

Мне кажется, что я очень некстати, милый Ондра, вчера так распространился о Чадаеве, которого ты не читал, *mais on est toujours plein de ce que l'on vient de lire.*⁶ Я тебя еще не успел, среди моих филиппик, благодарить за твое доброе, милое письмо и за твою травку, которая пойдет под стекло и займет почетное место между московскими фиалками и ганауским дубовым листом. Сделай одолжение, не горячись о моем плачевном положении среди семи лошадей и уплатой долгов: во-первых, долгов я не уплатил ни копейки; во-вторых, я теперь в надежде продать твоих гнедых Пишчевичу, а Мещанина своего верного я с горя подарил Юрке,³ который произведен в офицеры в первой бригаде, так что остается в Петербурге и весьма доволен; в-третьих, если бы ты и меньше издерживал в чужих краях, то я все-таки больше бы не получал; следовательно, ты можешь совершенно быть спокоен и отложить все свои глупые угрызения совести. Я нынче вечером должен был быть на рауте княгини Белосельской,⁴ но не поехал*, так как пригласить меня было поручено Ковалинскому, а меня вовсе не устраивало, чтобы именно он представил меня в их доме. Вот почему мне хочется быть представленным дядюшкой⁵ в первый же раз, когда я встречусь где-либо с княгиней Бел.осельской». Зато у нас были Валуевы, Скалон и В.ольдемар Сологуб, который только что уехал.

⁶ но мы бываем всегда полны тем, что только что прочитали.

Вообрази себе, что я до такой степени оскотинился, что не только написать что-нибудь, но ни одной порядочной мысли не мог собрать в последние два месяца. Кстати, Одоевскому запретили издавать журнал. Наша литературная слава не была продолжительной, дорогой мой, наши имена были напечатаны в объявлении и дальше дело не пошло. Впрочем, что до меня, я совершенно отказался от карьеры литератора, и если я когда-либо втайне питал кое-какие иллюзии насчет моего поэтического таланта, теперь они умерли от голода. Так движется мир: я был совсем ребенком, а мечтал стать со временем великим человеком или, по меньшей мере, великим полководцем; я вышел из детства — и вообразил, что я поэт; я стал почти что зрелым мужчиной — и более ни во что не верю, разве лишь в то, что я довольно хороший офицер, очень плохой светский человек и добрый малый, т. е. вовсе не стеснительный для себе подобных, иногда даже приношу пользу близким и родным: соберутся ли у нас гости, я поддерживаю беседу, любезничаю, ломаю себе голову, чтобы не быть молчаливым и не заснуть. На днях еще приехали к нам Щербатовы,⁶ провести вечер с дочерью и с племянницей, которую они привезли из Москвы, — она недурна собой и к тому же очень милая. Так вот, надо было видеть, как я бегал от одного стула к другому, разговаривая, спрашивая, — это было великолепно. Несколько дней назад случилось куда хуже: прихожу я домой после моей любимой оперы «Семирамида», полный вдохновенной музыкой Россини, и застаю у нас Паниных⁷ и графиню Строганову. Можешь себе представить этот внезапный переход от поэзии к прозе, это дьявольское падение с неба на землю, и всё же я из кожи вон лез, стараясь быть любезным. Во вторник я иду к Салтыковым,⁸ завтра к госпоже Шевич, — развлечение за развлечением, до такой степени, что развлечения стали мне противны. Завтра опять-таки я иду, если это тебя интересует, на завтрак к госпоже Пушкиной,⁹ что совершаю каждую субботу, сопровождая это кучей любезностей. Но достаточно об этом. Ты спрашиваешь меня, что нового в конной артиллерии? В тот самый день, когда Ганичев посадил меня под арест, конная артиллерия опоздала на *высочайший смотр* всей кавалерии и Ганичев провел несколько часов *на главной гауптвахте*, что с ним случается уже второй раз после лагерей. Но взамен он получил св. Владимира третьей степени, и почти все наши поручики получили по 450 рублей. В остальном нет ничего нового, разве только, что Лихачев стал настоящим Шварцем,¹⁰ ухаживая за начальниками, ссорясь с товарищами и пр. Бедный Александр Голицын, потерявший брата в Париже,¹¹ очень грустит оттого, что не может выезжать в свет, но у нас он бывает часто. Еже-

дневно мы встречаемся с добрым Аркадием и говорим с ним часто о тебе, милый мой, дорогой мой Андрей.

Представь себе, как тяжело был я огорчен, когда мне на этих днях сообщили, как нечто совершенно достоверное, что судно, на котором барышни Скугель нынче осенью уехали в Англию, потонуло и что ни один пассажир не смог спастись. Я сказал об этом бедной маменьке, и она горько плакала, а вчера вижу я во сне мисс Марианну, которая приходит к нам и говорит, что всё это совершенно ложно и что они и не думали погибать. Какова же была моя радость и мое удивление, когда днем мы узнаем, что, действительно, они благополучно прибыли в Англию. Ты видишь, с тех пор, как мы расстались, я стал пророком.

Сейчас очень много говорят об опере Глинки,¹² ею откроется Большой театр,¹³ который перестроили и который, говорят, стал очень красив. Виельгорский¹⁴ с жаром говорит об этой опере как о прекрасной вещи. К сожалению, говорят, что невозможно будет получить места на первое представление, которое состоится в конце месяца. Кстати, Виельгорский поручил мне передать тебе от него тысячу любезностей, и в этом он подобен целой куче людей, которых не припомню. Обнимаю тебя всей силой моих *братских объятий*. До свидания, мой любимый, мой хороший брат.

А. К.

Мое письмо немного чересчур бестолково и нескладно и потому посылаю его втихомолку, не показав никому. Постараюсь написать лучше.

На обороте: Милостивому государю господину Карамзину в Баден-Баден, в великом герцогстве Баден, близ Карлсруэ.
В Бад-Баден.

19. А. Н. Карамзин

10—11 (22—23) ноября 1836 г. Петербург

*10 ноября 1836.

Здравствуй, мой добрый и бедный Ондерко! Сейчас маменька показывала мне письмо, которое ты ей написал после твоего разорения. Бедный брате, и у меня, бесчувственной твари, слезы не раз навертывались на глаза, когда я пробегал твои горестные строчки.¹ Я тебя понял, и твою горе, и твою раскаяние, и твою уныние. Помнишь, всё это было раз с нами обоими в лагере, когда мы лежали и не могли заснуть от угрызений совести и беспокойных дум, — но тогда мы были вместе и друг другу говорили: что делать? но ты, мой бедный Ондра, теперь

без брата, один с своей кручиной, с своим мучением и не у кого спросить тебе, что делать, когда голову обхватывает кружение беспокойствия. Вот от какой мысли навернулись у меня слезы на глазах. Бедный Ондря! тебе не спится и не у кого спросить тогда: *et toi, dors-tu?*^a О как бы хотел я перенестись к тебе и обнять тебя братским, утешающим объятьем, и поделиться с тобой горечью жизни, и утешить тебя в недобрый час. Только, ради бога, оставь свои бессмысленные рассуждения и фразы, как-то: *je dérouille les autres pour moi, c'est la part de mes frères que je dépense*^b и т. п., и не воображай себя, пожалуйста, таким завоевателем чужого имущества. Я сейчас отнес к Пиерлингу весь твой проигрыш, и завтра вместе с нашими письмами скачет к тебе вексель, который избавит тебя из Баден-Бадена и пустит опять на широкое гуляние по свету божьему. Поезжай, веселись, но смотри, будь мудр яко змий и безвреден яко голубица; я сейчас доказывал маменьке, что ты очень разумен, потому что она после твоей баденской остроты уже стала беспокоиться о том, что ты будешь делать и кутить в Париже. Прошу не давать себя вести за нос ни обстоятельствам, ни соблазнам волшебного города. Ты поставил в конце письма: «Саша, пиши мне!», и это воззвание к твоему брату в час беды глубоко проникло в его сердце, и он пишет к тебе с каким-то лихорадочным чувством братской любви и братского участия. Твой брат, Ондря, очень, очень любит тебя и малейшая твоя оцарапка его царапает, несмотря на то, что добрая Сонька называет его холодным и бесчувственным, когда она плачет от радости и восхищения, читая твои письма, а он стоит и не плачет. Я покидаю тебя на несколько часов, потому что в гостинной Валуевы и тетенька,² потом я еду на вечер к Салтыковым (это сделалось по случаю Моргенштерна), но я покидаю тебя с трудом и не лягу спать, не dokonчивши начатый разговор. До свидания, Ондря, моя душа, обними меня.

2 часа ночи.

Я ездил, мне было ужасно скучно и в 12^{1/2} часов я был уже дома и нашел Сонюшку в слезах от твоего письма. Мы потолковали *en trois*^a с маменькой обо всех сих штуках и решили, что семейство, в котором ради такого проигрыша пишутся такие письма *de part et d'autre*,^г непременно должно быть весьма добродетельно. Грустно думать, что ты еще так долго будешь бес-

^a а ты, ты спишь?

^b я обираю других ради себя, я растрчиваю долю моих братьев.

^в втроем.

^г с той и с другой стороны.

покоиться, покуда получишь эти письма; но тогда надеюсь, что ты опять будешь весел и спокоен. Получил ли ты письмо, которое я писал тебе с прошедшей почтой, т. е. тому 3 дни? Обнимаю тебя от всей души и говорю тебе: до свиданья, Ондра. Мы живем с Вошкой Карликом³ в ладу; я ему часто спускаю его несносные выходки и спору как можно реже.*

Aussi suis-je le seul de la famille qu'il traite assez bien. En partie je dois cela aussi à la joie que lui causent mes farces. On ne lui a pas lu ta lettre, afin qu'il ne sache rien des faiblesses de ses aînés. Au revoir. Je t'embrasse encore une fois bien, bien tendrement.⁴

А. К.

20. Е. А. и С. Н. Карамзины

20—21 ноября (2—3 декабря) 1836 г. Петербург

Е. А. Карамзина

Пятница, 8 часов вечера, 20 ноября 1836. Петерб.<ург>

Хотела я сказать тебе доброе утро, дорогой мой Андрей, а приходится сказать добрый вечер. У меня было плохое настроение, вызванное известиями, всё так же неприятными, из *Макателем*. Как было и при тебе, крестьяне упорно не желают подчиняться ни моим распоряжениям, ни управлению Ниротморцева; он извещает меня, что, невзирая на неоднократные мои и его приказания, со дня на день должна явиться ко мне депутация крестьян, без его распоряжения и ведома. Так как сейчас идет рекрутский набор,¹ то некоторые из зачинщиков беспорядка будут отданы в солдаты; не знаю, однако, достаточно ли будет этого, чтобы установить порядок и спокойствие. Там был некий управитель, нанятый, чтобы наблюдать за нашими интересами. Судя по некоторым написанным им бумагам, полученным нами, он мне казался вполне подходящим для выполнения таких обязанностей. Но он уехал из деревни, сказав Ниротм.<орцеву>, что не может противостоять неповиновению деревенских вожakov и сам боится за себя. Всё это меня бесконечно тревожит, тем более, что я не знаю, как выбраться из этого лабиринта; у меня решительно никого нет, к кому бы обратиться, чтобы помочь мне выйти из него, и как

⁴ Потому-то я единственный из семьи, к кому он относится довольно хорошо. Этим я обязан отчасти также и тому удовольствию, которое доставляют ему мои фарсы. Твоего письма ему не читали, чтобы он не знал ничего о слабостях старших. До свидания. Обнимаю тебя еще раз очень, очень нежно.

получить хоть что-нибудь из моих доходов, в которых у меня такая настоящая нужда, когда уже значительная часть капитала израсходована. Еще год, и у нас ничего не останется. Поразмысли об этом хорошенько, дорогой мой Андрей, не думай, что я преувеличиваю, нет ничего вернее моих слов. Рассуди всё и действуй соответственно.

А пока что я читала последнее твое письмо с удовольствием, видя, что, решив искупить свои ошибки раскаянием и обрекая себя заточению в Бадене на всю зиму, ты вновь обретаешь душевный покой. Но в моем письме, которое ты, наверное, уже получил, ты увидишь, что я этого не хочу, что я даю тебе свободу, высылая средства, чтобы рассчитаться с долгами и продолжать свое путешествие, как предполагено было врачом и твоими желаньями. Но я требую с твоей стороны, и ты дашь мне честное слово, полного отказа от повторения безумств как для укрепления собственных твоих сил, так и для моего покоя; я требую также большей стойкости перед всякого рода увлечениями, за которыми следуют угрызения совести и страдания! Да, не правда ли, дорогой Андрей, ты постарайся не поддаваться никакой прихоти, мучительной по своим последствиям для тебя и столь горестной для твоей матери. Я так счастлива, когда мы с тобой в мире, когда в моем сердце для тебя одни только похвалы.

Я очень благодарна графине Соллогуб² за то, что она советовала тебе поехать во Франкфурт; мне было бы неприятно, если бы ты не побывал у в.<еликой> кн.<ягини> Марии,³ она так добра ко всем, и особенно добра была к твоему отцу. Я также огорчилась бы, если бы ты не выразил почтения в.<еликому> кн.<язю>,⁴ который был к нам так благосклонен и так снисходителен к вам; никогда не сделаешь лишнего, выполняя свой долг, а это для тебя — несомненный долг. Если тебе еще придется случайно встретиться во время твоих поездок с их высочествами, не пренебреги возможностью послужить им.

Благодарю тебя за добрые вести о твоём здоровье. Всё же мне кажется, что если бы ты чаще вспоминал, что путешествуешь лишь ради здоровья, оно было бы в ещё лучшем состоянии. Но ты часто отвлекаешься от этой мысли! Пусть удовольствия, даже дозволенные, не служат помехой для лечения! Помни, что каждая минута твоего отсутствия — огромная жертва, на которую я решилась лишь ради великой цели излечения.

Благодарю тебя также, мой милый друг, за посланный мне подарок, буду носить его с удовольствием, особенно сознавая, что это — мой дорогой сын думал обо мне, посылая его мне. Если будет не очень дорого, мне бы хотелось иметь палантин

такой же, как муфта. В таком случае я бы позволила тебе купить его для меня, но только посоветовавшись с одной из твоих приятельниц, знающих толк, и чтобы устроили мне пере-сылку.

В день моего рождения был устроен, как всегда, большой праздник, до крайности сумбурный потому, что собрались самые разнообразные личности.⁵ Я получила красивые вещи от Гамбса,⁶ который помещается под нами. Князь Петр, Жуковский, Соллогуб, Валуев и другие зашли туда за подарками, которые они мне и преподнесли. Когда обносили шампанским, я не преминула выпить за твое здоровье, мой милый друг, и выразить горячие пожелания всяческого для тебя благополучия, душевного и физического; в одиннадцать часов мы отправились на раут графини Фикельмон;⁷ весь день женщины были заняты шитьем черного платья для меня, так как на три недели объявлен траур по Карлу X.⁸ В понедельник я иду на концерт к барышням Ласи, а оттуда к Люцероде. Надеюсь, что на этом закончатся мои выезды на вечера. У нас тут свадьба, о которой ты, конечно, не догадался бы, и я не скажу тебе, оставляя это удовольствие твоей сестре. Впрочем, полагаю, что ты уже знаешь об этом от Ар.<кадия> Россета. Прямо невероятно, — я имею в виду эту свадьбу,⁹ — но всё возможно в этом мире всяческих невероятностей. Пока что я немного устала, да и надо оставить место для мадемуазель Софи, чтобы не лишать ее удовольствия посплетничать тебе. Сейчас она пошла навестить Жюли Зиновьеву, рожденную Батюшкову.¹⁰ Александр одевается, чтобы идти на раут к княгине Белосельской,¹¹ пообедав вдвоем с Дантесом у этого последнего. Вольдемар кашляет, он должен был участвовать в обеде, но из-за кашля я его не отпустила. С некоторых пор я им более довольна; дай бог, чтобы так продолжалось и усиливалось изо дня в день. Прощай, мой хороший, дорогой Андрей, нежно прижимаю тебя к сердцу и благословляю тебя от всей души, призывая на тебя милость господню, да сохранит она тебя всегда и везде. Кстати, советую тебе внимательно выбирать себе слугу, чтобы он был честным человеком и не обкрадывал тебя.

С. Н. Карамзина

Добрый день, дорогой мой Андрей, твое письмо из Бадена и из Франкфурта¹² доставило мне огромное удовольствие. Во-первых, оно очаровательно и крайне интересно, во-вторых, оно весело, и мы все успокоились, а знаешь, как мы волновались! Как хорошо ты сделал, что поехал во Франкфурт, и как я смеялась над обожанием, которым был там встречен Гугерт!

По крайней мере, ты был в хорошей компании, путешествуя на положении больного. Воспоминание о нас маленького принца Веймарского¹³ доставит большое удовольствие Катрин (которой оно принадлежит по праву). Только что мы отправили ей твое письмо. Думаю, что, пожалуй, это будет в последний раз и что скоро она придет сама, — она говорит, что к 6 декабря, но, так как она любит устраивать сюрпризы, не удивлюсь, если она будет здесь к 24-му.¹⁴ Мы знали, что ты во Франкфурте, еще за три дня до получения твоего письма, почему-то немного запоздавшего. Госпожа Марченко¹⁵ сказала мне на рауте у Фикельмонов, что ее родители писали о тебе и рассказывали, как ты напрасно старался быть выслушанным великой княгиней Марией. Это мне напомнило забавный рассказ бедного Алексиса Перовского. Ты знаешь, что этим летом он умер от малярии?¹⁶

Я очень рада, что ты познакомился со Свистуновыми.¹⁷ Почему ты ничего не говоришь о другой встрече с Надин? Предсказывают, что в баденском уединении ты влюбился в княгиню Долгорукую,¹⁸ — она обольстительница известная. Итак, я говорила тебе, мой друг, что мы были на рауте у графа Фикельмона, многочисленном и оживленном настолько, насколько может быть оживленным собрание такого рода (четыреста человек, стоящих, шагающих и толкающихся в дверях), — все дамы в черных платьях, — однообразии, которое, впрочем, я нахожу красивым, — и толпа иностранцев, особенно французов с бородами всевозможных форм; я считаю, что эта мода очень некрасива и разрушает все особенности лиц.

Часом позже.

Я прервала письмо, чтобы позавтракать, а потом, увы, обсуждать наши несчастные деревенские дела с господином Татариновым;¹⁹ это взволновало меня, и особенно предстоящая встреча с депутатами из деревни, которые явятся сюда только затем, чтобы их наказали (наказали! это решено, и раньше, чем их выслушали; и один бог знает, нет ли правоты в их домогательствах?), — и также уверенность, вытекающая из размышления, что уж во всяком случае теперь, когда вся деревня восстала против властей, спасти общее положение можно только суровыми мерами — страхом, бедствием для меньшинства; всё это меня волнует и огорчает сильнее, чем я могу выразить. Но закончим с этим несчастным вопросом!

Мы только что получили письмо от Катрин. Она решительно выедет из Лотошина только 29-го. Вот что она пишет о тебе после многих похвал за твое героическое лечение в Бадене: «Надо быть вашим сыном, чтобы так проникнуться сознанием

нераздельности вашего благополучия от своего собственного и огромным влиянием его существования на ваше. Именно уверенность в этом и боязнь причинять вам беспокойство, несомненно, будут служить ему защитой в Париже. Я радуюсь за него потому, что пребывание там принесет ему бесчисленные умственные наслаждения. Сколько выдающихся умов, сколько талантов, гениев, сколько прекрасных творений ослепят его в столице цивилизованного мира! С таким умом, как у него, он испытает там наслаждения, непостижимые для множества молодых людей, которые смотрят на Париж только как на очаг рассеяния. За них можно беспокоиться, за моего же брата надо только радоваться, так как он там найдет источник наслаждений и отдыха для ума и воображения». Запомни это крепко, мой дорогой Андрей: здесь в одно время и похвала и правило поведения.

Я должна сообщить тебе еще одну необыкновенную новость — о той свадьбе, про которую пишет тебе маменька;²⁰ догадался ли ты? Ты хорошо знаешь обоих этих лиц, мы даже осуждали их с тобой, правда, никогда не говоря всерьез. Поведение молодой особы, каким бы оно ни было компрометирующим, в сущности компрометировало только другое лицо, ибо кто смотрит на посредственную живопись, если рядом — Мадонна Рафаэля? А вот нашелся охотник до этой живописи, возможно потому, что ее дешевле можно было приобрести. Догадываешься? Ну да, это Дантес, молодой, красивый, дерзкий Дантес (теперь богатый), который женится на Катрин Гончаровой, и, клянусь тебе, он выглядит очень довольным, он даже одержим какой-то лихорадочной веселостью и легкомыслием, он бывает у нас каждый вечер, так как со своей нареченной видится только по утрам у ее тетки Загряжской; Пушкин его не принимает больше у себя дома, — он крайне раздражен им после того письма, о котором тебе рассказывал Аркадий.²¹ Натали нервна, замкнута, и, когда говорит о замужестве сестры, голос у нее прерывается. Катрин от счастья не чуёт земли под ногами и, как она говорит, не смеет еще поверить, что всё это не сон. Публика удивляется, но, так как история с письмами мало кому известна, объясняет этот брак очень просто.²² Один только Пушкин своим взволнованным видом, своими загадочными восклицаниями, обращенными к каждому встречному, и своей манерой обрывать Дантеса и избегать его в обществе, добьется того, что возбудит подозрения и догадки.²³ *Вяземский говорит*, «что он выглядит обиженным за жену, так как Дантес больше за ней не ухаживает». Об этой свадьбе было объявлено во вторник на балу у Салтыковых, и там они уже принимали поздравления. Я тоже там была и много танцевала. Дантес,

зная, что я тебе пишу, просит тебе передать, что он очень доволен и что ты должен пожелать ему счастья.²⁴ Прощай, дорогой Андрей, обнимаю тебя так же сильно, как люблю. Вольдемар поручает мне нежно поцеловать тебя, Александр тоже. В воскресенье он был в Аничковом дворце и вел себя хорошо, т. е. всё время танцевал, к своему огорчению.

Софи.

На обороте: Милостивому государю господину Андрею Карамзину в Бад-Баден, в великом герцогстве Баден, близ Карлсруэ. До востребования. *В Бад-Баден*.

21. Е. А. и С. Н. Карамзины

28 ноября (10 декабря) 1836 г. Петербург

Е. А. Карамзина

Суббота, 28 ноября 1836. С.-Петерб.<ург>

Здравствуй, мой добрый, мой дорогой Андрей, твое письмо, полученное вчера, было встречено еще лучше, чем обычно, во-первых, потому, что я ждала его уже два дня, а также потому, что оно немного утешило меня от досады, причиненной письмом, полученным несколькими минутами раньше твоего, от *Ниротморцева* из наших земель.¹ Оно наводит уныние, как и все письма оттуда, и я действительно не знаю, как мне быть и что делать. Чувствую, что это именование от меня ускользает, и не знаю, как его удержать! Сколько ни советовалась я с разными людьми, желая услышать спасительный совет, каждый уклоняется и говорит, что трудно решать что-либо при таких сложных обстоятельствах. А пока что, посуди сам, каково мое положение! Ниротм.<орцев> меня извещает о прибытии двадцати бунтарей, которые идут из *Макателем* искать у меня защиты от моих же собственных постановлений. Я голову теряю, как подумаю, что мне с ними делать, как решать? Да поможет мне господь и да озарит он меня своим благотворящим светом! А сейчас мое положение ужасно тягостно. Ты ничем не поможешь, дорогой друг. Если бы ты был здесь, возможно, ты нашел бы выход из этого тяжелого состояния, либо подав добрый совет, либо помогши мне принять какое-либо решение. Но предоставим это будущему и поговорим о тебе, дорогой Андрей! Когда я представляю себе твое лицо, грустное, меланхолическое, я вдвойне страдаю от разлуки с тобой, а затем являются предчувствия, предвидения, всё меланхолическое снаряжение, которое тянет за собой отсутствие. После жестоких переживаний покой дается только надеждой на милосердие божие.

Мне не терпится узнать, что ты решил после получения моего письма, в котором я даю тебе полную свободу, куда ты поедешь? Госпожа Смирнова пишет своим братьям,² что Тургенев³ — обманщик, когда говорит так соблазнительно о Париже. Приехав туда, она вновь впала в свою ипохондрию, и Смирнов⁴ говорит, что, если только ее тоскливое настроение еще продолжится, они вернутся в Баден. Если ты решишься на поездку в Париж, надо, чтобы тебя представили нашему послу;⁵ кроме того, непременно попроси, чтобы тебя представили нашей знаменитости, госпоже Свечиной, *Свитчина*;⁶ ты будешь поддержан добрыми чувствами, которые она питала к твоему отцу, и моей просьбой к ней — с благосклонностью принять тебя; и потом, пожалуйста, будь во всем благоразумен, будь сдержан в выражениях при разговоре. По поводу сдержанности и образа мыслей Жуковский просит тебе ответить на твое удивление, *что немцы хорошо толкуют об политике и правлениях*, потому именно они и не выполняют того, что тебе кажется странным, что они не делают; не знаю, помнишь ли ты, что писал об этом предмете.⁷

Я очень рада, что благодаря Гугерту ты имеешь несколько приятных минут в твоём баденском одиночестве. Одиночество могло бы принести тебе большую пользу во всех отношениях, если бы ты умел должным образом, как я понимаю, пользоваться им и занимался бы интересующими тебя науками, — ты же вынужден пренебрегать ими, ведя кочевую жизнь. А в твоём возрасте науки так необходимы для умственного развития, украшающего жизнь душевную.

Я получила также письмо от Катрин,⁸ — ее возвращение к нам откладывается на несколько дней: ей очень хочется купить небольшое имение близ *Лотошина*. Она с мужем поедет посмотреть его, и здесь они будут только после 6 декабря. А ты, дорогой сын, когда же, наконец, стану я считать разделяющие нас с тобой дни разлуки, а не месяцы? Но не нужно думать об этом, а то слишком больно сжимается мое сердце. Будь здоров сердцем, духом и телом, и я буду мужественно и с покорностью терпеливо ожидать ту счастливую минуту, когда богу угодно будет вернуть тебя в мои материнские объятия.

24-го⁹ обеда официального у нас не было, — я боялась утомиться, зная, что вечером будет суматоха, и действительно, была разношерстная толпа *разных народов*. К обеде были только князь Петр,¹⁰ Жуковский, братья Россет, Скалон; распили бутылку кремана за здоровье присутствующих и отсутствующих; к ним, к отсутствующим, были устремлены мои горячие пожелания. И в настоящую минуту я воссылаю жаркую молитву к небу, дабы оно благословило тебя и наградило тебя своими самыми

драгоценными благами и, главное, чтобы оно раскрыло сердце твое навстречу дарам его любви. Прощай, мой дорогой, любимый мой Андрей, с горячей любовью прижимаю тебя к сердцу и благославляю тебя.

С. Н. Карамзина

Твое письмо из Бадена чрезвычайно меня порадовало, дорогой мой Андрей. Тебе вовсе не нужно много материалов для того, чтобы письма твои были интересными. Ты умеешь так хорошо извлекать из всего пользу, что я совсем не страшусь для тебя одиночества, если в нем ты встречаешь человека большого ума и познаний (а ты так умеешь их ценить!), молодую интересную женщину для твоего воображения, химическую лабораторию для твоих досугов. Этого всего более чем достаточно, чтобы отогнать скуку. С каким жаром ты извиняешься за неточность не из-за какого-то несчастного комиссионера, нет, но из-за несчастной грозы, а ведь солнце давно уже пролило свет на твою невинность! Но как досадно слышать, что погода у вас стоит скверная! Здесь также идет дождь и постоянно дует ю.⟨го⟩-з.⟨ападный⟩ ветер, сгоняя снег, принося оттепель и угрожая вскрытием рек. Нева едва покрыта коркой льда. По улицам, залитым водой, почти невозможно ходить, и я боюсь, что дорога для переезда Катеньки к нам сюда будет невыносимой.

Перейдем к исторической части нашей жизни и поспешим, ибо час отправления почты жестоко меня прищипоривает. В прошлый понедельник мы были на концерте у Ласи, в котором эти барышни, Виельгорский,¹¹ господин Кочубей,¹² Балабин¹³ и другие любители исполняли очень приятную музыку в красивом, светлом, теплом и не слишком полном зале. Оттуда мы поехали закончить вечер к Люцереде, где, к большому нашему удивлению, застали весь город припрыгивающим под звуки фортепиано в гостиной вдвое меньше нашей. Как любят танцевать в Петербурге! Это прямо какое-то бешенство: Люцереде собирают у себя по понедельникам едва по двадцати человек; на этот раз, услышав, что у них будут танцы, вся аристократическая толпа наших гостиных ринулась туда, теснясь в своего рода русской бане, и, если не считать ощущения удущья, очень веселилась. Я делала то же, что делали другие: танцевала с Головиным, Огаревым,¹⁴ с неким *Хрущевым* из конной гвардии,¹⁵ с Репниным,¹⁶ а мазурку с Соллогубом, у которого в этот день темой разговора со мной была история о неистовствах Пушкина и о внезапной любви Дантеса к своей невесте.¹⁷ Ведь обычно между нами условлено, что нам нечего ска-

зять друг другу по причине наших родственных отношений и дружбы, избавляющей нас от тягостной напряженности. Он всегда делает вид, что презирает общество, в ничтожестве которого никто лучше его не разбирается, но этим он только доказывает, что неравнодушен к этому самому обществу. Он ухаживает за госпожой Пушкиной, очень всем нравится в обществе, где, пожалуй, сам в конце концов почувствовал бы себя хорошо, если бы не принял несвоевременного решения и слишком поспешного обязательства через несколько недель ехать в *Харьков* с графом Александром Строгановым,¹⁸ назначенным генерал-губернатором Харькова, а также Полтавы и *Чернигова*.

Во вторник, в день св. Екатерины, мы непрерывно принимали гостей, с двенадцати часов дня и далеко за полночь. Вечером это стало невыносимо, разнородная толпа, праздная, скучающая и наводящая скуку. Я бы решительно настаивала на том, чтобы устроить танцы, потому что тягостно ничего не делать, когда народу слишком много для беседы и недостаточно для толкотни, как на рауте. Но в тот день был бал у Салтыковых, и, следовательно, недостаток кавалеров. Среди гостей у нас были графиня Натали Строганова, вся разодетая, красивая и совершенно растерянная. Что касается меня, то я налила 138 чашек чаю, мне чуть-чуть не стало дурно, а маменька в награду за мое усердие на благо общественное вымыла мне голову за то, что, по ее словам, я слишком мало занималась дамами и слишком много Дантесом, Герсдорфом и Мальцовым. Но это ведь была только догадка, основанная на теории вероятностей (потому что маменька сидела в другой комнате). В среду мы были неожиданно обрадованы приездом Александра Тургенева,¹⁹ оживившего наш вечерний чай своим прелестным умом, остротами и неисчерпаемым запасом пикантных анекдотов обо всех выдающихся представителях рода человеческого. Он очень сожалеет, что сейчас он не в Париже и не может тебя представить, между прочим, госпоже Рекамье.²⁰ Ты должен очень постараться проникнуть к ней, быть может, через госпожу Свечину, ведь это — место встречи французской литературы всех родов.

Вчера, в четверг, состоялось открытие Большого театра (он очень красив); давали *«Ивана Сусанина» Глинки*²¹ в присутствии двора, дипломатического корпуса и всех государственных сановников. Я была там с доброй госпожой Шевич в ложе второго яруса (мы, естественно, сами не смогли добыть). Многие арии оперы прелестны, но всё в целом показалось мне написанным в жалобном тоне, несколько однообразным и недостаточно блестящим; всё построено на русских темах и в миноре.

В последней сцене декорация Кремля великолепна, толпа народа, переходящая в лица, написанные на полотне, казалась продолженной в бесконечность. Восторг, как обычно у нас, был холодноват, аплодисменты замирали и возобновлялись как бы с усилием. Прощай, мой любимый Андрей, прими самый нежный поцелуй.

Софи.

На обороте: Милостивому государю господину Андрею Карамзину в Бад-Баден, в великом герцогстве Баден, близ Карlsruэ. До востребования. *В Бад-Баден*.

22. Е. А. и С. Н. Карамзины

5 (17) декабря 1836 г. Петербург

Е. А. Карамзина

5 декабря 1836, Петер.<бург>, суббота.

Здравствуй, дорогой мой Андрей, вчера мы получили твое письмо от 16-го;¹ оно пришло как раз вовремя, чтобы рассеять грустное расположение моего духа. Только перед тем я увидела в окно, как уводили восьмерых крестьян из *Макателем* для сдачи троих из них в рекруты, а час спустя мне предстояло свидание с шестнадцатью бородачами, с которыми надо было рассуждать и доказывать, что они виновны в нарушении моего строгого запрета являться сюда. Управлять заочно людьми, не поддающимися управлению, ужасно, то же, что выпить море; надеюсь, что теперь будет больше порядка; я обращаюсь ко всем за добрым советом, как мне лучше поступить. Ты видишь, мой друг, по этому моему излиянию, что я ничего от тебя не скрываю: ни того, как я страдаю, ни того, что меня огорчает; всё это — ответ на твои тревоги о моем здоровье. В свое время я говорила тебе, как обстоит дело; сейчас я чувствую себя очень хорошо, и доказательство этому — моя комната, вся наполненная атласными с серебром платьями, *кокошниками*, мастерицами, чтобы хорошенько приготовить для меня придворный туалет на завтрашнее утро;² вечером бала не будет, он отложен на 13-е, и это меня расстраивает: завтра бы я не пошла, а 13-го придется идти.

Твое письмо, дорогой мой, показалось мне немножко бесвязным, чувствуется, что тебе не о чем было писать. Всё же спасибо тебе, мой друг, за всё, что есть нежного в письме от 16-го. Я очень рада, что природа явилась тебе, чтобы развлечь

своими красотоми в этот день и что ты провел его приятно, приятней, чем я, как я тебе уже рассказывала в одном из предыдущих писем. Твое письмо я передам Катеньке, когда она придет; надеюсь, что это будет завтра вечером либо в понедельник утром, судя по тому, что она пишет в последнем письме. Я получила письмо от Киришбаума,³ где он просит у меня три тысячи рублей, чтобы иметь возможность выполнить тот план путешествий и занятий в университетах, который он составил еще в Ревеле. Я ответила уже, послав ему 1000 на обратный путь и написав, что я никогда не собиралась предоставлять ему возможность путешествовать за мой счет для своего образования. Если тебе случится еще с ним увидеться, скажи ему и объясни хорошенько, что ничто не расстроилось в его планах, составленных до вашего с ним путешествия, что никогда ему не придется проводить время так приятно, как он провел эти шесть месяцев, и что он приобретет опыт для того, чтобы предпринять путешествие еще раз уже за свой счет; но, во всяком случае, я по совести ничего более не могу для него сделать. Я вынуждена, против своей воли, снова обращаться к тебе с упреками, Андрей: если бы ты не смалодушничал, отступив перед необходимым объяснением с Киришб.<аумом>, у меня не было бы этих новых беспокойств, а он не оказался бы в Париже, в городе, где он не знает языка, без средств, поздней осенью. Если бы ты с ним объяснился в Германии, то в настоящее время он был бы уже в России и всё было бы кончено, — ведь устно объясняться гораздо легче, нежели письменно. А тут еще эта противная госпожа Полуектова,⁴ * которая зажилила деньги*. Я не успокоюсь до тех пор, пока ты не будешь знать, что Киришб.<аум> вернулся восвояси живым и здоровым и, главное, отказался от своих нелепых претензий. Я бы переслала тебе его письмо, если бы не думала, что ты знаешь, о чем там речь.

Прилагаю к письму, дорогой мой, краткий обзор того, во что уже обошлось мне твое путешествие, чтобы у тебя не было на этот счет заблуждений и чтобы ты понял, что умение считать — вещь необходимая, а главное, помнил бы, что деревня — плохой источник дохода, что недостающими деньгами снабжает меня ломбард, но и это средство уже в достаточной мере использовано. А ведь нельзя забывать еще про приданое Лизе; ты видишь, что наши дела обстоят не слишком хорошо. Очень неприятно говорить о таком предмете, но мне думается, что я обязана это делать. Я огорчена еще и тем, мой милый друг, что одиночество, в котором ты живешь, не вызывает в тебе желания заниматься систематически и с пользой для себя. Мне кажется, что с твоим родом ума занятия должны были бы быть

потребностью, особенно тогда, когда обстоятельства волей-неволей благоприятствуют. А твой талант рисовальщика? О нем никогда нет и речи. Умоляю, мой друг, пойми, что в двадцать два года это необходимо. Ум нуждается в пище, иначе он заржавеет и потеряет почву. Я кажусь тебе сегодня очень ворчливой и поучающей, не правда ли? А между тем во мне говорит всегда одно и то же чувство, и безразлично в какой форме оно ни представляется; всё та же любовь, горячая любовь к тебе заставляет меня говорить, дорогой сын. Мне бы так хотелось, чтобы исчезли малейшие пятна, которые могли бы набросить тень на твой дорогой образ. На этом прощай, дорогой, любимый мой Андрей, прижимаю тебя к сердцу, благословляю тебя и обнимаю с той же нежностью, как и люблю тебя. Оставляю свободное местечко для Софи, она хочет написать тебе всего несколько строк. *Прощай, милый Андрей*.

С. Н. Карамзина

Знаешь ли, мой дорогой брат, что сегодня утром я проснулась с чувством сильной злобы на тебя? Просто удивительно! Нужно сказать тебе, что в последние три дня я писала днем и ночью письма в деревню и для деревни, письма огорчительные, удручающие, а вчера утром все эти злосчастные сцены с крестьянами, после которых надо было еще писать, и затем вечером — для смены впечатлений — бал у Бабет Голицыной, куда мы поехали вдвоем с Александром и где мы танцевали до трех часов ночи. А утром вдруг заставляют меня подняться, чтобы писать Ниротморцеву и Андрею. «Я не хочу вставать, не хочу писать Андрею! Очень нужно! Он и трех раз не написал мне за восемнадцать месяцев нашего путешествия, а я каждый раз обязана отправлять ему целые сочинения! Не буду писать ему, хочу спать!» И действительно, пишу тебе лишь несколько слов — тебе, дерзкому, который еще осмеливается жаловаться и упрекать меня за один маленький пропуск в нашей корреспонденции! Верно говорят, что чем больше делаешь добра людям, тем меньше тебя ценят. Впрочем, ничего интересного у нас за прошедшую неделю не было, разве только вторичное выступление Александра в Аничковом, где он танцевал мазурку с госпожой Пушкиной,⁵ попурри с Натали Строгановой, контрдансы с графиней Воронцовой,⁶ барышнями Опочининными и т. д. Молодой человек цивилизуется: бегаёт по балам ежедневно. Прощай, дорогой Андрей, обнимаю тебя и люблю.

Софи.

Е. А. Карамзина ^а

Руч ^б	500 руб.
Места на пирокск. <афе>	500
Дукаты	330
Вексель	3000
Князю Голицыну	360
Туссену	2700
Вексель	3000
Проигрыш	2400
Вексель	3000
Киршбаум	1000
Итого	16790

Вместе с другими мелкими расходами, связанными с отъездом, получится 17 000 руб., а ведь прошло всего только шесть месяцев. Поразмысли хорошенько, допустимо ли это, перенесу ли я подобный расход в будущем? Не могу и не хочу. Не говоря о 2400, что было безумством, которое, надеюсь, не повторится, но общий итог расходов огромен и никак не рассчитан.

23. С. Н. Карамзина

29 декабря 1836 г. (10 января 1837 г.). Петербург

Петербург, 29 д. <екабря>, ^в среда

Теперь, Андрюша, когда ты успокоился относительно здоровья маменьки, я прежде всего должна побранить тебя за более чем скудное содержание твоего последнего баденского письма: согласишься, что это очень обидно! А затем я продолжаю сплетни и начинаю с темы Дантеса: она была бы неисчерпаемой, если бы я принялась пересказывать тебе всё, что говорят; но поскольку к этому надо прибавить: никто ничего не знает, — я ограничусь сообщением, что свадьба совершенно серьезно состоится 10/22 января; что мои братья, и особенно Вольдемар (очень чувствительный к роскоши), были ослеплены изяществом их квартиры, богатством серебра и той совершенною особой заботливостью, с которой убраны комнаты, предназна-

^а На отдельном листке.

^б Первоначально было: Брунст.

^в Описка, вместо: 30 декабря.

ченные для Катрин; Дантес говорит о ней и обращается к ней с чувством несомненного удовлетворения, и более того, ее любит и балует папаша Геккерн. С другой стороны, Пушкин продолжает вести себя самым глупым и нелепым образом; он становится похож на тигра и скрежещет зубами всякий раз, когда заговаривает на эту тему, что он делает весьма охотно, всегда радуясь каждому новому слушателю. Надо было видеть, с какой готовностью он рассказывал моей сестре Катрин обо всех темных и наполовину воображаемых подробностях этой таинственной истории, совершенно так, как бы он рассказывал ей драму или новеллу, не имеющую к нему никакого отношения. До сих пор он упорно заявляет, что никогда не позволит жене присутствовать на свадьбе, ни принимать у себя замужнюю сестру. Вчера я убеждала Натали, чтобы она заставила его отказаться от этого нелепого решения, которое вновь приведет в движение все языки города; она же, со своей стороны, ведет себя не очень прямодушно: в присутствии мужа делает вид, что не кланяется с Дантесом и даже не смотрит на него, а когда мужа нет, опять принимается за прежнее кокетство потупленными глазами, нервным замешательством в разговоре, а тот снова, стоя против нее, устремляет к ней долгие взгляды и, кажется, совсем забывает о своей невесте, которая меняется в лице и мучается ревностью. Словом, это какая-то непрестанная комедия, смысл которой никому хорошенько не понятен; вот почему Жуковский так смеялся твоему старанию разгадать его, попивая свой кофе в Бадене.

А пока что бедный Дантес перенес тяжелую болезнь, воспаление в боку, которое его ужасно изменило. Третьего дня он вновь появился у Мещерских, сильно похудевший, бледный и интересный, и был со всеми нами так нежен, как это бывает, когда человек очень взволнован или, быть может, очень несчастен. На другой день он пришел снова, на этот раз со своей нареченной и, что еще хуже, с Пушкиным; снова начались кривляния ярости и поэтического гнева; мрачный, как ночь, нахмуренный, как Юпитер во гневе, Пушкин прерывал свое угрюмое и стеснительное молчание лишь редкими, короткими, ироническими, отрывистыми словами и время от времени демоническим смехом. Ах, смею тебя уверить, это было ужасно смешно. Я исполнила твое поручение к жениху и невесте; оба тебя нежно благодарят, а Катрин просит напомнить тебе ваши прошлогодние разговоры на эту тему и сказать, что она напишет тебе, как только будет обвенчана.¹

Но достаточно, надеюсь, об этом предмете. Для разнообразия скажу тебе, что на днях вышел четвертый том *Современника* и в нем напечатан роман Пушкина *Капитанская дочка*,

говорят, восхитительный.² В прошлую субботу, как я тебе уже писала, мы были на придворном балу; Александр в полной парадной форме был, поистине, необыкновенно хорош; он утверждает, что отлично провел время, так как комната была более просторной и светлой, чем обычно, и там можно было увидеть новые лица. Я танцевала мазурку с нашим другом Скалоном, которому удалось добиться довольно прочного положения в свете и внушить себе легкую, весьма развлекательную страсть к графине Натали Строгановой: он краснеет и бледнеет при ее приближении, плохо спит и пребывает в мечтах; вот, однако, что значит тщеславие и какое смятение может посеять в сердце бедного офицера генерального штаба знатная дама, выбрав его три раза кряду в мазурке, потому что только в этом кроется вся причина этой страсти, которая не на шутку вредит ему; тебе известно, что от бессонницы еще и глаза краснеют!

Вчера мы с госпожой Пушкиной были на балу у Салтыковых, и я веселилась там больше, чем при дворе; не знаю, почему все с пренебрежением говорят об этих вечерах, считая их простонародными, а между тем все там бывает и танцуют от всего сердца; мое собственное сердце имело удовольствие танцевать долгую мазурку с моим приятелем Моргенштерном, столь же постоянным в своих привязанностях, сколь и я сама; он очень добрый малый и вместе с тем превосходный муж, у жены его вид такой счастливый, что она от этого даже похорошела. Там я познакомилась с молодой графиней Ростопчиной;³ она далеко не заслуживает своей репутации красавицы; правда, у нее большие черные глаза, но зато кожа у нее тоже черная и притом маслянистая, черты лица крупные, а росту она маленького и незначительного; поэтому я предпочитаю ее мужа с его оживленным лицом, глазами навывкате и вздернутым носом, напоминающим все портреты его отца. Мне смертельно хотелось поговорить с графиней о ее поклоннике, нашем Александре Голицыне, но пока я еще не могу решиться. Прощай, дорогой Андрей, целую тебя так же нежно, как и люблю, и с особым нетерпением жду от тебя известий. Тысячу и тысячу приветов Смирновым. Александр и Вольдемар просят поцеловать тебя за них. Первый собирается сегодня на бал в Аничков: уверяю тебя, он ведет ужасно рассеянный образ жизни.

Софи.

*На обороте: Милостивому государю господину Андрею Карамзину в Париж. До востребования. *В Париж**

24. С. Н. Карамзина

9 (21) января 1837 г. Петербург

Петербург, суббота, 9/21 января.

Право, мой дорогой Андрей, надо любить тебя, как мы любим, с нежною заботливостью и бескорытием, чтобы писать тебе сегодня, из страха причинить тебе беспокойство, тогда как мы сами столь встревожены и опечалены твоим необъяснимым молчанием: вот уже двенадцать дней мы не имеем от тебя известий, а между тем ты обещал из Страсбурга написать большое письмо через два дня. Маменька, как обычно, строит тысячу мрачных предположений, мы, как только можем, ее успокаиваем; но и нас начинает охватывать нетерпение, а это не лучшее состояние духа для того, чтобы приниматься за письмо. Да и что сказать тебе (*голова что-то удивительно пуста*). Прежде всего, что маменька, слава богу, оправилась от болезни, но еще не вернулась к привычному образу жизни; она продолжает совершать свою легкую трапезу в одиночестве, мы же по-прежнему обедаем в моей комнате, поскольку в гостиной еще нет освещения, а по вечерам пьем чай у Катрин; маменька тоже туда приходит, но обычно удаляется к себе, не дожидаясь конца вечера.

Для нас с Александром эта неделя была отмечена тремя балами, один из которых был дан Мятлевыми¹ в честь леди Лондондери (которая продолжает ослеплять Петербург блеском своих брильянтов). Танцевальный зал так великолепен по размерам и по высоте, что более двухсот человек кажутся рассеянными там и сям, в нем легко дышалось, можно было свободно двигаться, нас угощали мороженым и резановскими конфетами, мы наслаждались ярким освещением, — и всё же *ultra-fashionables*,² вроде княгини Белосельской и князя Александра Трубецкого² покинули его еще до мазурки — явное доказательство того, что находят бал недостаточно хорошего тона. Мне же там было весело и, протанцвав добрых пять часов, я ужинала с большим аппетитом. Второй бал, сопровождавшийся спектаклем, был у княгини Бабет Голицыной, *собрание всех известных и неизвестных народов*, толчея, где взор теряется в невообразимой толпе.³

Продолжаю мое повествование: спектакль «Мишель и Кристина» был носен, а «Комедиант из Этампа» очень смешон и мил.⁴ Тут есть два молодых *Греча*, студенты,⁵ они отличные

¹ «Ультрафешенебли» — особо-светские люди (англ.).

и остроумные актеры, и так как я прежде не знала этой пьесы то она меня рассмешила до слез. После этого с неистовством танцевали; мы с Александром поступили, как fashionables,⁶ мы уехали до мазурки, которая была уж слишком дурного тону, и еще застали у Катрин⁶ Тургенева, Вьельгорского (несмотря на всю его любезность, ему не удается рассеять предубеждения Катрин; однако ему это весьма безразлично, он и внимания не обращает, но опять приходит выкурить свою сигару, съесть котлетку, иногда — поговорить, много и очень приятно; известно, впрочем, что он рассеян; рассеянные же не способны замечать, радуются ли их приходу или нет: потому-то при виде его Катрин и теряет свой достойный вид), Валуевых и Дантеса со своей невестой, которая завтра станет его женой.⁷ Ведь завтра, в воскресенье, состоится эта удивительная свадьба, мы увидим ее в католической церкви; Александр и Вольдемар будут шаферами, а Пушкин проиграет несколько пари, потому что он, извольте видеть, бился об заклад, что эта свадьба — один обман и никогда не состоится.⁸ Всё это по-прежнему очень странно и необъяснимо; Дантес не мог почувствовать увлечения, и вид у него совсем не влюбленный. Катрин во всяком случае более счастлива, чем он. Ангелы небесные! Я едва не забыла про наш третий бал — позавчера у графини Разумовской;⁹ там было изысканнейшее общество, даже государь приехал на полчаса, и принц Карл Прусский;¹⁰ тьма народу толпилась в маленькой, но прелестной комнате белого мрамора, со звездчатым сводом, страшная жара и такой грохот музыки, что у Александра закружилась голова, он был вынужден бежать и вернулся домой, словно безумный; когда я возвратилась (на бал я поехала с княгиней <?> Шаховской),¹¹ меня стали спрашивать с тревогой, *что его там постигло? — Скука, ужасная скука*, отвечал он, но это не помешало ему вчера отправиться вновь танцевать, еще и еще танцевать к Сухозанетам.¹² Прощай, дорогой Андрей, нежно тебя целую.

Софи.

На обороте: Милостивому государю господину Андрею Карамзину в Париж. До востребования. *В Париж*.

25. С. Н. Карамзина

12 (24) января 1837 г. Петербург

Письмо твое прелестно, мой дорогой Андрей, при чтении глаза мои увальжались, а голос дрожал от радостного волнения: так приятно знать, что ты весел, доволен, счастлив, потому что

⁶ «Фешенебли» — люди высшего света (англ.).

об этом говорит твое письмо, и с такой живостью, с такой силой выражения, что оно заставляет видеть и переживать вместе с тобою всё то, что ты успел увидеть и пережить за столь короткое, но уже столь полное впечатлений время. Так оценивать стиль твоего письма заставляет меня отнюдь не пристрастность сестры и друга: твое письмо пожелали услышать Жуковский, Тургенев, Пушкин, Виельгорский, и они так же оценили его как отражение высокого ума, живого и пылко воображения. Жуковский всё время повторял: *Прекрасно, нельзя лучше, слог самый чистый, живой, оригинальный, носящий свой собственный отпечаток: он умный и добрый малый! Похвалите его от меня!*

Но довольно похвал, теперь перейдем к упрекам: что за странная и смешная прихоть — не посылать нам своих писем, как всегда, по почте, и что это за *фельдгегерь*, которому ты поручил свое письмо из Страсбурга, и где его искать? Было бы, однако, очень неприятно, если бы оно потерялось, не говоря уже о том, что задержка известий от тебя причинила нам беспокойство: укажи нам способ, как отыскать этот клад, затерявшийся в пространстве. Обратимся к светским пересудам: какими пошлыми и бесцветными кажутся мне они в сравнении с теми прекраснейшими вещами, которые тебя занимают. Ты бесконечно добродетелен, друг мой, бодрствуя ради нас по ночам; я считала бы даже, что это в высокой степени благородно, если бы не думала, что самому тебе тоже доставляет некоторое удовольствие излить *сгоряча*, как ты говоришь, избыток накопившихся в твоём сердце чувств в наши сердца, чтобы их осчастливить!

Ну, итак, свадьба Дантеса состоялась в воскресенье;² я присутствовала при одевании мадемуазель Гончаровой, но когда эти дамы сказали, что я еду вместе с ними в церковь, ее злая тетка Загряжская устроила мне сцену. Из самых лучших побуждений, как говорят, опасаясь излишнего любопытства, тетка излила на меня всю желчь, накопившуюся у нее за целую неделю от нескромных выражений участия;³ кажется, что в доме ее боятся, никто не поднял голоса в мою пользу, чтобы по крайней мере сказать, что они сами меня пригласили; я начала было защищаться от этого неожиданного нападения, но в конце концов, чувствуя, что голос мой начинает дрожать и глаза наполняются слезами досады, убежала. Ты согласишься, что, помимо доставленной мне неприятности, я должна была еще испытать большое разочарование: невозможно сделать наблюдения и рассказать тебе о том, как выглядели участники этой таинственной драмы в заключительной сцене эпилога. Александр говорит, что всё прошло наилучшим образом, но ты

ведь знаешь, он по природе своей не наблюдателен. На другой день они были у нас; на следующий день, вчера, я была у них. Ничего не может быть красивее, удобнее и очаровательно изящнее их комнат, нельзя представить себе лиц безмятежнее и веселее, чем их лица у всех троих, потому что отец является совершенно неотъемлемой частью как драмы, так и семейного счастья. Не может быть, чтобы всё это было притворством: для этого понадобилась бы нечеловеческая скрытность, и притом такую игру им пришлось бы вести всю жизнь! *Неприятно*. Третьего дня мы с Катрин, Пьером, Лизой и Александром⁴ были на бенефисе *Каратыгина*, он великолепен в роли Кина (Ал. <ександра> Дюма).⁵ Театр, как всегда, был полон, и, тоже как всегда, полон незнакомых лиц. Это позор для так называемого хорошего общества, как называет его в минуты музыкального гнева fashionable граф Виельгорский.

Копии векселя маменьке не переслали. Справься о письме для Киришбаума в посольстве. Говорят, что потеряться оно не может. Отправляйся <немеда>енно^а за нашими письмами на почту! Прощай, мой милый брат, целую тебя и люблю гораздо нежнее, чем могу это высказать.

Софи.

На обороте: Милостивому государю господину Андрею Карамзину в Париж, Шоссе д'Антен, улица Монблан, № 20. *В Париж*.

26. А. Н., Е. А. и В. Н. Карамзины

16—20 января (28 января—1 февраля) 1837 г. Петербург

А. Н. Карамзин

*С.-Петербург. Гаубтвахта Ордонансгауза. 16 генваря 1837.

Здравствуй, брате, согрешил я, видно, и прогневил небеса: Ганиченко¹ уехал в Новгород и Ладогу и перед отъездом (да заедят его крысы, как епископа Гаттона)² посадил, сам не ведая за что, в дежурную комнату под арест на неделю. На 2-й же день Сумароков³ (да заедят вши безумные его рыжий парик) приказом посадил меня на 2 дня на гаубтвахту за какой-то промах. Вот я и сижу на гаубтвахте. Завтра же освобождаюсь, а послезавтра еду досиживать арест в дежурной комнате (чтоб им всем перелопатиться как объевшимся свиньям или через меру надутым пузырям мочевым). Нет худа без добра: во всё время моего ареста бал за балом выдавливают весь петербургский пот, а я отдыхаю и не потею. Надобно тебе

* Вырвано.

сказать, брате, что, несмотря на все твои советы, на все твои рацен, я никак не мог ни охмелиться бальным хмелем, ни даже на грош влюбиться. Мне не скучно там, где музыка играет танцы и мазурки из оперы Глинки,⁴ где красоты и выдры скачут, улыбаются, вертят глазами, пожимают плечами, а всего более потеют до того, что в зале туман; там, где многое множество мундиров движутся с усталыми над ними лицами, не выражающими ни радости, ни печали, ни страсти, ни чувства; там, где шаркают фраки, почти все малорослые, самодовольные и удивительные; там, где жены ищут свою утраченную младость; там, где девы теряют свежесть ланит и чувств; там, где философы зевают у всех дверей, а матушки вдоль по стенкам и заговаривают с мимоходящими; всё это, брате, мне не скучно, но и не весело, ей-ей, не весело. Многие вещи в жизни таким образом проходят для меня без веселья и скуки, а между тем время летит, унося младость год за годом. Веселие! Где ж ты ждешь меня на житейском пути? Неделю тому назад сыграли мы свадьбу барона Эккерна с Гончаровой. Я был шафером Гончаровой. На другой день я у них завтракал. Leur intérieur élégant^a мне очень понравился. Тому 2 дня был у старика Строганова⁵ (le père assis⁶) свадебный обед с отличными винами. Таким образом кончился сей роман à la Balzac,^b к большой досаде С.-Петербургских сплетников и сплетниц. Вчера был у Вяземских, ради дня рождения Наденьки⁷ soirée d'adolescents qui faisait pendant à un grand bal chez les Bèlosselsky.^c

Надобно тебе сказать, что я дал несколько стихотворений моих Вяземскому для его альманаха и Одоевскому, который собирает провизии для «Прибавления к „Русскому инвалиду“», которое купил Плюшар от Воейкова⁸ и которое сделалось или должно сделаться порядочною литературною газетою. Формат ее огромен и она выходит еженедельно. Впрочем, что будет из чад былых моих вдохновений, вовсе меня не занимает. Вся моя поэзия ушла к черту! я ничего не пишу и, что гораздо хуже, ничего не чувствую, и авторское самолюбие совершенно покинуло мою пустую голову. Отчего это всё так, а не иначе, я, право, не знаю и не думаю об этом, parce que cela me rend triste et me décourage entièrement.^d Видно, суждено мне быть

^a Их изящно обставленный дом.

^b посаженного отца.

^c в роде Бальзака.

^d вечер для подростков, который был под пару большому балу у Белосельских.

^e потому что это огорчает меня и совершенно обескураживает.

bon enfant^е весь мой век и ничем больше. Оно, конечно, нехорошо, но бывает хуже. Поделом не любил я свет и чувствовал всегда к нему отвращение: *c'est le monde et ses distractions bruayantes et sans joie qui m'a achevé.** Оставим это и вспомним стихи знаменитого поэта Александра Калака:⁹

... В своем уединеньи
В мечтах невольно мрачен я.

Твое письмо из Парижа произвело большой эффект в семействе, и все указательные пальцы устремились на него, и все уста сказали мне, что я никогда, никогда бы не сумел так делать, наслаждаться и писать. Я нашел это весьма справедливым, а впрочем, как судить о полете птицы, когда крылья у нее подрезаны. Как бы то ни было, я ежедневно и отчаянно режусь с Мещерским в шахматы. Вчера я на гаубтвахте в эту благородную игру засадил караульного офицера. Нынче со мной стоит какой-то егерский офицер, который имеет ко мне большую доверенность, потому что уже признался откровенно, что на Петровской гаубтвахте еще не стоял; признался откровенно, что не курит и во многом еще подобном он мне признался откровенно, что очень напомнило мне признания откровенные Левтера, который состоит теперь в должности домашнего лекаря у Витгенштейнов¹⁰ в деревне с 3000 руб. в год и весной едет в чужие края. Каков Левтер? От Эрнеста Стахельберга¹¹ я получил на днях письмо: он очень доволен своей кавказской жизнью и подвигами. Под ним убили лошадь и он жег аулы черкесские. Он зимует *dans un village où il y a de belles femmes*³ и очень доволен. В его *jolie lettre*,⁴ как всегда, есть философия, фантазия, меланхолия, несколько фразоватости плюс снова возникшие из пепла юность и очарованья. Так он сам говорит.

19 января, полночь. Дежурная комната.

Я тебе писал из одного ареста, теперь пишу из другого, дабы доставить тебе вести из различных мест, и потому признаюсь, что мне хотелось подражать тебе в разнообразии *des dates*⁵ твоих писем. Я постараюсь описать тебе картину, которая рисуется передо мной: дым наполняет атмосферу; на север открывается всегда запертый и пустой шкаф, содержащий библиотеку л.<ейб>-г.<вардин> конной артиллерии; на востоке храпит на канаве поручик Лихачев 2-й¹² лицом к погашенной

^е добрым малым.

^ж свет с его шумными и безрадостными развлечениями меня доконал.

³ в деревне, где есть красивые женщины.

⁴ милым письме.

⁵ помет.

свечке; на западе горит моя тусклая лампада и озаряет вдали показывающийся аванпост тараканов; на юге. . . там черт знает что! я не могу видеть, говорят, что там, кроме моего затылка, ничего нет. Вот уже 3 дни, что я наслаждаюсь сей восхитительной картиной с маленькими варьяциями на востоке, где вместо поручика Лихачева 2-го храпит иногда перед погашенной свечкой до неистовства глупый казак Андриянов¹³ или нечто похожее на сие. Надобно тебе сказать, что л. <ейб>-г. <вардии> Конная артиллерия наводнена разными сибирскими и оренбургскими казаками. Сии пришельцы Азии привели с собой разных сотников и хорунжей. Самый интересный сотник есть сотник Андриянов 1013-й (сколько помнится); сей сын Дона подал недавно рапорт о болезни по случаю: геморроидальных и весьма частых понуждений, колотий в боку, сильной головной боли, рези в животе, ломоти в костях, лихорадки и зубной боли. Уже я с любопытством ожидал тот час, где посмотрю, как казацкие сотники едут на кладбище, как на другой день, к общему изумлению, храбрый сотник рапортом за № 2 донес, что он совершенно выздоровел. Доктор Стефанович,¹⁴ который по соседству каждый день пьет чай в дежурной комнате, за всяким стаканом хвалится столь удивительным лечением.

Как бы то ни было, завтра я получаю свободу, а после завтра потею у Фикельмон. Как видишь: се qui est retardé n'est pas perdu.^а В Петербурге так часто нынешний год потеют, что делается тоска, как по принятию огромного количества бузины. Знаешь ли, если бы ты был здесь и мы ездили вместе в белый свет, мне бы было веселее. Помнишь, бывало, мы всё делали вместе и даже под арестом всегда вместе сидели. Еще 7 месяцев, брате, и опять по-прежнему будет. Тогда будет хорошо, а без тебя всё невезет. Наша разлука принесла мне, однако же, маленькую пользу: я сделался менее нерешительным в подробностях ежедневной жизни по невозможности целый день твердить, обращаясь к тебе: mais qu'est ce qui je dois faire avec ces diables de etc. etc.^б Нет худа без добра.

У нас часто бывают умные люди: Вьельгорский, Тургенев, Жуковский, Пушкин и пр. Quelquefois ils sont charmants mais d'autres fois tellement ennuyeux^в как и нашему брату дураку не всегда удается. Dans l'intervalle des deux dates de ma lettre^г я получил твое письмо поздравительное по случаю моего рождения и благодарю и целую тебя, как подобает доброму брату. Мне и в самом деле совестно, что я так долго ленился и не писал тебе.

^а то, что отложено, не потеряно.

^б но что же мне делать с этими чертовыми и пр. и пр.

^в Иногда они обворожительны, но в иные дни так скучны.

^г В промежутке между двумя пометами на моем письме.

Всё та же история, но, ей-ей правда, такая жизнь, что, хоть палкой бей, ничего не пишется. Я начинаю думать, что это всё от климата и невской воды. Отгадай, кто через Толмачева просил меня тебе кланяться? Киндерев! математик Киндерев!¹⁵ семинарист с пухленькими ручками (ха! ха! ха!). А я уж начинал думать, que son existence n'était qu'une des nombreuses fables des temps fabuleux de l'histoire.ⁿ Но Киндерев еще ничего, а кто со мной кокетничает, так это графиня Строганова (Natalie), уж я и бояться начинаю, elle a l'air d'être entreprenante; ce qui me tranquillise, c'est que je partage cela avec Treskin.^{p16} Но довольно я наболтал, пора закусить да и всхрапе. Целую тебя изо всей братской моей мочи и желаю доброй ночи. До свидания, брател! Тебе кланяется такая куча народу, что и не припомню.

Аркадий нежно тебя целует.

А. К.*

Е. А. Карамзина

К моему великому огорчению ты, может быть, не получишь посылки с чаем; говорят, что курьер не возьмется ее доставить.

В. Н. Карамзин

С.-Петербург, 20 января 1837.

Да, дорогой мой и милый Андрей, я получил твое письмо из Баден-Бадена, и уже очень давно. Завтра утром отправляется курьер, и вот удобный случай написать тебе откровенно и сказать всё, что у меня на уме и на сердце. Мой запоздалый ответ покажется тебе немного зачерствелым, но всё равно, я с тобой не церемонюсь. Прежде всего, мое долгое и упорное молчание перед тем, как я послал тебе свою последнюю эпистола, отнюдь не следствие оскорбленного самолюбия, и в этом смысле ты предполагаешь во мне уж слишком много мелочности, но я подозревал, что мое лотошинское письмо затерялось в дороге, и хотел в этом убедиться, а когда дело выяснилось, тотчас же снова тебе написал. Да, я не лишен самолюбия, у меня его даже очень много, но я бы скоро растратил ту долю его, какую мне отпустил господь, если бы употреблял его в подобных случаях.

Ты говоришь, что ужаснулся, угадав конец фразы, которой я не кончил; ну что ж, я все-таки остаюсь при своем прежнем мнении. Я знаю, что маменька любит всех нас одинаково в зна-

ⁿ что его существование было только одной из сказок сказочных времен истории.

^p она выглядит предприимчивой; меня успокаивает то, что я делю это с Трескиным.

чительных случаях, но ведь особенно важны именно мелкие случаи, потому что их бывает по десяти на дню, и если каждый такой случай порождает неудовольствие, тогда характер делается мрачным, а сердце каменеет. Впрочем, капля за каплей вода точит камень, но от кого ждать этой благотворной капли? Мне без конца повторяют: у вас нет сердца, и то лицо, которое это говорит, право, поскольку это его касается, но пусть оно не распространяет этого правила на других, ибо нельзя же любить, не обладая источником всякого самолюбия — сердцем, я же люблю тебя, люблю Катрин, люблю Александра и еще многих других. Тебя я люблю, потому что ты меня любишь и понимаешь; Катрин я люблю, потому что, как мне кажется, она меня любит и потому, что в ее уме и характере есть некая серьезность, внушающая мне уважение; Александра я люблю потому, что он донельзя добр, и доброта его не та, что сурово ополчается против зла, но та, что порождается слабой волей или ленью ума. Любовь, которую я к вам питаю, безгранична, потому что я должен израсходовать ее запас, она обдуманна и, как всякое порождение мысли, бессмертна.

Впрочем, нужно быть в моем положении, чтобы понять, сколько в нем волнующего. Ты и представить себе этого не можешь, находясь в отдалении, ибо разлука заставляет позабыть о тех тысячах неприятностей, которые порождаются ежедневным, ежеминутным общением, но не способна изгладить из памяти сделанное вам добро, напротив, она его сгущает и расцвечивает. Поэтому мне совершенно понятны эти письма, полные чистейшей материнской любви, которые тебе пишет маменька; мне понятны также эти порывы живой нежности и искренних угрызений совести, которыми ты ей отвечаешь, ибо когда я жил в Лотошине, то получал от маменьки строки, полные одновременно сердечных чувств и тех нежных упреков, от которых становится легче на сердце и которые доставляли мне столько же удовольствия, как и выражения любви, их сопровождавшие. Я никогда не плачу, но, получая эти письма, я плакал и изливал в своих ответах всю нежность моего сердца и все угрызения моей совести, и я был вне себя от того, что мне приходилось их ограничивать содержащим их листом бумаги. Но вот я вернулся, и на второй же день всё это куда-то исчезло, и осталась одна только действительность!

Ты не совсем понял, мой дорогой Андрей, то, что я говорил тебе о России. Можно нападать на религию или правительство своей страны, не нападая на самую страну, и таково именно было мое намерение. Можно, как ты сам говоришь, жалеть свою родину, но горе тому, кто ее презирает, потому что у него более нет родины и это слово теряет для него всякий смысл. Вот по-

чему я был вне себя от возмущения, читая пасквиль *Чадаева*, который, хоть и содержит в себе много справедливого, но, по моему мнению, может внушить лишь презрение к его автору. Думайте, но не говорите!

История с нашим профессором кончилась совершенно. Он сделался вежливым и любезным со студентами и в последний раз был очень доволен моим ответом на его репетиции. Обо мне, дорогой брат, не тревожься, я благоразумен даже и во гневе.

Теперь обратимся к предмету, особенно близкому моему сердцу, потому что он более всего его наполняет. Всё кончено, победу одержала Мари Н. (арышкина), полную победу. Не понимаю, какая роковая сила заставляет меня обожать женщину, с которой я никогда не говорил, женщину, которая не подозревает о пожирающей меня любви к ней и даже не знает о моем существовании. Образ ее меня никогда не покидает; когда я сажусь за работу, он встает между мной и моей книгой и я вынужден ее закрыть. Когда я принимаюсь за еду, он становится между мной и моей тарелкой, и я вынужден ее возвратить, не дотронувшись до блюда. Когда я ложусь спать, он оказывается между сном, уже готовым меня охватить, и моими глазами; наконец, когда я с кем-нибудь говорю, он незаметно проскальзывает между мной и моим собеседником, и я вынужден замолчать. Ах! это подлинная любовь, ибо она продолжается вот уже два года и всё возрастает, а в семнадцать лет любить одну и ту же женщину, и притом в течение двух лет, — это уже много. Не могу тебе описать, как я счастлив, если могу свободно ее созерцать, и если бы ты знал, как редко это бывает. Разве только иногда, в театре или же на гулянье. Три недели назад у нее случились преждевременные роды. Слава богу, теперь ей лучше, но она еще не выходит из дому, и, следовательно, я ее не вижу. Не подумай, что хоть одна грязная мысль может примешаться к мысли о ней. Нет, это любовь на самой высшей степени чистоты, это невыразимое преклонение. Все удивляются перемене в моем настроении и характере, и боже упаси, чтобы я когда-либо открыл кому-нибудь причину этого, но ты, мой милый брат, владеешь ключом от нее, и я надеюсь, что он так и останется в твоём кармане. Я совершенно забросил мой перевод английского романа — это берет слишком много времени и ни к чему большему не ведет. Что же касается до моих денежных дел, то они идут не очень хорошо, ибо у меня более 200 рублей долгу, но я надеюсь, что с помощью божьей и Толмачева с честью выйду из этого положения. С того дня, как мне исполнится восемнадцать лет, я начну жить за свой собственный счет и смогу удовлетворить всех кредиторов. Большая часть моих ссор с маменькой происходит из-за денег.

Я не могу не воспользоваться оказией, представляющейся мне с отъездом курьера, чтобы рассказать тебе об одном эпизоде, который было бы невозможно, не нарушая осторожности, доверить сомнительной скромности госпожи Почты, как ты это очень хорошо говоришь. Угадай же, что это такое. Ну, так вот, я дрался на дуэли с одним из моих товарищей. Дело произошло так. Мы с Долгоруким, Толлем и Рибопьером¹⁷ были в университете, ожидая в швейцарской прихода одного профессора. Разговаривая, мы стали спорить о том, кто из нас больше и кто меньше способен к наукам, и Толль начал тотчас же всех поносить; я же заметил ему, что он не имеет на это права, потому что сам очень редко бывает в университете; он рассердился и заявил, что я будто бы затронул его честь, а я принялся смеяться и сказал ему, что видеть свою честь в исправном посещении лекций значит весьма низко ее ценить и т. д. и т. п. В конце концов он стал меня чернить, утверждая, что я солгал, на что я ему ответил, что он невежа и мужик, и вышел из комнаты. Вечером он является ко мне и просит назначить час и место. Из нас двоих он был наиболее оскорблен, ему и надлежало решать; он выбирает пистолеты и назначает встречу на послезавтра. Его секундантом был Рибопьер, моим Шеппинг. Они не согласились на огнестрельное оружие, и после долгих споров мой противник принял дуэль на изогнутых саблях, в масках и коротких перчатках. Поединок мог состояться только через две недели, потому что надо было найти надежного врача, а здесь это нелегко. Встреча состоялась, наконец, на квартире у Шеппинга, и, чтобы дополнить весь ужас этого происшествия, скажу, что оно случилось в *сочельник* (да простит мне бог). Я всё время сохранял оборонительное положение, ибо Толль очень слабо владеет саблей. Всё же он нанес мне ударов двадцать, ни один из которых, однако, не произвел ранения. Если бы помочи не послужили мне кирасой, удар, который я получил в грудь, думаю, разрубил бы меня надвое, так он был силен. После боя мы наименее лучшим образом обнялись, и теперь мы с ним — самые лучшие друзья. Ты видишь, что студенты убивают друга друга не только в Дерпте. Меня зовут пить чай, уже около одиннадцати часов вечера, а письмо отправляется завтра утром. У меня даже нет времени перечитать его и исправить ошибки, которые я, наверное, допустил в пылу сочинения.

Прощай, любимый брат, желаю тебе всего того, что ты сам можешь себе пожелать, и даже больше, ежели это возможно. Постарайся иметь терпение и прочесть это нагромождение слов и мыслей и будь снисходителен к форме ради чувств, которыми они внушены. Ты спрашиваешь поручений у маменьки. Ну, так я тебе задам их в том случае, если ты при деньгах. Купи мне

какой-нибудь новый материал на панталоны или на жилеты, один-два галстука и несколько одноцветных платков. Я ведь у тебя не подарков прошу, у меня будет, чем заплатить. Еще раз прощай, дорогой мой Андрей. Отвечай мне, ибо каждое твое письмо составляет событие в моей жизни, и адресуй всегда *в собственные руки*! Не стану говорить, как я люблю тебя, потому что ты, конечно, сам давно это знаешь.

Вольдемар.

Р. S. Нежный привет от меня дорогой и милой госпоже Смирновой, а также ее мужу. Здесь все очень рады твоим сообщениям о ее здоровье и настроении.

27. Е. А. и С. Н. Карамзины

26—27 января (7—8 февраля) 1837 г. Петербург

Е. А. Карамзина

Вторник, 26 января 1837 г. Петерб. <ург>, 2 ч. <аса> пополудни.

Здравствуй, мой бедный, дорогой Андрей, руки мои дрожали, глаза плакали, сердце страдало от всяческих мук, когда я читала твое горестное описание столь глупо исполненного поручения госпожи Полуектовой! ¹ Бедный, бедный, дорогой сын! Но как ты мог себе это вообразить — ведь как бы ни была легкомысленна *Любовь* всё же не настолько, чтобы вызвать тебя к себе для того, чтобы сообщить дурные известия; если бы твоя голова не была занята грустными мыслями, ты должен бы был скорее ожидать чего-либо приятного, как и в самом деле, история эта кончилась билетом в маскарад! Признайся также, мой милый друг, что по собственной вине ты так страдал в ожидании писем. Немного меньше небрежности с твоей стороны — и этого бы не случилось. Почему бы не пойти самому, чтобы справиться на почте? Тогда и отношение было бы более внимательное, и ты сумел бы лучше разобрать адрес злосчастного письма, провалявшегося восемь дней; оно должно было доставить тебе удовольствие да еще избавить тебя от страхов и печальных предвидений. Умоляю тебя, отгоняй их от себя, ибо, как сам ты говоришь, ни добрые, ни дурные известия тебя не минуют: всегда найдется кто-нибудь, чтобы известить тебя, разве только случится землетрясение или наводнение, которое всех нас сметет с лица земли, — в таком случае я ничего тебе не обещаю. Так же должно обстоять дело и с письмом Киршбаума, оно поконится среди бумаг посольства и в конце концов затеряется, если ты сам не пойдешь; ты должен вытребовать

его всеми способами,^а иначе 1000 руб. пропадут, и это будет отнюдь не забавно. Пирлинг говорит, что на памяти человеческой никогда ни один пакет не терялся в посольстве. Письмо было отправлено отсюда 4 декабря по старому ст.<иллю> на имя Теодора Кир.<шбаума>, кандидата. Подсчитав, ты сможешь приблизительно определить день, когда оно должно было дойти до места назначения.

Твои письма, дорогой Андрей, несмотря на мою плохую память, я знаю наизусть. Это потому, что, получив письмо, я прежде всего запираюсь одна и долго-долго читаю, смакуя его сердцем и рассудком, а затем — чтение письма Сонюшкой для всей семьи, затем приходит очередь избранных, одних за другими, и я присутствую всегда, ведь это мое сокровище, которое я храню сама и разрешаю читать только при себе. Сколько сладостных минут доставляет мне это дорогое чтение, какой ты добрый, какой чувствительный, насколько дороже становишься ты для своей матери в эти минуты, проведенные под вуалью меланхолии. Ты будешь любящим и добрым ко мне, возвратясь домой, не правда ли? А дурные привычки твоего характера — разлука их излечит и не будет более речи о ссорах между нами; скажи мне: да. Между тем я не получила твоего честного слова, которого два раза просила у тебя по поводу игры, и просила лишь в твоих интересах, мой друг, столько же для твоего блага, сколько и для моего!

Скажи мне, тебя еще не утомляет рассеянная парижская жизнь? Я чувствую усталость за тебя, зная, что ты, едва открыв глаза, находишься в непрерывном движении; ты знаешь, что я ленива, что подвижность других людей пугает мое воображение. Мне не терпится узнать, когда ты начнешь свой путь к югу, главное к Италии. Думаю, что там ты насладишься больше, и телом и душой: прекрасная земля, прекрасное небо, искусства; там, мне кажется, мы находимся более перед лицом создателя. В Париже мы находимся перед лицом человеческого убожества. Или, может быть, я ошибаюсь? Да, дорогой друг, я очень благодарна тебе за точность в твоей переписке, я тронута ею до глубины души. Огорчаюсь лишь тем, что ты пишешь мне всегда ночью, боюсь, как бы это тебе не повредило. Твои дружеские связи с Соб.<олевским>² мне не очень-то улыбаются, обнаженность хотя бы его цинизма смущает меня за тебя. Я так люблю тебя, что желала бы для тебя только чистой, нравственной, духовной атмосферы, всего, что ни есть лучшего и прекрасного на свете! Прощай, покидаю тебя, сейчас доложили, что

^а Буквально: крича и трубя в рог.

пришел Аркадий с письмом от дорогой Александрины.³ Обнимаю тебя. Вновь возьмусь за письмо после прогулки, несмотря на то, что на улице ураган, но зато только два градуса мороза.

Среда, 10 ч. (асов)

Только Лиза да я поднялись, мой дорогой друг, Софи и Сашка отдыхают после вчерашнего бала у графини Разумовской.⁴ Письмо от сестры Аркадия, которое он читал, написано раньше твоего, так и нового в нем ничего не было, за исключением проекта поездки в Лондон. Значит, она совсем отказалась от Италии! — Хочу, чтобы мой сегодняшний день был почти так же деятелен, как твой. Светит яркое солнце, три градуса мороза. Итак, хочу прогуляться, сделать несколько визитов, отдать визит графине Ростопчиной-Сушковой, новобрачной княгине Щербатовой,⁵ той, что была Штерич, и кой-кому еще. Вечером пойду к нашей соседке Щербатовой⁶ и должна была бы закончить вечер на балу у госпожи Шевич по случаю свадьбы ее сына, состоявшейся, слава богу, в прошлое воскресенье. Но этот бал отложен на послезавтра, следовательно, удовольствие, пусть запоздалое, не потеряно для меня. Сонюшка, конечно, насплетничает тебе всё это подробно. В последнем письме я извещала тебя о посылке чая с курьером. Так вот, тебе надобно не зевать, как обычно, а быть настороже в ожидании его приезда. Он везет пакеты нашему консулу Лабинскому⁷ из министерства финансов; среди пакетов есть один для тебя — ящик с чаем, весом в два фунта, превосходного качества; ты его потребуешь. Отправляя его дорогой князь Петр Вяземский лично. Надеюсь, что ты будешь мне благодарен за это внимание. Ты спрашиваешь о поручениях; вот одно, которое прошу тебя исполнить обязательно: попроси госпожу Смирнову выбрать несколько колец из жемчуга-бургиньона, который был бы хорош, по крайней мере, на три кольца, если цена не чрезмерно высока, как здесь у нас. Кроме того, мне бы хотелось иметь вытканное золотом и серебром шитье для придворных платяев. Посоветуйся и об этом с дорогой Александриной. Главное, надо придумать, как всё это мне доставить. Что касается жемчуга, то он нужен непременно, а если можно достать еще и серьги из такого же жемчуга, было бы очень хорошо. Затем говорю тебе тысячу любезных, нежных слов, подсказанных мне сердцем, сильно тебя любящим. Прощай, дорогой сын, прижимаю тебя к груди, осыпая тебя поцелуями. Благословляю тебя. Да дарует тебе господь свое святое покровительство.

Умоляю тебя не подражать мне и писать лучше, потому что ты царапаешь ужасно, это меня огорчает.

Тысячу раз спасибо, мой добрый и дорогой брат, за радость, которую доставляют мне твои письма. Но я должна поделиться с тобой весьма справедливой мыслью Вяземского: *«Он слишком много проводит времени с Смирновыми, а кроме них, видит балы и спектакли: это весело, но не полезно. В Париже должно познакомиться с специальностями*, с представителями эпохи». *И то правда, милый Андрей*, нужно видеть новое, исключительное и воспринимать то, что нужно запомнить, с чем сравнивать в будущем. Поэтому надеюсь, что рекомендации господина Т.<ургенева> тебя направили по верному пути, которым ты пренебрегал до сего времени. Не достаточно видеть замечательных людей на раутах, надо стараться их услышать, беседовать с ними. «Именно люди составляют главный интерес путешествия», — сказал один древний путешественник, и особенно к Парижу эта истина наиболее применима. Милый мой Андрей, какими сладкими слезами наполнились мои глаза, когда я читала живое описание твоих волнений за нас! А ведь это была твоя вина: ты немного небрежен, как бывал и раньше; но я думаю, что была бы огорчена, не видя этого маленького недостатка, он представляется мне слишком неотъемлемым от всего твоего дорогого существа, чтобы не питать к нему некоторой слабости.

Не воображай, дорогой мой Андрей, что, пока ты бегаешь, мы сидим на месте. Я, по крайней мере, кружусь в бесконечном вихре вальсов, кадрили и мазурок — до головокружения, имея в виду вообще нашу привычку к неподвижности и домоседству. Посуди сам: в четверг — бал у Фикельмонов⁸ на пятьсот человек, очень красивый, очень оживленный, очень элегантный, полдюжины контрдансов, два вальса, мазурка с Жаном Озеровым,⁹ нашим милым старинным другом (который не выносит петербургской танцевания и в конце концов заболел от нее), и, наконец, прекрасный ужин, единственное преимущество, какое ценит Александр на бале. Возвращаясь с бала, он всегда рассказывает маленьке: «Сегодня было приятно: была прекрасная ветчина». Я так не говорю, но после бала всегда чувствую сильный голод и стараюсь за ужином устроиться с Александриной Опочининой, моей любимицей в свете (которая, скажу в скобках, поручила мне передать тебе привет; передай ей и ты что-нибудь приятное), и Аннетой Толстой,¹⁰ прелестной и лицом, и умом, и сердцем; это подлинная жемчужина, затерявшаяся среди фальшивых жемчужин бала, а потому она и чувствует себя там неловко. Никогда я не встречала в свете красивой и блестящей особы, которая бы с таким отвращением и холодностью прини-

мала, его развлечения; при этом такая полная, неистощимая доброжелательность и такой свободный и веселый ум — просто очаровательное создание.

В воскресенье у Катрин было большое собрание без танцев: Пушкины, Геккерны¹¹ (которые продолжают разыгрывать свою сентиментальную комедию к удовольствию общества. Пушкин скрежещет зубами и принимает свое всегдашнее выражение тигра, Натали опускает глаза и краснеет под жарким и долгим взглядом своего зятя, — это начинает становиться чем-то большим обыкновенной безнравственности; Катрин направляет на них обоих свой ревнивый лорнет, а чтобы ни одной из них не оставаться без своей роли в драме, Александрина по всем правилам кокетничает с Пушкиным, который серьезно в нее влюблен и если ревнует свою жену из принципа, то свояченицу — по чувству. В общем всё это очень странно, и дядюшка Вяземский утверждает, что он закрывает свое лицо и отвращает его от дома Пушкиных). Потом там были все милые Россетты и Аркадий, который любит тебя, как брата, — поэтому и я люблю его всё больше с каждым разом, когда мы получаем твои письма, — Тургенев и Вильегорский, который, будучи немного навеселе, говорил, пел и, наконец, стал исполнять китайский танец (ты знаешь, что при дворе устроен китайский балет, и он там состоит главным балетмейстером). В понедельник я была на большом балу в честь принца Карла у Мятлевых: четыреста человек в великолепном зале, где можно было свободно двигаться. Зато вчера, во вторник, то же количество гостей у графини Разумовской в очень маленькой и очень хорошенькой гостиной: мне представляется, что так должны устраиваться балы в Париже. Александр удрал на другой этаж, где он проклинал меня за то, что я осталась на мазурку, потому что он отослал свои сани и не мог уехать, а добрая госпожа Шевич любезно ждала меня до трех часов утра! Впрочем, Александр утешился под конец превосходной ветчиной и тысячью авансов графини Строгановой, с которой он обращается необычайно дерзко. Вчера я слышала их разговор и содрогалась от его безрассудно-дерзкого бреда; он говорит, сам не зная что, не слушая ее ответов, и всё это с таким уверенным, развязным тоном, что я не понимаю, как она не покажет ему спину. Великая княгиня Елена была тоже на этом балу, она не танцевала, но много беседовала с умными людьми, подобными Барангу,¹² Вильегорскому, Либерману¹³ и прочим.

У меня здесь нет места, достаточного, чтобы посплетничать тебе о свадьбе Лидии Блудовой; довольно тебе будет знать, что мать явилась в траурном платье, отец в простом черном фраке, Антуанетта в утреннем платье, она почувствовала себя плохо и

кричала: «Моя сестра, моя сестра! Ее отрывают от меня, сестру мою!» «Будем справедливы»¹⁴ возмущена! Прощай, мой ангел. Господин Тибо поручает мне сказать, что твой привет трогает его до глубины души. Обнимаю тебя и крепко люблю.

Софи.

На обороте: Милостивому государю господину Андрею Карамзину в Париж, Шоссе д'Антен, улица Монблан, № 20.
В Париж.

28. Е. А. и С. Н. Карамзины

30 января (11 февраля) 1837 г. Петербург

Е. А. Карамзина

Samedi le 30 janvier 1837. Pétersb.<ourg>.^a

*Милый Андрюша, пишу к тебе с глазами, наполненными слез, а сердце и душа тоскою и горестию; закатилась звезда светлая, Россия потеряла Пушкина! Он дрался в середу на дуэли с Дантезом, и он прострелил его насквозь; Пушкин бес- смертный жил два дни, а вчера, в пятницу, отлетел от нас; я имела горькую сладость проститься с ним в четверг; он сам этого пожелал. Ты можешь вообразить мои чувства в эту минуту, особливо, когда узнаешь, что Арнд с первой минуты сказал, что никакой надежды нет! Он протянул мне руку, я ее пожала, и он мне также, и потом махнул, чтобы я вышла. Я, уходя, осенила его издали крестом, он опять мне протянул руку и сказал тихо: «перекрестите еще», тогда я опять, пожавши еще раз его руку, я уже его перекрестила, прикладывая пальцы на лоб, и приложила руку к щеке: он ее тихонько поцеловал и опять махнул. Он был бледен как полотно, но очень хорош; спокойствие выражалось на его прекрасном лице.¹ Других подробностей не хочу писать, отчего и почему это великое нещастие случилось: они мне противны; Сонюшка тебе их опишет. А мне жаль тебя; я знаю и чувствую, сколько тебя эта весть огорчит; потеря для России, но еще особенно *наша*; он был жаркий почитатель твоего отца и наш неизменный друг двадцать лет.*

Прилагаю к этому письму копию с векселя, посланного Киришбауму: в том случае, если вы его не отыскали, вы предъявите банкиру эту копию, а если она окажется ненужной, ты ее

^a Суббота, 30 января 1837. Петерб.<ург>.

также ему передай. Прощай, мой дорогой Андрей, мой дорогой сын.

Дуэли ужасны! А что они доказывают? Бедного Пушкина нет больше! А через два года никто из оставшихся не будет и думать об этом. Пусть охранит тебя от них небо, и пусть твое доброе сердце и разум тебя от них отдалят! Прижимаю тебя к сердцу, опечаленному и страдающему, жалея тебя, потому что перенесу те же чувства в твое сердце. Благословляю тебя с любовью, поручая тебя милости господней. Я чувствую себя вполне хорошо.

С. Н. Карамзина

А я-то так легко говорила тебе об этой горестной драме в прошлую среду, в тот день, даже в тот самый час, когда совершалась ужасная ее развязка!² Бедный, бедный Пушкин! Сколько должен был он выстрадать за эти три месяца, с тех пор, как получила гнусное анонимное письмо, — причину, по крайней мере наружную, этого великого несчастья. Сказать тебе, что в точности вызвало дуэль теперь, когда женитьба Дантеса, казалось, сделала ее невозможной, — об этом никто ничего не знает. Считают, что на балу у Воронцовых,³ в прошлую субботу, раздражение Пушкина дошло до предела, когда он увидел, что его жена беседовала, смеялась и вальсировала с Дантесом. А эта неосторожная не побоялась встретиться с ним опять, в воскресенье у Мещерских и в понедельник у Вяземских!⁴ Уезжая от них, Пушкин сказал тетушке: «Он не знает, что его ожидает дома!» То было письмо Геккерну-отцу,⁵ оскорбительное сверх всякой меры, он называл его, отца, старой сводней (тот в самом деле исполнял такую роль), а сына — подлецом, трусом, осмелившимся и после своей женитьбы обращаться вновь к госпоже Пушкиной с казарменными речами и с гнусными объяснениями в любви, и грозил, если этого оскорбления будет недостаточно, оскорбить его публично на балу. Тогда Дантес послал к нему некоего господина д'Аршиака,⁶ из французского посольства, своего секунданта, чтобы передать ему вызов; это было во вторник утром, а вечером, на балу у графини Разумовской,⁷ я видела Пушкина в последний раз; он был спокоен, смеялся, разговаривал, шутил, он несколько судорожно сжал мне руку, но я не обратила внимания на это.

В среду утром он поехал приглашать в секунданты своего товарища по лицу Данзаса;⁸ встретив его на улице, усадил к себе в сани, тут же объяснил в чем дело, и они отправились драться на парголовскую дорогу, близ дачи Одоевских, между

четырьмя и пятью часами. Там, говорят, Пушкин проявил великодушное спокойствие и настойчивость. Дантес стрелял первым и попал ему в середину тела, он упал, а когда тот бросился к нему, чтоб поддержать его, он закричал: «Вернитесь на место, за мной еще выстрел!» Его приподняли и поддержали; так как первый пистолет выпал из его руки в снег, Дантес подал ему другой; он долго целился; пуля пробила руку Дантеса, но только в мягких частях, и остановилась против желудка — пуговица на куртке предохранила его и он получил только легкую контузию в грудь; но в первый момент он зашатался и упал. Тогда Пушкин подбросил свой пистолет в воздух с возгласом: «браво!» Затем, видя, что Дантес поднялся и пошел, он сказал: «А! значит поединок наш не окончен!» Он был окончен, но Пушкин был убежден, что ранен только в бедро. По дороге домой тряска кареты причиняла ему боль во внутренностях. Тогда он сказал Дантасу: «Кажется, это серьезно. Послушай: если Арендт найдет мою рану смертельной, ты мне об этом скажешь! *Меня не испугаешь: я жить не хочу!»* Приехав домой, он увидел жену и сказал ей: *«Как я рад, что еще вижу тебя и могу обнять! Что бы ни случилось, ты ни в чем не виновата и не должна себя упрекать, моя милая!»*

Арендт сразу объявил, что рана безнадежна, так как перебиты большая артерия и вены, кровь излилась внутрь и повреждены кишки. Пушкин выслушал этот приговор с невозмутимым спокойствием и с улыбкой на устах; он причастился, попрощался; он сохранял полное сознание, он наблюдал отчетливо, как угасала его прекрасная жизнь. Он получил от государя полное участия письмо, с советом умереть христианином и быть спокойным за судьбу жены и детей, заботу о которых государь брал на себя. Он немного страдал, он был неизменно ласков со своей бедной женой и за пять минут до смерти сказал врачу: *«Что, кажется, жизнь кончается!»* Без всякой агонии он закрыл глаза, и ничто не может быть прекраснее его лица после смерти: чело ясное, задумчивое, словно вдохновенное, и улыбающийся рот. Я никогда не видала такого чистого, такого утешительного и такого поэтического мертвого лица. Его несчастная жена в ужасном состоянии и почти невменяема, да это и понятно. *Страшно об ней думать*. Прощай, мой дорогой Андрей, обнимаю тебя очень нежно.

Софи.

На обороте: Милостивому государю господину Андрею Карамзину в Париж, Шоссе д'Антен, улица Монблан, № 20. *В Париж*.

29. Е. А. Карамзина

1 (13) февраля 1837 г. Петербург

Понедельник, 1 февраля 1837, 11 ч. <асов> вечера.

Добрый вечер, мой дорогой друг, я пишу тебе наскоро эти строки, а гостиная моя полна народу, и среди гостей, между прочим, хорошенькая госпожа Зубова из Нижнего.¹ Северин только что уехал, пробив у нас несколько часов. Записку мою Тургенев передаст д'Аршиаку, которого отсылают в качестве курьера после этой злополучной истории с несчастным Пушкиным; если ты с ним где-нибудь встретишься, то сможешь узнать подробности об этом роковом псединке. Он тебе привезет также маленький томик — новое издание *«Онегина»*,² по-моему, очень изящное, которое сейчас, я думаю, доставит тебе удовольствие. С почтой, отправляющейся в среду, я тебе напишу побольше и пошлю денег.

Прощай, мой милый и дорогой сын. Целую тебя и от всего сердца благословляю. Твое милое письмо мы получили,³ ты хвалишься своей аккуратностью, это справедливо, но было бы чудовищно, если бы ты ее не соблюдал. *Прощай, милый, А. <Александр> Иванович так и пенукает. Христос с тобой и с нами*.

На обороте (рукой С. Н. Карамзиной): Милостивому государю господину Андрею Карамзину. Шоссе д'Антен, улица Монблан, № 20.

30. Е. А. и С. Н. Карамзины

2 (14) февраля 1837 г. Петербург

Е. А. Карамзина

Вторник, 2 февраля 1837 г. Петербург, 1 час <дня>.

Здравствуй, мой милый, дорогой Андрей, вчера вечером я нацарапала тебе, бог знает как, несколько строк, чтобы успеть отослать их, вместе с томиком *«Онегина»*, с д'Аршиаком, который, должно быть, уехал сегодня утром; Тургенев, взявшийся отнести пакет, ужасно меня торопил. Я хотела было воспользоваться случаем и послать также векселя, но подумала, что ничего нет более надежного и точного, чем почта; Пирлинг подтвердил это, передав мне, что почта всегда значительно надежнее и не подвержена тем изменениям, какие представляет путешествие частного лица.

Вчера состоялось отпевание бедного, дорогого Пушкина;¹ его смертные останки повезут в монастырь около их псковского

имения, где погребены все Ганнибалы: он хотел непременно лежать там же.² Государь вел себя по отношению к нему и ко всему его семейству, как ангел. После истории со своей первой дуэлью П.<ушкин> обещал государю больше не драться ни под каким предлогом,³ и теперь, когда он был смертельно ранен, он послал доброго Жуков.<ского> просить прощения у гос.<ударя> в том, что он не сдержал слова, и государь написал ему карандашом записку в таких выражениях: *«Если судьба нас уже более в сем мире не сведет, то прими мое последнее и совершенное прощение и последний совет: умереть христианином! Что касается до жены и детей твоих, ты можешь быть спокоен, я беру на себя устроить их судьбу».⁴ Когда В.<асилий> А.<ндреевич> Ж.<уковский> просил г.<осуда>ря во второй раз быть секретарем его для Пушкина, как он был для Карамзина, г.<осуда>рь призвал В.<асилия>. А.<ндреевича> и сказал ему: «Послушай, братец, я всё сделаю для П.<ушкина>, что могу, но писать как к Карам.<зину> не стану; П.<ушкина> мы насило заставили умереть, как христианина, а Карамз.<ин> жил и умер, как ангел».*⁵ Что может быть справедливее, тоньше, благороднее по мысли и по чувству, чем та своего рода ступень, которую он поставил между этими двумя лицами? Мне хотелось самой сообщить тебе все эти подробности, хотя я и боюсь, что не сумела сделать это так хорошо, как Софи, но сердце мое было ими переполнено.

Северин сказал мне, что в Бадене ты ему показался более худым, чем ты был в Швейцарии; поэтому прошу тебя заботиться о своем здоровье и тщательно сохранять свою полноту, на которую мне было бы любопытно посмотреть. Я уверена, что бурная парижская жизнь подорвет твои силы; у меня лишь одна надежда и утешение, что тихая жизнь в Риме и вообще в Италии успокоит тебя и даст тебе возможность физически окрепнуть. Дай бог, чтобы Италия была тебе полезна! Письмо твое я получила в воскресенье, в то время, когда все собрались к обеду; я бросила всех в гостиной, а сама, дабы насладиться чтением твоего дорогого письма, укрылась в спальней; лишь нетерпение моих изголодавшихся гостей помешало мне дочитать его до конца; но едва они ушли, я тотчас же наверстала упущенное, а с тех пор Софи читала мне его по крайней мере раз шесть. Я рада, что ты познакомился с интересными людьми, ведь именно этого тебе не доставало с тех пор, как ты в Париже; ведь только люди составляют интерес пребывания где-либо, а всё остальное — более или менее приятное дополнение. При сем прилагаю 3000 руб.; надеюсь, что ты был бережлив и денег на ветер не бросал. Думаю, что сейчас вы уже получили письмо с векселем для Киришб.<аума>, которое, верно, за-

терялось где-нибудь среди посольских бумаг. Прощай, мой добрый, дорогой друг, целую тебя с живейшей нежностью и прижимаю тебя к сердцу, посылая тебе свое благословение; бог с тобою! Ты хорошо делаешь, что ходишь к обедне; мне это всегда доставляет удовольствие.

С. Н. Карамзина

О да, мой милый Андрей, письмо твое интереснее, чем когда-либо, и, вообрази, чтобы прочесть его, мне пришлось ждать следующего дня, так много было у нас целый день в воскресенье народу, а вечером мы ходили на панихиду по нашему бедному Пушкине. Трогательно было видеть толпу, которая стремилась поклониться его телу. В этот день, говорят, там перебивало более двадцати тысяч человек: *чиновники*, офицеры, купцы, все в благоговейном молчании, с умилением, особенно отрядным для его друзей. Один из этих никому не известных людей сказал Россету: ⁶ *«Видите ли, Пушкин ошибался, когда думал, что потерял свою народность: она вся тут, но он ее искал не там, где сердца ему отвечали»*. Другой, старик, поразила Жуковского глубоким вниманием, с которым он долго смотрел на лицо Пушкина, уже сильно изменившееся, он даже сел напротив и просидел неподвижно четверть часа, а слезы текли у него по лицу, потом он встал и пошел к выходу; Жуковский послал за ним, чтобы узнать его имя. *«Зачем вам*, — ответил он, — Пушкин меня не знал, и я его не видал никогда, но мне грустно за славу России»*. И вообще это второе общество проявляет столько увлечения, столько сожаления, столько сочувствия, что душа Пушкина должна радоваться, если только хоть какой-нибудь отзвук земной жизни доходит туда, где он сейчас; среди молодежи этого второго общества подымается даже волна возмущения против его убийцы, раздаются угрозы и крики негодования; между тем в нашем обществе у Дантеса находится немало защитников, а у Пушкина — и это куда хуже и непонятней — немало злобных обвинителей. Их отнюдь не смягчили адские страдания, которые в течение трех месяцев терзали его пламенную душу, к несчастью, слишком чувствительную к обидам этого презренного света, и за которые он отомстил в конце концов лишь самому себе: умереть в тридцать семь лет, и с таким трогательным, с таким прекрасным спокойствием! Я рада, что Дантес совсем не пострадал и что, раз уже Пушкину суждено было стать жертвой, он стал жертвой единственной: ему выпала самая прекрасная роль, и те, кто осмеляются теперь на него нападать, сильно походят на палачей.⁷

В субботу вечером я видела несчастную Натали; не могу передать тебе, какое раздирающее душу впечатление она на меня произвела: настоящий призрак, и при этом взгляд ее блуждал, а выражение лица было столь невыразимо жалкое, что на нее невозможно было смотреть без сердечной боли. Она тотчас же меня спросила: «Вы видели лицо моего мужа сразу после смерти? У него было такое безмятежное выражение, лоб его был так спокоен, а улыбка такая добрая! — не правда ли, это было выражение счастья, удовлетворенности? *Он увидел, что там хорошо*». Потом она стала судорожно рыдать, вся содрогаясь при этом. *Бедное, жалкое творенье*! И как хороша даже в таком состоянии!

В понедельник, в день похорон, *т. е. отпевания*, собралась несметная толпа, желавшая на нем присутствовать, целые департаменты просили разрешения не работать, чтобы иметь возможность пойти помолиться, все члены Академии,⁸ художники, студенты университета, все русские актеры. *Конюшенная* церковь не велика, и туда впускали только тех, у кого были билеты, т. е. почти исключительно высшее общество и дипломатический корпус, явившийся в полном составе.⁹ (Один из дипломатов сказал даже: «Лишь здесь мы впервые узнали, что значил Пушкин для России. До этого мы встречали его, были с ним знакомы, но никто из нас — он обращался к одной даме — не сказал нам, что он — ваша народная гордость»). Вся площадь была запружена огромной толпой, которая устремилась в церковь, едва только кончилось богослужение и открыли двери; и ссорились, давили друг друга, чтобы нести гроб в подвал, где он должен был оставаться, пока его не повезут в деревню. Один очень хорошо одетый молодой человек умолял Пьера¹⁰ позволить ему хотя бы прикоснуться рукой к гробу, тогда Пьер уступил ему свое место, и тот со слезами его благодарил.

Как трогателен секундант Пушкина, его друг и лицейский товарищ полковник Данзас, прозванный в армии «храбрым Данзасом», сам раненный, с рукой на перевязи, с мокрым от слез лицом, он говорил о Пушкине с чисто женской нежностью, нисколько не думая об ожидающем его наказании, и благословлял государя за данное ему милостивое позволение не покидать друга в последние минуты его жизни и его несчастную жену в первые дни ее несказанного горя. Вот что сделал государь для семьи.¹¹ Он уплачивает все долги Пушкина, доходящие до 70 тысяч рублей;¹² он выкупает его убогое имение (впрочем, это всего лишь семьдесят душ в Псковской губернии:¹³ имение в двести душ, которым он владел в Нижегородской губернии,¹⁴ он отдал в пожизненное владение своей сестре Павлищевой и

жил, следовательно, в точном смысле слова, только своим пером!). Он назначил Натали пенсию в 5000 рублей и каждому из его четырех детей по 1500 рублей, оба сына записаны в Пажееский корпус; им дают еще сейчас же 10 тысяч рублей *единовременно* и на казенный счет в пользу детей будет выпущено полное собрание его сочинений,¹⁵ которое, верно, разойдется немедленно. Поверишь ли, что за эти три дня было продано четыре тысячи экземпляров маленького издания *«Онегина»*.

Вчера мы еще раз видели Натали, она уже была спокойнее и много говорила о муже. Через неделю она уезжает в калужское имение своего брата, где намерена провести два года.¹⁶ «Муж мой, — сказала она, — велел мне носить траур по нем два года (какая тонкость чувств! он и тут заботился о том, чтобы охранить ее от осуждений света), и я думаю, что лучше всего исполню его волю, если проведу эти два года совсем одна, в деревне. Моя сестра едет вместе со мной, и для меня это большое утешение». Потом мы заговорили об анонимных письмах, и я рассказала ей, что ты по этому поводу писал и о твоём бурном негодовании на их гнусного автора.¹⁷ Она грустно улыбнулась. «Андрей! как я узнаю его в этом. Передайте ему, Софи, мою благодарность и сердечный привет: добрый Андрей, как он будет огорчен!»

Теперь я расскажу об одной забавной мелочи среди всех горестей: Данзас просил разрешить ему сопровождать тело, но государь ответил, что это невозможно, потому что он должен быть отдан под суд (впрочем, говорят, это будет только для соблюдения формы), и назначил для того, чтобы отдать этот последний долг Пушкину, господину Тургенева как единственного из его друзей, который ничем не занят.¹⁸ Тургенев уезжает с телом сегодня вечером, он немного раздосадован этим и не может этого скрыть. Вяземский хотел тоже поехать, и я сказала Тургеневу: «Почему бы ему не поехать с вами?» — *«Помилуйте, со мною! — он не умер!»*

Прощай, дорогой Андрей, нежно тебя целую. Тысячу сердечных приветов Смирновым: Сашинька¹⁹ будет тоже очень опечалена!

Софи.

Постарайся повидать этого господина д'Аршиака: от него ты узнаешь все подробности поединка, на котором он вел себя очень достойно.

На обороте: Милостивому государю господину Андрею Карамзину в Париж, Шоссе д'Антен, улица Монблан, № 20. *В Париж*.

31. С. Н. и А. Н. Карамзины

10 (22) февраля 1837 г. Петербург

С. Н. Карамзина

Петербург, 10/22 февраля, среда.

Сегодня я хочу написать тебе всего несколько слов, мой дорогой Андрей, потому что не чувствую расположения для этого. Твое вчерашнее письмо тем более доставило нам удовольствие, что оно пришло после двух дней ожидания, а значит и беспокойства, особенно для маменьки! Оно пришло так вовремя, вместе с тостом за здоровье Лизы¹ и за твое, конечно. Катрин отпраздновала, поведя ее в русский театр. *Каратыгин* был великолепен в «Матильде или ревности»,² Лиза и Наденька были без ума от него. Николенька,³ которого тоже взяли в театр, сначала был в восторге, а под конец страшно боялся, что будут стрелять из пистолета; из пьесы он понял только, что люди там ссорятся, а история Пушкина, о которой он слышал так много разговоров (он слушает всегда с чрезвычайным вниманием и вдумчивостью), необыкновенно обострила его наблюдательность по части дуэлей: он предвидел поединок, и пришлось вести его до того, как стреляли. Мещерские хотели устроить для Лизы танцевальный вечер, но после этой страшной катастрофы они не имели духа это сделать.

Не могу тебе описать впечатление, какое произвела на меня гостиня Катрин в первое воскресенье, когда я вновь ее посетила, — опустевшую без этой семьи, всегда ее оживлявшей: мне казалось, что я вижу их и слышу громкий, серебристый смех Пушкина. Вот стихи, которые сочинил на его смерть некий господин *Лермантов*, гусарский офицер. Я нахожу их такими прекрасными, в них так много правды и чувства, что тебе надо знать их:⁴

*СМЕРТЬ ПОЭТА

Погиб поэт! — Невольник чести —
Пал оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и жаждой мести,
Поникнув гордой головой! ..
Не вынесла душа Поэта
Позора мелочных обид,
Восстал он против мнений света
Один, как прежде ... и убит! ..
— Убит! .. к чему теперь рыдания
Пустых похвал ненужный хор,
И жалкий лепет оправданья? ..
Судьбы свершился приговор! —
Не вы-ль сперва так злобно гнали
Его свободный, смелый дар,

И для потехи раздували
 Чуть^а затаившийся пожар?
 Что-ж? .. Веселитесь... он мучений
 Последних вынести не мог:
 Угас, как светоч, дивный гений,
 Увял торжественный венок! ..
 — Его убийца хладнокровно
 Навел удар... спасенья нет:
 Пустое сердце бьется ровно,
 В руке не дрогнул пистолет.
 И что за диво? .. из далека,
 Подобный сотням беглецов,
 На ловлю счастья и чинов
 Заброшен к нам по воле рока;
 Смеясь, он дерзко презирал
 Земли чужой язык и нравы;
 Не мог щадить он нашей Славы;
 Не мог понять — в сей миг кровавый, —
 На что он руку поднимал! ..
 И он убит — и взят могилой,
 Как тот певец неведомый, но милый,
 Добыча ревности глухой,
 Воспетый им с такою чудной силой,
 Сраженный, как и он, безжалостной рукой!
 Зачем от мирных нег и дружбы простодушной
 Вступил он в этот свет завистливый и душный?
 Для сердца вольного и пламенных страстей?
 Зачем он руку дал клеветникам ничтожным,
 Зачем поверил он словам и ласкам ложным,
 Он с юных лет постигнувший людей? ..
 И прежний сняв венок, они венец терновый
 Увитый лаврами надели на него,
 Но иглы тайные — сурово
 Язвили славное чело;
 Отравлены его последние мгновенья
 Коварным шопотом насмешливых невежд,
 И умер он с напрасной жадной мщенья;
 С досадой тайною обманутых надежд.
 Замолкли звуки чудных песен,
 Не раздаваться им опять:
 Приют певца угрюм и тесен
 И на устах его печать! —*

Прекрасно, не правда ли? Мещерский понес эти стихи Александрине Гончаровой, которая попросила их для сестры, жаждущей прочесть всё, что касается ее мужа, жаждущей говорить о нем, обвинять себя и плакать. На нее по-прежнему тяжело смотреть, но она стала спокойней и нет более безумного взгляда. К несчастью, она плохо спит и по ночам пронзительными криками зовет Пушкина: бедная, бедная жертва собственного легкомыслия и людской злобы! Дантеса будут судить в Конной гвардии;⁵ мне бы хотелось, чтобы ему не было при-

* Первоначально было: Едва.

чинено ничего дурного и чтобы Пушкин остался единственной жертвой.

Чтобы отвлечься от этой печальной темы, скажу тебе, что два дня назад мы были на бенефисе мадемуазель Бурбье, смотрели знаменитую «Марию» мадам Ансело: ⁶ это очень посредственно. Княгиня Одоевская очень тронута тем, что сходство напомнило тебе о ней. ⁷ Одоевский же трогателен своей чуткостью и скорбью о Пушкине — он плакал, как ребенок, и нет ничего трогательнее тех нескольких строк, которыми он известил о его смерти в своем журнале. ⁸ *Современник* будет продолжаться в этом году. ⁹ Добрый день, мой друг, со всей нежностью моего сердца обнимаю тебя и желаю счастливого прибытия в нашу дорогую Италию.

Софи.

А. Н. Карамзин

Тут довольно места, чтобы обнять тебя, мой добрый Андрей, поэтому и обнимаю тебя крепко, но недостаточно места для того, чтобы тебе что-либо сказать, поэтому я ничего тебе и не скажу. Удивляюсь, что ты до сих пор не получил моего письма, а я тебе готовлю еще одно, очень длинное. До свидания. *Обнимаю еще раз крепко, крепко*.

На обороте (рукою С. Н. Карамзиной): Милостивому государю господину Андрею Карамзину в Геную, в Италию. До востребования. *В Геную, в Италию*.

32. Е. А. и С. Н. Карамзины

16—17 февраля (28 февраля—1 марта) 1837 г. Петербург

Е. А. Карамзина

Вторник, 16 февраля 1837. Петербург.

Здравствуй, милый Андрюшка, какое счастье читать твои письма и во вторник и в воскресенье, два раза в неделю. Однако эта радость была лишь кажущейся, я купила ее ценою двух дней тревоги: я тебе заметила в моем последнем письме, что твое опоздало на два дня; не знаю, почта ли задержала его или ты отослал его с опозданием. Милый друг мой, ты совсем распустился с некоторых пор в своей корреспонденции. Твои письма имеют вид настоящих реляций — *никакого заглавия нет*. Ты как будто воображаешь, что посылаешь их для печати. Но всё равно, мой друг, какая бы ни была их форма, они производят всё то же впечатление: они доставляют мне неизъяснимое удовольствие и трогают меня до глубины души

твоей трудолюбивой точностью. Вместе с тем они приносят всегда немного беспокойства, когда думаешь, что эти письма, такие трогательные, нежные и во всех отношениях интересные, плод твоих бессонных ночей. Одно лишь меня утешает — мысль, что ты всё равно бодрствовал бы. Так что немного больше, немного меньше — всё равно, если бессонные ночи дают такое сладостное удовлетворение!

Что до меня, дорогой Андрей, я тоже — не прогневайся — выезжаю в свет по милости мадемуазель Софи, которая неожиданно повлекла меня на два спектакля. Вчера я была на балу у Уваровых,¹ сопровождая г-на Вольдемара, который был в парадной форме, так же как и прочие двадцать пять студентов; бал давался в честь принца Карла, и там была такая густая толпа, что зал, когда мы вошли, напомнил мне давку в церквах: нельзя было шагнуть ни вперед, ни назад. Полюбовавшись всеми и видя, что Вольдемэр достаточно вовлечен в танцы, так же как и Софи, я пожелала им много веселья и удалилась в час ночи. Завтра я везу Лизу к Хитровым, родителям вашего, т. е. того, который сейчас в Париже;² этот бал — для подростков. Таким образом, ты видишь, что я не лишена удовольствий. Признаюсь, у меня проходит мороз по коже, когда вспоминаю, что эти удовольствия ожидают меня через восемнадцать месяцев,³ если богу будет угодно. Бедный Александр всё еще в гадких казармах и вст пропускает второй бал у французского посла;⁴ сегодняшний бал, говорят, будет прекрасным — ожидается вся императорская фамилия и приглашены только избранные. Решено, что он будет просить увольнения от обязанностей адъютанта через несколько дней после окончания ареста; он сам тебе пишет из своего заключения, не знаю, будет ли готово его письмо завтра; если нет, он отправит его со следующей почтой — тебе, я думаю, будет даже приятнее получить после нашего.⁵ Вчера я ездила прощаться с бедной госпожой Пушкиной, она уезжает сегодня в деревню с братом,⁶ который приехал ее навестить и забирает ее к себе; сестра Александрина и тетушка м-ль Загрядская ее сопровождают.⁷ Да ниспошлет ей господь утешение.

С каким нетерпением жду я твоего письма, где ты успокоишь меня насчет этого кошмара — Киршбаума. Надеюсь, что ты выехал из Парижа, окончив дела и расчеты с ним. Т.<ургенев> в восторге от того, что доставил тебе знакомство со столькими интересными людьми;⁸ я тоже очень рада и очень ему благодарна. Ты говоришь мне вскользь о своем посещении салона иностранцев и не даешь мне никаких подробностей, ничего о произведенном на тебя впечатлении; рассказывай мне, мой друг, по-прежнему и о хорошем и о дурном: доверие — это

награда за бескорыстную любовь. Я огорчена, что ты так долго оставался в Париже, потому что у тебя не будет времени для обозрения Франции, а между тем ее провинции очень интересны, и Италия также; ведь прежде, чем приехать в Рим, ты проедешь по ней на почтовых! Но, в конце концов, ты сделаешь так, как найдешь нужным, лишь бы чувствовал себя хорошо морально и физически. Прощай, мой добрый и дорогой сын, нежно обнимаю тебя, прижимая к сердцу, которое с любовью благословляет тебя. Да хранит тебя милость господня и да царит в твоём сердце память об обожаемом отце твоём!

С. Н. Карамзина

Твое последнее письмо, мой дорогой Андрей, было еще на одну ступень прелестнее, чем прежние, и доставило нам несказанное удовольствие. Жуковский и Т. <ургенев> очарованы им, и первый всё твердил: *«Какой чистый, прекрасный, оригинальный слог! — иногда напоминает письма его отца, но еще как-то более зрелости, происходящей от хода времени. Умный малый Андрей!»* Надеюсь, что ты будешь польщен такой похвалой! Жуковский непременно хочет выбрать из твоих писем несколько отрывков, чтобы напечатать их в *Современнике*,⁹ который будут продолжать в этом году: что ты на это скажешь? Вяземский тоже слушал чтение твоего письма с большим интересом, и всякий раз, когда упоминалось имя госпожи Смирновой, твоего хлеба насущного, он смеялся своим добрым басистым смехом и повторял: *опять!* Он просит передать тебе, что ты ему напоминаешь некоего господина Титова,¹⁰ который после пребывания в Париже говорил: *«Там очень приятно: всякий вечер нас четверо русских собиралось на партию в вист»*. А впрочем, он тебе завидует и оттого пускается в колкости*. Вчера вечером, мой друг, я провожала Натали Пушкину, она тоже просила меня передать тебе, *что между ею и тобою вечная дружба*. Бедная женщина! Но вчера она подлила воды в мое вино — она уже не была достаточно печальной, слишком много занималась укладкой и не казалась особенно огорченной, прощаясь с Жуковским, Данзасом и Далем¹¹ — с тремя ангелами-хранителями, которые окружали смертный одр ее мужа и так много сделали, чтобы облегчить его последние минуты; она была рада, что уезжает, это естественно; но было бы естественным также выказать раздирающее душу волнение — и ничего подобного, даже меньше грусти, чем до тех пор! Нет, эта женщина не будет неутешной. Затем она сказала мне нечто невозможное, нечто такое, что, по моему мнению, является ключом всего ее поведения в этой истории, того легкомыслия, той непо-

следовательности, которые позволили ей поставить на карту прекрасную жизнь Пушкина, даже не против чувства, но против жалкого соблазна кокетства и тщеславия; она мне сказала: «Я совсем не жалею о Петербурге; меня огорчает только разлука с Карамзиными и Вяземскими, но что до самого Петербурга, балов, праздников — это мне безразлично». О! Я окаменела от удивления, я смотрела на нее большими глазами, мне казалось, что она сошла с ума, но ничуть не бывало: она просто *бестолковая*, как всегда! Бедный, бедный Пушкин! Она его никогда не понимала. Потеряв его по своей вине, она ужасно страдала несколько дней, но сейчас горячка прошла, остается только слабость и угнетенное состояние, *и то пройдет очень скоро*. Обе сестры увиделись, чтобы попрощаться, вероятно навсегда,¹² и тут, наконец, Катрин хоть немного поняла несчастье, которое она должна была бы чувствовать и на своей совести; она поплакала, но до этой минуты была спокойна, весела, смеялась и всем, кто бывал у нее, говорила только о своем счастье. Вот уж чурбан и дура! Суд над Дантесом еще не окончен, говорят, что он будет разжалован, а затем выслан из России.¹³ Геккерн укладывается к отъезду и сам распродает всю свою мебель, фарфор и серебро в своем кабинете, куда является весь город, чтобы их покупать, одни чтобы посмеяться, другие из дружбы.¹⁴ Прощай, мой дорогой Андрей, меня торопят с почтой. Обнимаю и нежно люблю тебя.

Софи.

Тысяча сердечных приветов любезному и доброму Кривцову.

На обороте: Милостивому государю господину Андрею Карамзину в Рим. Вверяется любезному попечению русского посольства. *В Рим, в Италию*.

33. А. Н. Карамзин

14—24 февраля (26 февраля—8 марта) 1837 г. Петербург

*Полночь 14 февраля 1837. С. Петербург. Дежурная комната.

Ты видишь, милый брате, что несмотря на все мои усилия, *la date de mes lettres ne varie pas.*^a Я опять под арестом. *Cela commence à devenir ridicule comme les arrêts de Solohub.*⁶¹ Надобно тебе рассказать все мои служебные горести и заботы: Ганиченко² болен уже давно и в пылу какого-то припадка горячки

^a помета на моих письмах не меняется.

⁶ Это становится смешным, как аресты Соллоуба.

написал на меня свинский приказ за какую-то ошибку писарскую в какой-то ведомости и приговорил на 7-дневный арест. Я взбесился и поехал к Аркадию сообщить ему, что подаю рапорт в полевую артиллерию. Аркадий укротил мою злобу, и я написал Ганичеву письмо самое умеренное (ибо он по болезни меня не принимал), в котором просил уничтожить приказ как оскорбительный для меня. Он не отвечал, но приказа не подписал. Однако же я решился после этого проситься во фронт. Прошла неделя, и мне сказали, что Сумароков хочет назначить адъютантом Хрулева. Это меня укрепило в моем решении, и на другой же день я сказал Ганичеву, что хочу проситься во фронт. Он смутился, отвечал, что Хрулев никогда не будет адъютантом, уговаривал остаться, а *fait le bonhomme comme toujours*,^в и я, видя его болезненную слабость и раздражение, не хотел напирать и перестал проситься во фронт. Каково же было мое удивление, когда на другой день мне показали вышепомянутый приказ, им подписанный. Такая высокая степень наглости меня изумила даже в Ганичеве. Посуди, что мне теперь стоит из ареста к нему ездить каждый день и видеть его нагло несмущенную рожу и ни слова не говорить о моем негодовании и презрении к нему. Что же делать? С этими людьми надобно поступать осторожно: по советам Аркадия я холодно дожидаясь кончины моего ареста и еще пропущу несколько дней, чтобы проситься решительно перевода во фронт; а если бы я сейчас стал проситься, то, верно, малорос представил бы это сущим бунтом Сумарокову и они бы меня не выпустили или оставили еще каким-нибудь приказом, каких только умеют писать у нас в счастливой гвардейской артиллерии. *J'ai maigri ces jours-ci à force de bile et de dégoût.*^г

Вот, брате, почему твой брат забыл свои восторги вдохновенные, свои мечты игривые и спокойные, с которыми прежде он шел так беспечно по житейской дороге, не замечая проезжих и насвистывая и напевая в час веселый застольную песнь, а в час юной грусти заунывную элегию. Но он попал куда-то не в доброе место, или карета проехала по беспечному ходуку, или разбойники на него напали, но только знаю, что песнь его замолкла и в сердце залегло не юная грусть, а мертвое уныние. Ты не можешь вообразить, как я в короткое время твоего отсутствия постарел душою и как-то иссохнул нравственно до того, что сам себя не узнаю. К тому же и тебя нет, и вдвое мне больнее. Будь проклят тот день, где я встал беззаботный и принял адъютантство, не зная и несмотря даже, что я беру, и

^в представлялся добряком, как всегда.

^г Я похудел за эти дни от желчи и отвращения.

в тот же вечер я лег с заботой на челе и непонятной тоской в сердце. Было ли то предчувствие или начало зла? Благодарю я тот день, где покину опять эту должность и обменяю тупых писарей на усастых воинов и пыльные бумаги на быстролетные орудия. Где перестану всякий день видеть Ганичева и полную струей пить из отравленного сосуда забот и скуки. Добрый брате, обними меня хотя издали, ободрь братским желанием мой упавший дух. *Ja sais que tout cela est petit et lâche, mais je t'ai déjà dit que je ne suis pas créé pour résister aux ennuis de la vie.*^а Излил я свою желчь, прости мне; вся эта пакость тебя верно огорчит, но что же делать? Ты на то и брат мне, чтобы разделить со мной горькие чаши вдали и вблизи. На нынешний раз обнимаю тебя и не продолжаю письма: оно было бы скучно. По крайней мере ты веселись за двоих и радуй меня своей радостью, как я огорчаю тебя своей горестию.

16 февраля, полночь.

Шумно веселится теперь молодежь у французского посла на бале, а я сижу одинокий в своей дежурной комнате под долгим арестом. Так и вчера веселилась шумно молодежь в ту же пору на бале Уваровых; так и вчера сидел я под арестом, одинокий узник. Черт возьми далече шумящую молодежь и ее шумящие забавы! Не о них жалею. Среди их никто не заметил, что не достает одинокого узника, никто среди их не вспомнил о нем, и он бы не вспомнил о них, если бы не взялся писать к брату и не подумал про себя: напишу ему, что нынче бал. Не о них жалею, нет! жалею о том, что, сидя один, мне скучно, мне душно; чело горит — и ни одной мысли нет в голове! ни одного чувства в сердце! Так ли встарь бывало? — Темная ночь лежит на дворе, кругом глубокая пустыня; чу! сани проехали и снег захрустел — опять всё молчит; перекликнулся далекий часовой; Поликарпов дежурный и так храпит, что держись! Уныло, глубоко уныло в душе — и ужели ни искры вдохновения, ни тени юной мысли? Знаешь, брате, как захочу подняться мыслей, как захочу подышать повыше, как хочу взвиться на воздух эфирный, где прежде так часто летал, где так мощно прежде парило воображение, не могу, кажется, будто бы крылья обрезали; помню, что легко подняться я не могу, а здесь так душно, так душно, будто бы над плитой, на которой варятся щи или каша, или другое какое кушанье, или просто воду кипятят.

^а Знаю, что все это мелко и подло, но я уже говорил тебе, что я не создан, чтобы преодолевать трудности жизни.

Вот последняя ночь, что провожу я в этой тухлой дежурной комнате. Сколько скуки навиделась эта дежурная комната! Как ей должно это быть обидно: никто в ней не провел полчаса, чтобы не жаловаться на скуку; бедная дежурная комната! — Завтра вечером покидаю ее и выходя стяхну прах с ног моих и предам ее анафеме. Потом поеду домой, оденусь и прямо на бал графа и графини Бронницких,³ которые открывают в первый раз свой дом для публики и задают, говорят, такой праздник, что ухти! вот какой! Сегодня, или — благороднее сказать — нынче, день рождения нашего Аркадия; он у нас обедал, и мне на ужин прислали шампанского (т. е. бранные остатки от обеда, не то так было бы бррррр!..). Выпью за его здоровье от всего сердца, чокнем, брате! Вечером был у меня Валуев, и мы с ним дулись в шахматы по обыкновению. Вообще вся жизнь моя проходит теперь следующим образом: служба, собачий умор, шахмат, проклинание и брани, обед, шахмат, гадость и сон. И один день, как другой, без малейшей перемены. То-то жизнь! А говорят, что жить легко! Ведь надобно же родиться под собачьей звездой, чтобы не найти себе ни единого интереса в жизни! Хоть крапивой секи! Ведь после этого... это, это... нет, это... да это черт знает что! После этого, что же это вышло? Ведь после этого, извольте видеть, а можно сказать, что вышло, что не вышло. (Фраза любимая к. <князя> Пет. Ив. Мещерского). Вчера выехала из Петербурга Н. Н. Пушкина. Я третьего дня ее видел и с ней прощался. Бледная, худая, с потухшим взором, в черном платье, она казалась тению чего-то прекрасного. Бедная!! На смерть Пушкина я читал два рукописные стихотворения: одно какого-то лицейского воспитанника, весьма порядочное;⁴ другое, гусара Лерментова, по-моему прекрасное. Кроме окончания, которое кажется и не его.⁵ Вообще публика наша приняла с таким энтузиазмом участие в смерти своего великого поэта, какого никак я от нее не ожидал. Quant à la haute société,⁶ эта заплеснутая пенка публики, она слишком достойна глубокого презрения, чтобы обратитъ внимание на ее толки pro et contra,^ж которые, если это возможно, бессмысленнее ее самой. Как ни ругай публику, proprement dit, c'est pourtant ce qu'il y a de mieux. Il est entièrement faux de dire, comme on le dit, que nos écrivains n'ont pas de public, c'est bien plutôt notre public qui souffre du manque

^е Что касается высшего общества.

^ж за и против (лат.).

d'écrivains.³ Не мудрено, что им нравится какая-нибудь чучела Брамбеус⁶ на голодный зуб. Желали бы лучше, да нет.

19 февраля, полдень.

Не туман ли то холодный рассеялся и открыл зеленые луга и цветущие дубравы? не туча ли то черная прошла и не синее ли небо прояснилось? не ночь ли то рассеялась грозная? не ясное ли солнушко взошло над горою? не филин ли то умолк зловещий? не утренние ли пички запели песню веселую? — Нет! То юнша отложил заботу, и чело его засияло веселою думой! Пошел рапорт от Ганиченки. Еще немного терпения — и я более не адъютант! Вчера утром было наше объяснение, и так как Сумароков также желал, чтобы был вместо меня назначен настоящий адъютант, то Ганиченко согласился. Меня переводят во фронт в батарейную батарею,⁷ но малорос обещается эту зиму и будущую нас обоих прикомандировать в Петербурге. Хотя я не имею большой доверенности в его обещаниях и рискую Ладогу, но так счастлив, что отложил адъютантство, что ни о чем другом не думаю. На мое место назначен Соловцев. Слава тебе господи. По началу письма моего ты видишь, как я был настроен, и по этому самому понимаешь, как необходимо мне было *avant tout* "оставить окаянную должность. Теперь, брате, радуйся, ибо моя радость велика. Вчера вечером был я на бале у Бронницких и против обыкновения всё танцевал — до того, что устал как собака и вспотел как крыса; а что еще более против всех моих привычек, мне было весело: * великолепный зал, большой, чертовски хорошо освещенный, тьма народа, так что невозможно ни двигаться, ни танцевать. Лакеи вдоль всей лестницы, все в жилетах из золототканого сукна, в лиловых бархатных ливреях, а иные в белых суконных. Это было замечательно. Одно лишь мне очень не понравилось и вселило грусть в мою душу. Маленькие столики для ужина были плохо сервированы и вина на них были дурны! Непростительная небрежность! Дом с плохой сервировкой! Вечер почти что неудавшийся! Да к тому же всё это на их первом балу. Я вернулся с сокрушенным сердцем, полный благородного негодования. Но, что до всего прочего, всё было великолепно: стол, за которым ужинал двор, был накрыт сервизом из золота, превосходный креман лился там ручьями. . . Всё это были удары ножом для меня, который с большим трудом раздобыл себе что-то вроде

³ в сущности говоря, все же это лучшее, что у нас есть. Совершенно ошибочно говорить, как у нас говорят, что у наших писателей нет публики; скорее наша публика страдает от недостатка писателей.

⁴ прежде всего.

котлеты, едва съедобной, и какое-то донское вино, совершенно невозможное для питья. Да простит им бог! Но общее впечатление от праздника тем не менее было так прекрасно, что, как я тебе уже сообщал, я повеселился! Ты знаешь, что это веское доказательство. В будущий четверг нам обещают у Юсуповых⁸ что-то еще более прекрасное. Завтра еду к Либерману, прусскому послу. Видишь, мы не тратим времени зря! Еще одна такая неделя, а потом пост, добрый пост со своим добрым отдыхом и дурной постной пищей. Впрочем, благодаря беспрестанным арестам, распределенным умненько по три дня один от другого, я не уставал всё это время. Кстати, должен тебе сказать, что намерен на балу в уделах, в ту минуту, когда после тура мазурки я отводил на место даму, танцевавшую с великим князем наследником,⁹ последний заговорил со мной и, задав несколько вопросов о твоём путешествии, о возвращении и о твоём здоровье, сказал мне: *«Когда ты будешь ему писать, то от меня очень кланяйся»*. Решительно кажется, что ты близкий друг всех русских великих князей!

*24 февраля, полдень.

Я хотел еще с прошедшей почтой отправить письмо мое, но поелику я глуп до крайности и провожу всю жизнь, ковыряя пальцем в носу, то и прозевал почтовый день. Впрочем, оно, конечно, ничего в сравнении с вечностью. Ты не можешь себе представить, до какой степени я веселюсь эту масленицу (кстати, поздравляю тебя с масленицей): во-первых, я ем ужасное число блинов, что воистину весело; во-вторых, у меня ужасные мозоли по всем ногам от окаянных балов, которые всякий божий вечер заставляют меня кружиться, бегать, топтать... чтоб их черт драг: жизни не рад! вот уже 3 дня, что я каждый день пляшу, а еще буду плясать нынче, завтра и послезавтра, et tout cela des bals pour la cour qui commencent à 8 heures, où l'on ne s'assied pas de toute la soirée et où l'on est pour la plupart du temps en culottes courtes et souliers.* Aussi* я совершенно разбит на все 4 ноги. А еще 3 вечера!!! sacramento recutro tchortol* Вчера получили мы твое гриппное письмоцо. Бедный Ондра! напрасно сглазился, говоря, что les Russes n'y sont pas sujets.^н Впрочем, это для тебя всё старое горе: теперь ты под южным небом, глядя на волшебный эфир, на волшебные земли, улыбаешься, вспоминая о прошедшем недуге холодного Парижа. Хотел бы

* и всё это — балы в честь двора, начинающиеся в восемь часов, где не садятся в продолжение всего вечера и где нужно быть почти всегда в коротких штанах и в башмаках.

^а Поэтому-то.

^н Сакроменторекутрочорто — шуточное проклятие без точного смысла.

^н русские ему не подвержены.

я влезть вместе с письмом моим в пакет и лететь в эти страны счастливые, взглянул бы только, только один раз, дохнул бы только, я бы уж ожил, потом хоть опять с первым письмом в пакет да и опять «к брегам печальным туманной родины моей!»¹⁰ Но нет!.. А ты, брате, гуляй там, дыши, дыши крепче отрадным воздухом, гляди на это небо... и тогда думай обо мне: мы встретимся мыслей. Скажи этой земле, что я думаю о ней, что она во снах моих является, как прелестная любовница, и зажигает всю кровь в жилах и я просыпаюсь с тоскою душевной, как после томных сновидений. *Voilà mes amours à moi!*^o Далече вы, девы севера! Вашей безумной, бесчувственной улыбке не зажечь омертвелого сердца! Не блеск ваших прозрачных очей ему нужен, ему нужен блеск лучемерный полдневного солнца! — Но я, пожалуй, и эту почту прогуляю. Обнимаю тебя крепко, крепко, как подобает доброму твоему брату.

А. К.

Тебе кланяется куча народа, в том числе Юрка¹¹ *ici présent.** Аркадий тебя обнимает. До свидания!*

На обороте: A Monsieur Monsieur André de Karamzine à Rome, en Italie. Recommandée aux soins obligeants de Mr de Krivtsoff, légation de Russie^p. *В Рим, в Италию*.

34. Е. А. и С. Н. Карамзины

3 (15) марта 1837 г. Петербург

Е. А. Карамзина

Среда, 3 марта 1837. С.-Петербург.

Здравствуй, мой дорогой и добрый друг, понапрасну прождав твое письмо в воскресенье, я уже смирилась с тем, что получу его лишь во вторник, но я оказалась более счастливой, мне доставили его в понедельник. Я ждала его с особым нетерпением, потому что надеялась узнать из него о совершенном твоём выздоровлении, а на этот счет у меня оставались некоторые сомнения, некоторые опасения, неотступно, вопреки моей воле, преследующие меня при малейшем беспокойстве. Твое милое письмо, особенно первая его часть, совершенно успокоило меня своим живым и веселым тоном и тем, что о здоровье в нем вовсе не говорится. Но другая его половина сильно опе-

^o Вот они — мои увлечения.

^p здесь присутствующий.

^p Милостивому государю господину Андрею Карамзину в Рим, в Италию. Вверяется любезному попечению господина Кривцова в русском посольстве.

чалаила меня за тебя, я чувствовала то же, что чувствует и твое сердце; читая его, я плакала так же, как ты плакал, когда его писал. Я не сомневалась, что, узнав о трагической гибели Пушкина, ты будешь поражен до глубины сердца.¹ Ты справедливо подумал, что я не оставляю госпожу Пушкину своими попечениями, я бывала у нее почти ежедневно, и первые дни — с чувством глубокого сострадания к этому великому горю, но потом, увы! с убеждением, что если сейчас она и убита горем, то это не будет ни длительно, ни глубоко. Больно сказать, но это правда: великому и доброму Пушкину следовало иметь жену, способную лучше понять его и более подходящую к его уровню.² Пусть их рассудит бог, но эта катастрофа ужасна и до сих пор темна; он внес в нее свою долю непостижимого безумия. Сейчас она в деревне у одного из своих братьев, проездом она была в Москве, где после смерти жены поселился несчастный старец, отец ее мужа.³ Так вот, она проехала, не подав ему никаких признаков жизни, не осведомившись о нем, не послав к нему детей, утверждая, что самый вид ее может произвести на него слишком тягостное впечатление; пусть так, но следовало по крайней мере узнать его волю. Несчастный старец ужасно огорчен, тем более, что он объясняет это небрежностью и отсутствием всякого к нему чувства; согласишься, что подобное поведение обнаруживает и недостаток сердечности и недостаток ума; она должна была припасть к стопам Пушкина-отца, чтобы облегчить свое сердце и совесть и чтобы сблизиться со всем, что принадлежало ему, а особенно с отцом его, который его обожал всем своим существом.⁴ Бедный, бедный Пушкин, жертва легкомыслия, неосторожности, опрометчивого поведения своей молодой красавицы-жены, которая, сама того не подозревая, поставила на карту его жизнь против нескольких часов кокетства. Не думай, что я преувеличиваю, ее я не виню, ведь нельзя же винить детей, когда они причиняют зло по неведению и необдуманности. Что касается до предложения господина Соболевского, то доброты и щедрости государя его предупредили, он повелел издать за свой счет полное собрание сочинений дорогого Пушкина и распродать это издание по подписке в пользу его сирот.

Не могу сказать, как мне не терпится поскорее узнать, что этому кошмарному Киршбауму уже вручены его деньги и он, наконец, убрался и что ты тоже получил свои деньги и теперь можешь, как ты говоришь, расправить крылья и полететь к прекрасным небесам Италии, где, надеюсь, развлечения не помешают более серьезным и последовательным занятиям. Твой благодетель *Александр Иван.<ович>*⁵ очень тебе советует познакомиться с одним прусским министром, который сейчас в Риме,⁶ говоря, что это человек весьма достойный и нрав-

ственный; имя его я забыла, но попрошу его <Тургенева> рекомендовать тебя ему и его семейству, ибо, по его мнению, все они превосходные люди, главное же, не обращай внимания на пересуды о них в нашем посольстве, где их не жалуют.

Чувствуем мы себя все, славу богу, отлично, вот уже третий день, как постимся; увлекшись письмом к тебе, я сегодня, в среду, пропустила *прежде освященную* обедню, мне это было очень досадно, я совсем забыла, что пост уже наступил. Однако же на масленице и я имела свою долю удовольствий: я была на балу в *концертной*, на празднике, устроенном в. <еликой> княгиней⁷ впервые за мою жизнь, а в субботу сопровождала Лизу на вечер подростков к Уваровым; в промежутке благодаря Софи я провела день в театре; ты, конечно, подумаешь, что и она приняла в этом участие, отнюдь нет; но она с такой горячностью меня убеждала, что мне пришлось утром отправиться смотреть мадемуазель Бурбье в «Безумной»,⁸ а вечером *Каратыгина* в Альмавиве,⁹ куда она повлекла меня по убеждению; утром я не раскаивалась, но зато вечером мне было очень досадно, что я ее послушалась; это было скверно, да и как-то стыдно находиться среди людей, где не было ни одного лица, напоминающего даже о случайной встрече; а ведь во всем нужно ощущать сочувствие. Я уже наняла на лето дом в Царском Селе. Дай-то бог, чтобы мы счастливо провели это лето; я в этом еще и потому очень заинтересована, что Катрин тоже приедет туда ко времени своих родов. Да охранит ее бог и да сделает он это событие еще одной радостью для нас!

Прощай, мой горячо любимый сын, бывают мгновенья, и очень часто, когда мне так хотелось бы взять тебя за твои большие уши и расцеловать со всею материнскою нежностью, на какую только способно мое сердце. А в ожидании этого возможного мгновенья довольствуюсь тем, что благословляю тебя, призываю на тебя благословение неба и прижимаю к своему сердцу.

С. Н. Карамзина

Я была очень рада, мой дорогой Андрей, узнать о совершенном твоём выздоровлении, я посочувствовала тому, что тебя одолевали неприятности, и от всей души смеялась сделанному тобой забавному описанию твоей наружности. Что же касается до моих упреков в том, что ты довольствуешься обыденным и не ищешь знакомств с современными знаменитостями, то я их беру назад и прошу у тебя прощения — тем более охотно, что ты в большой мере отделался в моих глазах от этого недостатка с тех пор, как столь усердно посещаешь мадам Рекамье. Вчера

мы с маменькой прочли несколько страниц о ней и ее друзьях в статье Ж. Жанена,¹⁰ и не могу не сказать тебе, с каким удовольствием я думала о том, что и ты наслаждался обществом этих людей. Но скажи, почему ты не отыскал в Париже господина Леона де Лаборда: не стану скрывать, что Катрин досаждает на тебя за это невнимание, тем более, что и сам ты извлек бы из этого пользу.

Как я была тронута, читая в твоём письме такие печальные и такие верные строки о нашем славном и дорогом Пушкине! Ты прав, жалеть о нём не нужно, он умер прекрасной и поэтической смертью, светило угасло во всем своём блеске, и небо позволило ещё, чтобы в течение этих двух дней агонии, когда оно взирало на землю в последний раз, оно заблестало особенно ярким, необычайно чистым небесным светом — светом, который его душа, без сомнения, узрела в последнее мгновение, ибо (мне кажется, я тебе уже это говорила) после смерти на лице его было такое ясное, такое благостное, такое восторженное выражение, какого никогда ещё не бывало на человеческом лице! *«Великая, радостно угаданная мысль»*, — сказал Жуковский.¹¹ И в самом деле, о чем здешнем мог он сожалеть? Ведь даже горесть, которую он оставлял своей жене, и этот ужас отчаяния, под бременем которого, казалось бы, она должна была пасть, умереть или сойти с ума, всё это оказалось столь незначительным, столь преходящим и теперь уже совершенно утихло! — а он-то знал её, он знал, что это Ундина, в которую ещё не вдохнули душу.¹² Боже, прости ей, она не ведала, что творит; ты же, милый Андрей, успокойся за неё: ещё много счастья и много радостей, ей доступных, ждут её на земле!

Поговорим о другом, а для разнообразия — о масленице: я приняла в ней сильное участие на четырёх балах, очень красивых и оживлённых. Тот, который в «елик» княгиня Елена дала в Концертном зале, был очарователен, от устланной красным сукном и украшенной цветами и апельсинными деревьями лестницы, вдоль которой стояли инвалиды, и прекрасного военного оркестра до ярко освещённой бальной залы, прелестной комнаты с беломраморными колоннами и банкетками красного бархата, наполненной нарядной толпой, танцевавшей без особой тесноты; мне было там очень весело, тем более, что я имела удовольствие танцевать мазурку с молодым человеком, которого нахожу замечательно приятным и остроумным, с господином Опочининым, конногвардейцем. Я не знаю другого русского офицера (за исключением того, к кому сейчас обращаюсь), который бы соединял в себе столько природного ума с такой общей просвещённостью, такую начитанность с лёгкостью в разговоре и с полным безразличием ко всему окружающему, так

что на балу он разговаривает, словно в нашей маленькой гостиной, без той рассеянности и какой-то озабоченности, которые делают наших кавалеров такими несносными, особенно на балах, где присутствует двор. Впрочем, у нас было превосходное место, позади всех, опершись о колонну, что облегчало обязанность быть всё время стоя. Северин рассказал маменьке, будто я самым скандальным образом болтала с каким-то кавалергардом, и он, находясь в двух шагах от меня, не мог даже ко мне обратиться, потому что мы были увлечены потоком разговора, и маменька начала было мне серьезно выговаривать. К сожалению, в Петербурге редко можно заслужить подобный упрек. Мы часто видим Северина, который вернулся к прежним своим привычкам — тщеславию и непрестанному самохвальству: они заставляют меня краснеть, ибо я люблю его при всех его недостатках, а Катрин — приводят в ярость.

В четверг графиня Фикельмон давала бал в честь двора, и там я завершила масленицу шестью контрдансами, двумя вальсами и мазуркой, очень полезной, так как с моим кавалером, гусарским офицером князем Абамелеком, я договорилась о найме его дома в Царском Селе, напротив Александровского сада; при доме галерея, теплица, несколько плодовых деревьев и много цветов, и всё это — за две тысячи рублей. В пятницу князь Юсупов открыл свой прекрасный дом пышным праздником в честь двора. Александр там очень веселился, и лишь слишком явное внимание к нему графини Натали Строгановой раздражало его и ему надоедало. Она — это для всех весьма очевидно — очень ухаживает за ним, а из-за него — и за всем нашим семейством: для всех этих балов она снабжала маменьку великолепными букетами цветов, которые и сейчас еще благоухают на столах в гостиной. В субботу тетушка Вяземская уговорила меня отправиться с ней в маскарад, в собрание; под моим домино на меня вдруг нашло какое-то оцепенение; пытаюсь его преодолеть, я смогла лишь сказать несколько глупостей немногим знакомым, делая вид, что их интригую, ибо меня тотчас же узнавали. Я восхищалась смелостью всех тех дам, которые подолгу беседовали с государем: во всех углах можно было его видеть, преследуемого домино, его это очень забавляет; для тех, кто наделен малейшей смелостью и остроумием, должно быть очень пикантно его интриговать. В воскресенье Александр был в Аничковом на танцевальном завтраке с часу пополудни до часу пополуночи. Он вернулся пошатываясь, словно пьяный, и вынес оттуда лишь одно впечатление — впечатление усталости, доходящей до безумия: вот у кого нет ни капли тщеславия. Прощай, друг мой, прижимаю тебя к нежно любящему сердцу.

Софи.

Великая княгиня Елена сказала мне, что «великий князь весьма тобою доволен и что ты ему очень нравишься».

На обороте: Милостивому государю господину Андрею Карамзину в Рим, в Италию. Вверяется любезному попечению господина Кривцова в русском посольстве. *В Рим, в Италию*.

35. А. Н. Карамзин

13 (25) марта 1837 г. Петербург

*С. Петербург, 13 марта 1837 г.

Здравствуй, брате, что делаешь? здоров ли? весел ли? Я очень был доволен твоими письмами, где ты так хорошо пишешь о деле Пушкина. Ты спрашиваешь, почему мы тебе ничего не пишем о Дантесе или, лучше, о Эккерне.¹ Начинаю с того, что советую не протягивать ему руки с такою благородною доверенностью: теперь я знаю его, к несчастью*, по собственному опыту. Дантес был пустым мальчишкой, когда приехал сюда, забавный тем, что отсутствие образования сочеталось в нем с природным умом, а в общем — совершенным ничтожеством как в нравственном, так и в умственном отношении. Если бы он таким и оставался, он был бы добрым малым, и больше ничего; я бы не краснел, как краснею теперь, оттого, что был с ним в дружбе, — но его усыновил Геккерн, по причинам, до сих пор еще совершенно неизвестным обществу (которое мстит за это, строя предположения). Геккерн, будучи умным человеком и тончайшим развратником, какие только бывали под солнцем, без труда овладел совершенно умом и душой Дантеса, у которого первого было много меньше, нежели у Геккерна, а второй не было, может быть, и вовсе. Эти два человека, не знаю, с какими дьявольскими намерениями, стали преследовать госпожу Пушкину с таким упорством и настойчивостью, что, пользуясь недалекостью ума этой женщины и ужасной глупостью ее сестры Екатерины, в один год достигли того, что почти свели ее с ума и повредили ее репутации во всеобщем мнении. Дантес в то время был болен грудью и худел на глазах. Старик Геккерн сказал госпоже Пушкиной, что он умирает из-за нее, заклинал ее спасти его сына, потом стал грозить мстью; два дня спустя появились анонимные письма. (Если Геккерн — автор этих писем, то это с его стороны была бы жестокая и непонятная нелепость, тем не менее люди, которые должны об этом кое-что знать, говорят, что теперь почти доказано, что это именно он!). За этим последовала исповедь госпожи П. «ушкиной» своему мужу, вызов, а затем женитьба Геккерна; та, которая так долго

играла роль посредницы, стала, в свою очередь, возлюбленной, а затем и супругой. Конечно, она от этого выиграла, потому-то она — единственная, кто торжествует до сего времени и так поглупела от счастья, что, погубив репутацию, а может быть, и душу своей сестры, госпожи П.<ушкиной>, и вызвав смерть ее мужа, она в день отъезда этой последней послала сказать ей, что готова забыть прошлое и всё ей простить!!! Пушкин также торжествовал одно мгновение, — ему показалось, что он залил грязью своего врага и заставил его сыграть роль труса. Но Пушкин, полный ненависти к этому врагу и так давно уже преисполненный чувством омерзения, не сумел и даже не попытался взять себя в руки! Он сделал весь город и полные народа гостиницы поверенными своего гнева и своей ненависти, он не сумел воспользоваться своим выгодным положением, он стал почти смешон, и так как он не раскрывал всех причин подобного гнева, то все мы говорили: да чего же он хочет? да ведь он сошел с ума! он разыгрывает удалца! А Дантес, руководимый советами своего старого неизвестно кого, тем временем вел себя с совершеннейшим тактом и, главное, старался привлечь на свою сторону друзей Пушкина. Нашему семейству он больше, чем когда-либо, заявлял о своей дружбе, передо мной прикидывался откровенным, делал мне ложные признания, разыгрывал честью, благородством души и так постарался, что я поверил его преданности госпоже П.<ушкиной>, его любви к Екатерине Г.<ончаровой>, всему тому, одним словом, что было наиболее нелепым, а не тому, что было в действительности. У меня как будто голова закружилась, я был заморожен, но, как бы там ни было, я за это жестоко наказан угрызениями совести, которые до сих пор вкрадываются в мое сердце по много раз в день и которые я тщетно стараюсь удалить. Без сомнения, Пушкин должен был страдать, когда при нем я дружески жал руку Дантесу, значит, я тоже помогал разрывать его благородное сердце, которое так страдало, когда он видел, что враг его встал совсем чистым из грязи, куда он его бросил. Тот гений, что составлял славу своего отечества, тот, чей слух так привык к рукоплесканиям, был оскорблен чужеземным авантюристом, приемным сыном еврея, желавшим замарать его честь; и когда он, в негодовании, накладывал на лоб этого врага печать бесчестия, его собственные сограждане становились на защиту авантюриста и поносили великого поэта. Не сограждане его так поносили, то была бесчестная кучка, но поэт в своем негодовании не сумел отличить выкриков этой кучки от великого голоса общества, к которому он бывал так чуток. Он страдал ужасно, он жаждал крови, но богу угодно было, на наше несчастье, чтобы именно его кровь обагрила землю. Только после его смерти

я узнал правду о поведении Дантеса и с тех пор больше не виделся с ним. Может быть, я говорил о нем с тобой слишком резко и с предубеждением, может быть, причиной этого предубеждения было то, что до тех пор я к нему слишком хорошо относился, но верно одно — что он меня обманул красивыми словами и заставил меня видеть самоотвержение, высокие чувства там, где была лишь гнусная интрига; верно также и то, что он продолжал и после своей женитьбы ухаживать за госпожой Пушкиной, чему долго я не хотел верить, но, наконец, сдался перед явными доказательствами, которые получил позднее. Всего этого достаточно, брат, для того, чтоб сказать, что ты не должен подавать руку убийце Пушкина.

*Суд его еще не кончен. — После смерти Пушкина Жуковский принял, по воле государя, все его бумаги.² Говорили, что Пушкин умер уже давно для поэзии. Однако же нашлись у него многие поэмы и мелкие стихотворения.³ Я читал некоторые, прекрасные донельзя. Вообще в его поэзии сделалась большая перемена, прежде главные достоинства его были удивительная легкость, воображение, роскошь выражений et une grâce infinie jointe à beaucoup de sentiment et de chaleur;⁴ в последних же произведениях его поражает особенно могучая зрелость таланта; сила выражений и обилие великих, глубоких мыслей, высказанных с прекрасной, свойственной ему простотою; читая их, поневоле дрожь пробегает и на каждом стихе задумываешься и чувствуешь гения. В целой поэме не встречается ни одного лишнего, малоговорящего стиха!!! Плачь, мое бедное отечество! Не скоро родишь ты такого сына! На рождении Пушкина ты истощилась! — Но оставим, брате, могилу великого усопшего и воротимся к живой простолоудине. Я не рассказал тебе еще как окончил масленицу. Вообрази, что всякий день я плясал с 8 часов вечера (c'étaient tous des bals pour la cour⁵) до 2 часов ночи, а в последнее воскресенье в Аничкове от 1 часа пополудни до 1¹/₂ часа ночи без малейшего отдыха. При сем случае я сказал в виде остроты, что я не только умер от усталости, но что уже от меня начинает нести стервоты. Зато ты не можешь себе представить, с каким блаженством я отдыхал в начале поста. К тому же я избавился от адъютантства и был донельзя доволен. Je me sentais renaître tous les jours à la vie.⁶ Погода стояла тогда прекрасная, и я ею наслаждался, как прежде, давно, давно. В одну ночь я почувствовал вдохновение, которое уже

^a и бесконечное изящество, соединенное с большим чувством и жаром души.

^b всё это были балы в честь двора.

^v Каждый день я чувствовал, что возрождаюсь к жизни.

месяцев 8 не посещало меня. Сообщу тебе 1-ое произведение моего возрождения:

ЧИСТЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК *

Зажгись, моя полнощная лампада,
Гори опять, как прежде, предо мной
Явись опять, начатая баллада,
Забывтый труд, стихов несвязный рой!
Друг другу мы как будто б незнакомы,
Не узнает детей своих отец:
Давно, давно судьбой своей влекомый
Отбросил песнь нахмуренный певец,
И долго он под бременем заботы
Ходил с тоской неснсною в груди,
Нося в душе бесчувствие дремоты,
В унынии, без цели впереди.
И тщетно он бежал за развлеченьем,
Его искал средь бальной духоты;
Не спасся он пустым самозабвеньем;
Он хладен был пред взором красоты;
Он засыпал на праздниках роскошных,
И хмель людей его не охмелял,
И плясок вихрь, и шум аккордов тошных,
И блеск свечей его не забавлял.
Ему балов противно было детство,
И света шум, и света пустота,
Поблекших дев бездушное кокетство
И наглая людская суета.
И утомлен движеньем и зевотой,
Без дум, без чувств, как пес он засыпал.
Но день вставал и с новою заботой
Он, как вчера, несчастного встречал.
Так день за днем, томим тоскою вечной
Я убивал дни юности моей,
Дни юности святой и скоротечной,
Дни счастья для избранных людей.
Но вот на миг забота улетела,
Но вот уже настал великий пост:
Умолкло всё, столица заговела,
Веселий бес поджал смиренно хвост. . .
О что за рай!.. мой труд, моя отрада,
Опять к тебе с игривою мечтой
Пришел певец. — Зажгись, моя лампада,
Гори опять как прежде предо мной.
Была пора, я полон был отваги,
Я полон был надежд, надежд златых,
И думал я, что каждый клоч бумаги,
Где пробежит гуляющий мой стих,
На славу мне прославится пред светом,
Что перейдет он к будущим векам,
Что буду я сияющим поэтом,
Так думал я. — Не стыд признаться вам:
Уж много лет за многими летами
С тех пор прошли, и я уж не дитя;

Уверенность с счастливыми мечтами
 Уж далеки; я скромнень не шутя.
 Свой бедный труд теперь судить я знаю:
 Безвестность, мрак, презренье ждет его.
 Зачем же я сижу, тружусь, мараю
 На страх людей, для срама своего?
 Так повелел всевышний повелитель,
 К тому раба хотел он присудить,
 Так быть должно... И может ли родитель
 Свое дитя не холить, не любить,
 За то, что родилось среди страданий,
 За то, что хило, немощно оно,
 И не дает блестящих ожиданий,
 И умереть в младенчестве должно?...
 Вот отчего, мой труд, моя отрада,
 Люблю тебя и холю я мечтой...
 Зажгись, моя полнощная лампада,
 Гори опять, как прежде, предо мной.*

Ну что ж! Как бы ни глупо было сочинять *стишки-с*, не могу выразить тебе, какое удовольствие доставило мне сочинение этого стихотворения: мне казалось, что я вернулся к тем временам, когда я жил, когда не был устрицей, какой был всю эту зиму, я думал видеть в этом верный знак возрождения. Верно то, что духовно я был болен, как собака, и что я чувствую себя духовно гораздо лучше. Что до физического — известно! Вчера при дворе была устроена поездка на Елагин, и мы кувыркались с гор, катались на санях и играли в светские игры с двух часов до полуночи. Я поехал туда, прямо *сменившись с караула*, потому и вернулся измученный. Но довольно стихов и прозы. Обнимаю тебя крепко, крепко, как всегда, а люблю тебя еще больше, чем всегда. До свидания! Почтовый час уже пробил. Я даже не смогу показать мое письмо семейству, которое будет в ярости, особенно Катрин, желавшая прибавить несколько строк.

Ты не должен, однако же, думать, что всё общество было против Пушкина после его смерти: нет, это только кружок Нессельрод и еще кое-кто. Наоборот, другие, как например, графиня Нат.<алья> Строганова и госпожа Нарышкина *(Мар.<ия> Яков.<левна>)*⁵ с большим жаром говорили в его пользу, что даже вызвало несколько ссор. Большинство же ничего не сказало, *так им и подобает*!

На обороте: Милостивому государю господину Андрею Карамзину. Ввернется любезному попечению господина Кривцова в русское посольстве в Риме. *В Рим*.

36. Е. А. и С. Н. Карамзины

16—17 (28—29) марта 1837 г. Петербург

Е. А. Карамзина

16 марта, вторник, 1837, С.-Петербург.

Здравствуй, мой дорогой Андрей, вот мы у вторника, а от тебя нет письма. Мое воображение не знает, где тебя настигнуть; хочу думать, что ты уже несколько дней в Риме, ибо пасхальное воскресенье прошло, а ты спешил, чтобы быть там на святой неделе. Да ниспошлет мне господь счастье получить от тебя письмо с известием, что твое путешествие было счастливым. До тех же пор бывает так грустно, когда почтовый день проходит, не принося ничего; сколько ни убеждаешь себя, что смена мест пребывания препятствует сладостному получению милого послания, сердце всё ноет, но я молчу и храню про себя, чтобы не слышать утешений, которые меня не утешают и не убеждают. Со времени моего последнего письма я провожу время очень грустно — наш дорогой и добрый господин Кушников¹ очень болен, у него водянка и вода подымается до груди и не дает спать ночью, пробуждая удушьями. Арендт говорит, что мало надежды на продление его жизни, а бедная его сестра госпожа Татаринова² уже два месяца лежит в постели, смертельно слабая в результате нервической горячки, и этот бедный старик совершенно одинок, некому ухаживать за ним, кроме слуг, да к тому же лучшего из них, своего камердинера, он отдал Бибиковым,³ чтобы сопровождать их. Мне бы так хотелось поухаживать за ним, и вот как раз у меня заболело горло и помешало выходить вчера весь день, а сегодня Арендт позволил мне выйти только ради госпожи Огаревой, потому что она *милая, умная, умная женщина*. Мы все обедаем у них по случаю празднования восемнадцатилетия ее дорогой Александрины.⁴ Князь Петр В. <яземский> тоже был болен всё это время и физически и нравственно, как с ним это всегда случается, но на этот раз тяжелее — после гибели нашего несравненного Пушкина состояние духа его еще более угнетенное. Сейчас ему лучше, уже два дня, как он гуляет.

Вот страница совсем не веселая, что же делать? Так идет жизнь. Однако мне хочется развеселить тебя, рассказав об успехах твоего дорогого Александра, который принимает участие во всех изысканных увеселениях: в последние дни он был два раза на Елагином на катанье с гор, и вся царская семья была очень к нему благосклонна. Императрица и в. <еликая> кн. <яжна> Мария спрашивали его о тебе. Я этому очень рада

во всех отношениях: и их доброте, и тому, что, возможно, это поощрит его и он будет лучше себя чувствовать в свете, хотя до сих пор это не оказало никакого действия, невзирая на то, что он очень благодарен за лестное внимание. Он мне сказал, что царская семья, как будто и мало о нас беспокоясь, в действительности при каждой встрече проявляет к нам постоянно столько доброты; это совершенно справедливо, и я это чувствую от всего сердца. Прощай, мой хороший Андрей, я успокоюсь, только получив твое дорогое письмо; до тех пор моя душа и мое сердце будут страдать. Надеюсь, что ты был доволен нашей аккуратностью, получив в Риме столько наших писем из верных рук доброго господина Кривцова,⁵ которого прошу принять мои ему пожелания счастья и уверения в моих дружеских чувствах. *Благословляю тебя, моего милого друга, будь здоров, люби свою нежную мать, как она тебя любит, нежно целую тебя и прижимаю к сердцу. Христос с тобой и с нами*.

Среда.

Еще одно маленькое здравствуй, дорогой сын; вчерашний обед был великолепен, подан на позолоченном серебре, кушанья изысканные, а вина еще лучше и в изобилии. Мещерский⁶ всем попользовался. Что до меня, то я тоже попользовалась немного, но, так как это не пошло на пользу моему горлу, я не выйду еще сегодня из дому. Арендт дает мне гадкие пилюли и еще более отвратительный сироп. Вот мы и у среды, а письма нет, это грустно, очень грустно; посмотрим, буду ли я счастлива завтра? Лишь бы ты был здоров, дорогой мальчик; нужды нет, ежели несколькими мгновеньями тоски будет больше, главное, твое здоровье, я не боюсь невнимания, еще менее забвения. Обнимаю и благословляю тебя, дорогой мой Андрей.

С. Н. Карамзина

Мне тоже, любимый мой Андрей, очень грустно и затруднительно писать тебе, не имея на что отвечать; да кроме того, не знаю, что сообщать тебе о нашем образе жизни, чрезвычайно однообразном с начала великого поста: по вечерам у нас дома всегда одни и те же лица к чаю, Тургенев почти всегда. Он воспылал ко мне чрезвычайной нежностью, и Вяземский, обрадованный таким поводом для шутки, предложил ему жениться на мне. Ты знаешь, что на этот счет думает бедный Тургенев: он искренно уверен, что каждая девица желает его поймать *и что ему трудно вывернуться*; он неловко противится всякому серьезному намерению. Дядюшка⁷ смеялся до слез и непременно хотел убедить Катрин⁸ войти в заговор, чтобы по-

волновать этого бедного человека; это значило бы очень дурно отплатить ему за всё, чем мы обязаны ему за тебя, дорогой брат, а я бываю всегда сердечно благодарна и счастлива, когда оказывается услуга тебе, когда любят тебя. Знаешь, когда я о тебе много думаю, мое сердце останавливается и слезы наполняют глаза. На днях Вяземский получил от княгини Ольги Долгорукой из Бадена письмо,⁹ в котором много говорится об Андрее Карамзине: «Я очень люблю его, — пишет она, — редко я встречала молодого человека, соединяющего в себе столько приятного и столько серьезных достоинств. Он очарователен — такой любезный, такой умный и такой добрый! Я с нетерпением жду весну, которая должна вернуть его к нам в Баден, и т. д.»

Я пожалуюсь тебе на Александра, мы с ним почти что рассорились, он мне устроил очень неприятную сцену за то, что я имела неосторожность говорить о его стихах Тургеневу и Веневитинову. (*Чистый понедельник* — очень красивое стихотворение, и Вяземский хочет поместить его в *Современнике*. Я спрашиваю тебя, возможно ли сохранить в секрете стихи, уже напечатанные? Точно дело идет о дурном поступке или, по меньшей мере, об авторе-женщине!). Каким жестоким и каким неприятным бывает Александр в тех случаях, когда выходит из своего апатичного состояния и говорит дерзости! Я охотно побила бы его и плакала от злости. Но всё равно, я всегда рада тому, что этот ленивый красавец нравится в обществе. Вчера Жуковский говорил, что «он ничего не должен изменять в своих привычках, ни в танцах, ни в своем поведении в обществе, раз такое поведение нравится в высоком кругу». Но увы! верховный судья¹⁰ посоветовал ему остричь свои прекрасные белокурые локоны, и от этого он чрезвычайно подурнел.

Наш друг Северин очень счастлив — он назначен посланником в Мюнхен, и никогда не было человека, более довольного своей судьбой и более сияющего лицом. В Петербурге предстоит несколько свадеб: Александрина Уварова выходит замуж за князя Павла Урусова;¹¹ знаменитый Элим Мещерский уделает часть своей славы и своей важности — мадемуазель *Жихаревой*,¹² богатой и красивой дочери соперника Тургенева. Добрый день, мой дорогой Андрей, нежно обнимаю тебя и уступаю перо Катрин: это почти чудо. Тысячу дружеских приветов любезному и доброму Кривцову.

Софи Карамзина.

На обороте: Милостивому государю господину Андрею Карамзину в Рим, в Италию. Вверяется любезному попечению господина Кривцова в русском посольстве. *В Рим, в Италию*.

37. С. Н. Карамзина

29 марта (10 апреля) 1837 г. Петербург

О да, мой дорогой Андрей, большой радостью было получить твоё хорошее, очаровательное письмо из Ниццы.¹ Маменька со своими страхами была так уверена, что ты погиб на большой дороге, опрокинут, раздавлен обвалом, смертельно болен, наконец, даже убит (ты не думай, что я шучу, в самом деле, она думала обо всем этом и сердилась, когда пытались ей возражать), что невольно, в конце концов, она и в наши сердца вселила тоску, и вид твоего дорогого почерка заставил нас всех кричать от радости. Хорошо же ты знаешь маменьку, когда говоришь: «Вы знаете, что я в дороге и не будете обеспокоены опозданием». Прекрасно! Все разумные доводы, чтобы ее успокоить, терпят у нее неудачу, никогда я не видела, чтобы кто-нибудь так охотно предавался ужасному мучению беспокойства. Царящий в твоём письме веселый тон доставил мне большое удовольствие, а твой героический сон среди шума и опасностей нас очень позабавил. Ты хорошо делаешь, что путешествуешь ночью, я не представляю себе, чтобы можно было кушать в своей постели более глубокий сон, чем ты в своей коляске, и притом получается большая экономия времени и денег, расходуемых на ночлег. Северин не может тебе простить роскоши путешествия в собственном экипаже вместо простого дилижанса, «которым пользуются, — говорит он, — все молодые люди его возраста, даже князья Ливен,² светлейшие, которые привыкли ни в чем себе не отказывать и не бояться истощения кошельков. Это безумие!»

Маменька, должно быть, сообщила тебе в последнем письме, написанном, в виде большого исключения, без меня, что Воейковы³ провели здесь несколько дней, мне было так приятно вновь их увидеть! Добрая бабушка⁴ и Катрин⁵ задали тысячу вопросов о тебе и очень хотели посмотреть какие-нибудь из твоих писем, но маменька, жадная к своему сокровищу и осаждаемая, мне кажется, суеверным страхом, ни за что не соглашалась на это, тогда я выкрала твоё последнее письмо из Парижа и отправилась прочитать им его. Раздавались восклицания: «*Милый, умный, добрый Андрей!»*, а затем Катрин: «Вот подлинный Андрей! *Точно его слышишь, как он рассказывает*. Я так люблю Андрея», что я ей и обещала тебе передать, так же как об удовольствии ее при виде твоего портрета: «*Ах*, Андрей, так похож! точь в точь его задумчивый взгляд, его ленивая поза, *и как приятно смотреть! точно он*!» Бедные меньшие девочки уехали, к их большому сожалению, в скучную деревню вблизи Орла, а Машенька, выросшая, но по-прежнему

прелестная, осталась здесь, в институте. Как грустно было видеть слезы старой бабушки при расставании ее с маленькой своей подругой.

Суд над Дантесом закончен, его разжаловали в солдаты, выслали до границы под конвоем, а затем в Тильзите ему вручат паспорт — и всё кончено: для России он более не существует!⁶ Он уехал на прошлой неделе. Его жена едет со свекром, съедется с ним в Кенигсберге, а оттуда старый Геккери отправит их, говорят, к родным Дантеса, неподалеку от Бадена. Вполне возможно, что ты их там встретишь. Нет необходимости говорить тебе: «Будь великодушен и деликатен». Если Дантес дурно поступил (а еще ведь один бог знает, в какой мере он виноват), он уже достаточно наказан: убийство на его совести, жена, которую он не любит (хотя, впрочем, он продолжал здесь окружать ее вниманием), положение в обществе очень поколебленное и, наконец, приемный отец, который может в любой день отказаться от усыновления и который, потеряв с бесчестием свое место в России, теряет также большую долю дохода. Балабин⁷ провожал Дантеса до заставы; он говорил мне, что у того был чрезвычайно грустный вид, хотя он и отпускал время от времени плоские шутки, по своей привычке. Он вспоминал с большой горечью нашу семью, говоря: «Мнение общества, дорогой мой, для меня совершенно безразлично, но поведение Карамзиных по отношению ко мне глубоко меня огорчило, — они были почти единственными, кого я любил в Петербурге, с кем виделся ежедневно, а они не только покинули меня и не проявили ко мне ни малейшего признака интереса (я понимаю, Пушкин был их другом и они не могли более поддерживать со мной дружеских отношений), но они стали моими врагами, самыми ярыми, они говорили обо мне с ненавистью». Это совершенно ложно, и я не знаю, кто мог так гадко ему насплетничать. Некоторые так называемые «патриоты» держали, правда, у нас такие же речи о мщении, об анафеме, о проклятии, которые и тебя возмутили в Париже, но мы их отвергли с негодованием. Не понимаю, почему нельзя сожалеть без того, чтобы не проклинать. Никто, я в этом уверена, искренней моего не любил и не оплакивал Пушкина, но никогда чувство сожаления не сопровождалось желанием отомстить, наказать. Я нахожу, что это отвратительно, и ты так же думаешь, я знаю. Но мне всегда хотелось предупредить тебя, на тот случай, если ты встретишь Дантеса, чтоб ты был с ним осторожен и деликатен, касаясь этого предмета.

Радуюсь ли ты, мой дорогой Андрей, глядя на кусты роз в цвету: вдыхая воздух, благоуханный и теплый, как в июне месяце? О, если б я любила тебя менее, я бы почувствовала от

этого сильную зависть. Но я могу только радоваться тому, что ты вкушаешь все те блага, которых мы не имеем. и, испытывая от невыносимого холода нынешнего года недомогание и озноб, столько же душевный, сколько физический, я почти довольна тем, что могу сравнивать это ощущение с тем, совершенно противоположным чувством, какое должен испытывать ты в настоящее время, например, на террасе дворца Нерона. Съезди туда непременно и вспоминай о нас, сидя на куче камней, лицом к Римской кампанье. Какие прекрасные часы мы провели там однажды с Кривцовым, — он, может быть, вспомнит о них! Передай ему тысячу приветов и предложи написать мне, я бы с удовольствием ему ответила! Прощай, мой дорогой Андрей, обнимаю тебя и люблю нежней, чем могу это выразить.

Софи.

На обороте: Милостивому государю господину Андрею Карамзину в Рим, в Италию. Вверяется любезному попечению господина Павла Кривцова. Русское посольство. *В Рим, в Италию*.

38. С. Н. Карамзина

13 (25) апреля 1837 г. Петербург

Вторник, 13/25 апреля.

Я не писала тебе в прошлый раз, мой дорогой Андрей, так как совершала прелестную поездку в Царское Село. Стояла прекраснейшая в мире погода, было уже совершенно сухо, так что я с большим удовольствием прогулялась в этом чудесном уединении, оживляемом, однако, встречами с многочисленными гусарами, верхом на красивых лошадях, а лошадь — это животное, которое я зачастую предпочитаю человеку. Мы будем очень хорошо там устроены в этом году, не слишком тесно, несмотря на то, что Катрин¹ будет жить с нами, — у нас будет маленький сад, много цветов и ворота парка — напротив нас. Валуевы² тоже сняли маленькую квартиру в Царском, правда, не очень хорошо расположенную, рядом с Петровскими² (если только ты хранишь это приятное воспоминание); нас будет целая колония, и, может быть, ты приедешь еще вовремя, чтобы застать всех в сборе. Представляешь ли ты себе, какие чувства вызывает мысль об этой минуте! Мы провели день у Жоржа Шевича, счастливого как король или, скорее, как ребенок в своем милом семейном уюте; Лидия хороша собой, изящна и нежна; их дом — очарователен; их обед — отличный. По вечерам она пригото-

ляет чай для друзей своего мужа; все столы завалены кеер-саке² и альбомами; Жоржа засадили за учение и за чтение; он рассуждает теперь о литературе не хуже других, но шалит и шутит, чтобы не утратить совершенно своей индивидуальности; например, он укусил мне палец до крови, чтобы напугать в то время, когда рассказывали историю с привидениями, где речь шла о холодной, как лед, руке, охватившей руку Александрины Воейковой³ в замке графа Штакельберга; замок этот *заколдованный* и о нем Воейков говорил, что он полон привидений, как сказали бы — полон крыс. Лидия просит передать тебе тысячу нежностей, между прочим, и то, что она положительно никогда не пьет вина без того, чтобы не выпить за твое здоровье, и, постоянно шутя таким образом, она, в конце концов, превратила это в привычку и суеверие.

В четверг мы получили твое хорошее письмо из Рима,⁴ пусть и не поэтическое, но тем не менее очаровавшее меня царящей в нем веселостью и хорошим настроением. Я нахожу вполне естественным, что религиозные церемонии в соборе св. Петра тебе показались только смешными; они и на нас произвели то же впечатление, и я очень сожалею, что для того, чтобы увидеть их, ты так торопился и проехал, словно настоящий курьер, такую интересную часть Италии, — но мне досадно на тебя за то, что, въезжая в Рим, ты не был более взволнован, не почувствовал благоговения, или, по крайней мере, ничего об этом не пишешь — такая холодность не похожа на тебя. Впрочем, я ожидаю твоего вступления в древний Рим: вот где должны задрожать неведомые донные струны твоего сердца, и задрожать совсем не так, как при виде безымянных развалин средневековья. Вспомни, проходя по наполненным статуями залам Ватикана, достопамятные слова дядюшки Вяземского: «Единственное живое население Рима!» Передай от моего имени тысячу нежностей Бутурлиным и заверь господина Б. (утурлина), что его лошадь чувствует себя прекрасно и является нашей утехой; я ездил на ней верхом вчера в Екатерингофе с мадам Меллер⁵ в память наших прогулок по Риму; погода стояла не хуже, но тот воздух, тот цвет времени, ощущаемый в Италии, не находится более нигде и придает такую особую, необыкновенную прелесть Римской кампанье! Не так ли? Надеюсь, что ты тоже объездил ее верхом.

Среда.

Я пришла от обедни; сегодня — страшный день исповеди, и я прошу у тебя прощения за все мои вины перед тобою; но

² Альбом с гравюрами (англ.).

мне, однако же, кажется, что никому не могу я сказать с большей правдивостью: *«Совість моя чиста и дух прав перед тобою»*, не так ли? На днях я приобрела себе врага на всю жизнь, и это меня жестоко беспокоит. Дело было на вечере, очень скучном, у Всеволожских.⁶ Там была госпожа Неклюдова,⁷ от которой я бесполезно скрывалась во всех углах комнаты, куда она входила, точно нарочно, вслед за мной. Раздраженная этим преследованием, я беру под руку Софи Полянскую,⁸ увожу ее к другому столу и тихонько ей рассказываю, что госпожа Неклюдова отвращает меня от себя, потому что я знаю, что она зла, фальшива и сплетница, и что, когда она говорит, под каждым ее словом чувствуется жало. Вообрази, она услышала всё это и, думаю, также ответ Софи Поланской, которая сказала мне: «Я знаю, почему вы ее не любите, это из-за Лизы Бутурлиной». — «А что же она ей сделала?» — «Разве вы не знаете, она была любовницей Дмитрия Бутурлина долго после его женитьбы на Лизе, и в то же время она так умело ухаживала за его женой, что последняя находила ее очаровательной». — «Лишнее доказательство того, насколько она лживое создание!» Представь себе теперь мое положение, когда княгиня Одоевская сказала мне, что она передала ей все мои слова, прибавив: «Впрочем, мадемуазель Карамзина известна своим злым языком, и не она составит мою репутацию». Какой же вероломный и обученный слух у этой женщины — она услышала, что говорят вполголоса в другом углу комнаты, в то время, как сама она делала вид, что увлечена беседой с тетушкой Вяземской! *Это весьма неприятно*, и если она будет мне мстить, — а говорят, она это делает со злостью, — я получу, увы, только то, что заслуживаю.

На днях Жуковский читал нам роман Пушкина, восхитительный: *Ибрагим, царский Арап*.⁹ Этот негр так обворожителен, что ничуть не удивляешься страсти, внушенной им к себе даме двора регента; многие черты характера и даже его наружности скалькированы с самого Пушкина. Перо останавливается на самом интересном месте. Боже мой, как жаль, какая потеря, какое всё оживающее горе! Прощай, мой брат дорогой, обнимаю тебя и люблю очень, очень нежно.

Софи.

На обороте: Милостивому государю господину Андрею Карамзину. Рим, в Италии. Вверяется любезному попечению господина Кривцова в русском посольстве. *В Рим, в Италию*.

39. А. Н. Карамзин

17 (29) апреля 1837 г. Петербург

*С.Пб. 17 апреля 1837.

Христос воскрес! брате! Завтра пасха, а теперь всё еще страстная неделя и постные кушанья так и трещат в сконфуженном желудке. Мы на этой неделе все говели, и ты, вероятно, отпустил мне грехи перед исповедью. Меня таскали на ученья, несмотря на говенье, так что у обедни я мог только быть один раз (Миттон,¹ как тебе известно, крещеный жид), зато в последний день, т. е. в день исповеди, я намолился на целую неделю: я не ложился спать вовсе и в 3^{1/2} часа утра отправился в Невский монастырь пешком на заутреню, потом был на кладбище, был у обедни в Симеоне, целый день рыскал по делам, ездил верхом, пробуя лошадей, вечером слушал всенощную и, наконец, после исповеди заснул таким сном, каким никогда не спят тяжкие грешники. Теперь мы ездили на выходы во дворец ежедневно, или, иначе сказать, мы почти безвыходно на выходах. Кстати, о выходах. Знаешь ли, брате, что у Машеньки или, лучше, из Машеньки² вышла вчера девочка. Она страдала всего только 5^{1/2} часов и родила пресчастливо. Правда, что ее дочь очень маленькая, но говорят, что она еще очень много вырастет. Я тем более рад, что казалось мне, что уже месяцев 17, как Машеньку раздуло, а все ничего не рождалось, так что я уже стал думать, что выдит, что из брюшка ничего не выдит, но благодаря небу вышло что-то такое, и все говорят, что это не что иное, как девочка. Дай бог! Дай бог! У меня в голове всё лошади ходят. Меня переводят в первую легкую, надобно рыжую, а у меня вороная да гнедая.³ Черт возьми! О если бы лошади могли так же легко выходить из моей головы, как девочки выходят из брюшка Машеньки, то-то бы счастье было! Но это не вероподобно! Кстати, о невероподобностях. Правда ли, что Кривцову дали Анну в петличку? Если так, то скажи ему, что мы все здесь разделяем его радости. Эк! ему везет, дьяволу! Шутка сказать, Анюта в петлице... славная вещица! Дядя⁴ получил такую же на шею да еще с короной. Счастлив дядя: Анна на шею, Владимир в петлице... черт возьми! Ужасно счастливы! Главное мое занятие теперь сидеть и думать: как бы сделаться богатым? Золото, серебро, заманчивые вещицы. Да нельзя, никак нельзя. Уж я и стихи согрешил под заглавием: радость богача и горе бедного. Да не помогает, всё думаю: ну, если бы можно было сделаться богатым! А ты, брате, бегаешь теперь по Европе: сделай одолжение, если там нашли способ разбогатеть, то напиши ко мне, и

какие инструменты на то употребляются. Я видел нынче во сне, что ты воротился; я был очень счастлив, но о чем, ты думаешь, мы говорили? о парижской опере, о лазури итальянских небес? о снежных вершинах Швейцарии? о берегах Рейна заветного? о дивном хмеле его вин? — нет! мы смотрели с тобой лошадей и рассчитывали, сколько будем издерживать в месяц! а говорят потом, что в бедности есть поэзия!! сто триллионов проклятий!!! Сейчас был я прерван запиской Вьельгорского: надобно тебе сказать, что он ломает оперу, которая, кажется, будет очень хороша, но, судя по его прилежности, не скоро будет готова. Либретто писали ему Соллогуб и Элим Мещерский.⁵ Теперь обних здесь нет, и так как ему поминутно нужно стихи переменять, убавлять и прибавлять, да притом была прежде и проза, которая вся заменяется речитативами, то он и напал на меня грешного и ежедневно или присылает меня звать или посылает записочки, требуя то 4-стишие, то 2-стишие, то куплет, то перемену такую да такую. И когда я приношу свою работу то, не прочитав еще, он уж кричит: «C'est chachmant, chachmant!»

Как бы то ни было, грустно становится, как подумаешь, что надобно сказать прости! великому посту. Я так мирно жил под его покровительством, так безмятежно проводил вечера дома, сидя полусонный за чаем или играя с Мещерским в шахматы. Прощайте, мирные вечера! опять пляски, опять шум! опять балы, где я буду таскаться без цели, без радости. Дама за дамой будут меняться подле меня на бесконечных кадриликах, и с тою же беспечной скукой я буду шаркать протяжно со всеми ими. Да если бы и было оно иначе, куда повело бы? Я слишком ленив, чтобы заводить так называемые интриги; я слишком беден, чтоб жениться. И так всё еще к лучшему: лучше позевать, чем поплакать. Однако же был и у меня зимой авантюра: помнишь, я тебе раз писал*, что я был встревожен преследованиями графини Стругановой. Так вот! с тех пор это только росло и пуще расцветало! Мы были неподражаемы: я — с моими побегами, она — со своими преследованиями, принуждая меня танцевать с ней длинные танцы, устраивая мне сцены ревности и донимая меня нежными упреками за мое равнодушие, между тем как я делал вид, будто ничего не понимаю из того, что она мне говорит, и всё спрашивал объяснений ее намеков. В конце концов это надоело мне ужасно, и я утешался, рассказывая о моих похождениях на наших семейных собраниях, что являлось источником продолжительного смеха и более чем когда-либо укрепило мнение, уже

* (Т. е. charmant, charmant) — Это прелестно! прелестно!

давно составившееся обо мне в нашем семействе: что перед женщинами я нахожусь в положении Буало.⁶ Как бы там ни было, но бывшая красавица графиня, как мне кажется, отказалась от своих планов на меня и довольствуется тем, что делает мне глазки, часто приходит к нам, даже на святой неделе, и оказывает мне косвенные любезности, снабжая маменьку множеством букетов цветов.

*Не сердись, что мое письмо нынче маленькое и пустынькое: это не сказка, а присказка, а сказка будет впереди. Обнимаю тебя изо всей братской мочи. Аркадий тебя обнимает, а Толмачев⁷ всё мучает, чтобы я тебе от него кланялся. Жду от тебя письма, а еще более окончания лета, чтоб тебя обнять дельно, не письмами. До свидания! Добрый, милый брат!

А. К.*

40. Е. А. и С. Н. Карамзины

11—12 (23—24) мая 1837 г. Петербург

Е. А. Карамзина

Вторник, 11 мая 1837. С.-Петербург.

Здравствуй, мой дорогой Андрей, я очень опечалена отъездом Александра, который несколько часов тому назад покинул нас, чтобы отправиться с батареями в *Красное Село*. Независимо от огорчения, причиненного разлукой и его отсутствием, мне грустно и за него самого, он никогда ничем не бывает доволен, служба ему надоедает и наводит на него дурное настроение. Единственный человек, с которым ему хорошо, это Аркадий, но он присоединится к нему лишь через десять дней, а всё это время Александр будет сердиться, терять терпение, морить себя голодом, ведь он даже не прикажет достать ему поесть; на первое время я его снабдила, велела ему приготовить отличный ростбиф, и ветчины, и сыру. Его нрав, ко всему равнодушный, столь необщительный, меня удручает тем более, что он сам от него страдает; кроме того, проклятые деньги играют с ним всё время скверные шутки, ему их вечно не хватает; 1-го он, как всегда, получил свою часть, а сегодня ему не на что было уехать; и, право же, он тратит деньги не на свои удовольствия, ибо он себе во всем, решительно во всем отказывает и в этом отношении просто трогателен; но от этого у него не больше порядка в делах и он ничего не знает о своих расходах; все шесть тысяч проходят через руки *Семена*. Словом, дорогие мои дети, я хотела бы быть в десять раз богаче, чтобы иметь возможность доставлять вам удовольствия, но увы! Дело в том, что сейчас я совсем не богата; если бог даст

кому-либо из вас уменье извлекать доходы из нашего имени, тогда наши денежные дела поправятся и вы сможете тратить больше, но до тех пор это невозможно, иначе мы съедем всё наше состояние. И ты также, дорогой сын, нуждаешься в деньгах, меня это очень огорчает; неужели ты не мог их где-нибудь раздобыть, чтобы не откладывать поездки в Неаполь? Я думала, что ты уже давно там, и поскольку письма находятся в пути ровно месяц, ты получишь вексель лишь через неделю; я его послала 17 апреля; всё это путает мои расчеты о сроках твоих переездов. Чтобы вовремя попасть в Баден для заключительного курса лечения и совершенно поправить свое здоровье, тебе придется постоянно спешить. Ты ведь тоже не сумел правильно рассчитать сроки; ты зря растратил время, нужное для поездки по Италии. Надеюсь, ты наверстаешь его в другой раз, путешествуя с Александром.

Письмо твое, дорогой друг, прелестно;¹ ты прав, говоря, что я хочу, чтобы твои письма были именно такими; да, я хочу знать без всяких прикрас всё, о чем ты думаешь, что ты чувствуешь, что делаешь; пусть это будет твое точное отражение; тогда, читая их, я плачу и смеюсь, уверенная, что разделяю твои чувства. Вот и сейчас, когда я думаю о том, что ты говорил про свое одиночество, слезы навертываются мне на глаза: одна из самых горестных вещей на этом свете — разлука с теми, к кому более или менее сильно привязан; признаюсь даже, что я не могу себе представить тебя без какого-нибудь спутника или товарища. А что касается до меня, то кончились те прекрасные дни, когда я имела всех вас около себя, словно *наседка с своими цыплятами*. На днях я собираюсь в Царское, Вольдемар останется здесь сдавать экзамены. Алекс.<андр> — в лагере, ты — уж не знаю в какой стране. Ты чувствуешь, как разрывается сердце твоей бедной матери, конечно, это слабость, но я не могу не страдать горестно от всех этих разлучений. По крайней мере, дорогие дети, будьте добросердечны и счастливы там, где вы находитесь, в этом моя горячая молитва перед высшим существом.

Погода у нас, дорогой друг, стоит снова прекрасная, в ожидании отъезда в Царское я делаю визиты и гуляю; в воскресенье была в Эрмитаже, первый и последний раз в этом году; прием был великолепен, я полагаю, что он был устроен в знак окончания городских развлечений и как прощание с обществом до следующего сезона.² Прощай, дорогой и любимый Андрей; в печали или в радости я тебя нежно люблю и, как ты, даже не могу себе представить, что бы ты такое мог сделать, чтобы рассердить меня или чтобы я могла с тобою поссориться. Да поможет нам бог выйти из этого испытания в добром здравии.

и так, чтобы каждый был доволен собою и другими. Прижимаю тебя к сердцу с такою же нежностью, какую я испытала сегодня, сжимая в объятиях дорогого, доброго *Сашку*: всё то время, что я строчила тебе это письмо, глаза мои были наполнены слезами, а сердце таяло от умиления и любви к вам, дорогие дети. Да благословит вас бог, как я вас благословляю. Будь благоразумен, думай о своем здоровье, тем самым ты будешь думать о своей матери. Оставшуюся 1000 рублей я вышлю тебе в Баден на имя Гугерта; мне кажется, так будет лучше всего. Я забыла сказать, что на пасху подарила тебе экземпляр сочинений Пушкина, подписавшись за тебя и внеся 25 рублей.

Только что я получила второе твое письмо от 29/17 и не могу понять, почему уже второй раз в вос. <кресенье> приходит одно письмо, а три дня спустя другое, между тем как оба раза они были написаны через неделю одно после другого; впрочем, причина не имеет значения, и получать твои письма всегда радостно, особенно, когда их не ждешь, а через два дня иметь сладость получить следующее — это двойное счастье. Но мне очень горестно, я просто в отчаяние прихожу при мысли, что ты не увидишь Неаполя, про который говорят, что это завершение красот всей Италии. Я негодую также на этих глупых итальянцев, или, вернее, на холеру, ибо по размышлении я думаю, что до тех пор, пока ты будешь в каком-либо соприкосновении с этой мерзостью, я не буду вполне спокойной. Я так огорчена, что тебе не удалось раздобыть денег: неужели дорогой Кривцов не мог бы тебе достать? Надеюсь, он меня знает достаточно, чтобы не сомневаться, что уплаты я не заставлю ждать. Я огорчена также и тем, что ты всё еще находишься в Риме, когда уже пресытился им. Мне не терпится узнать, что ты уже вне его; это потерянное время, которое ты всегда сможешь лучше употребить, отправившись посмотреть другие края. Нет письма, которым ты не причинил бы мне страха, рассказывая о своих проделках. Относи свои письма на почту сам, чтобы не было недоразумений, ведь если сопоставить даты отправления, получается очень странно: первое письмо пришло в воскресенье утром, а следующее во вторник утром в тот же час, ты же их послал на расстоянии недели.

Среда, 10 час. <ов> утра.

Еще несколько слов, мой дорогой Андрей, до завтрака. Весь вчерашний день мне было грустно из-за отъезда дорогого ворчуна, и из-за помех, нарушивших расписание твоего путешествия, и из-за огорчения, причиненного тебе отсутствием денег, и из-за того, что ты теряешь время. Меня утешает лишь мысль, что в то время как я от этого страдаю, ты, быть может, на-

ходишься в упоении живых наслаждений. Итак, предоставим всё это провидению, умоляя его сжалиться над нами, грешными. Еще раз прощай, дорогой сын, еще раз прижимаю тебя к сердцу, полному любви к тебе. Надо оставить место для Софи.

С. Н. Карамзина

Мы сделали промежуток в две недели между нашим последним письмом и нынешним, дорогой Андрей, потому что еще в субботу, т. е. в течение целых двенадцати дней, от тебя не было никаких известий, — но вот на нас вдруг посыпалась манна небесная и подкрепила наши души теплым влиянием твоей души (несмотря на то, что последнее письмо твое кончается мало поэтичным и весьма бесчеловечным выпадом в духе обращения Камиллы, в котором ты, как она, желаешь «видеть последнего римлянина при его последнем издыхании»)³. Первое письмо, в особенности, где речь идет о ночи, проведенной в Колизее, и вообще о луне, настоящий шедевр красноречия и заставляет звучать все струны нашего воображения в унисон с твоими: столь привлекательно и живо нарисованы эти картины, что у всех слушавших его, вплоть до бесчувственного Мальцова и положительного Сержа Мещерского, глаза заблестели, а уста *loud in your praise, dear, dear brother*^a (и слушали они со всем вниманием, какого только могло требовать мое сердце, ревнивое и чувствительное к тому, что тебя касается).

Я должна тебе донести на дядюшку Вяземского: читая поэтическое описание твоих ночных прогулок, он заметил, со своей язвительной улыбкой, по поводу заряженных пистолетов: *«Какой вздор! видно, что пишет путешественник, да еще и для редакции»*. Чтобы объяснить тебе эту последнюю любезность, следует сказать, что Жуковский непременно хочет напечатать отрывки из твоих писем в качестве продолжения *«Писем русского путешественника»⁴. Полно, давать ли ему? Как ты думаешь? Делиться ли с народом нашими драгоценными сокровищами? — А умен ты, душа моя Андрей, и особенно так мил, так мил, что сердце замирает, когда подумаешь, сколько тебя любишь*. Не могу представить себе, какая страсть, какая любовь могла бы сравняться с той, которую я к тебе питаю, и что может быть радостнее, чем знать, что ты счастлив. Я благодарна добрым коням и прекрасной Римской кампании (и признательна тебе за то, что ты понял ее очарование), потому что они напоминают тебе обо мне, в отдельности и в особенности, и к тому же еще в самые прекрасные мгновенья твоей созерца-

^a возглашали тебе хвалу, дорогой, дорогой брат (англ.).

тельной жизни! *Жаль, что Неаполь тебе не дается, но особенно жаль Помпеи, а природа там почти та же, что в Генуе*, не во гнев будь сказано Пьеру, который со вчерашнего дня не прекращает сетовать по поводу твоего несчастья. Ты жалуешься на римский климат, а мы не нахвалимся петербургской весной.

Вчера у нас был чудесный день, и я им хорошо воспользовалась: утром мы с Вольдемаром и Моргенштерном совершили прогулку верхом на Острова, уже зеленые и радостные; Моргенштерн просил напомнить тебе о нем, в субботу он уезжает в Швецию с намерением больше сюда не возвращаться. Затем я обедала у Всеволожских (где узнала, что Александрина Трубецкая еще не обручена и если выйдет замуж, то лишь с помощью каких-нибудь ухищрений), а вечером мы с ними и Мальцовым устроили очень веселую поездку в Екатерингоф; Мальцова же я не могу хоть немного не предпочитать всем остальным, сама только не знаю, почему (может быть, потому что и он поступает так же, или, по крайней мере, мне это кажется). В воскресенье мы были в Эрмитаже, где давали «Кина», плохую пьесу, как говорят понимающие люди, но ведь должно же в ней что-то быть, если я с удовольствием смотрела ее трижды. В будущую субботу мы переезжаем в Царское Село: *благослови нас, милый брат*. У Катрин бывают приступы страха и грусти при мысли о важном событии, которое должно там произойти в первых числах июля: пусть ничто не омрачит его, а ты, любимый брат, пусть бы приехал ко дню воцерковления! Право же, коль скоро ты собираешься возвращаться морским путем, надо, чтобы это произошло в конце августа по старому стилю, ибо в конце сентября Катрин нас покинет и отправится на год в деревню по причине оскудения финансов. *Это грустно*; не могу сказать, с какой грустью я слышала вчера, как она объявила управляющему нашим домом, что освобождает квартиру, эти милые комнаты, столь подходящие для тихой семейной жизни. Прощай, мой дорогой Андрей, мне докладывают о приходе барышень Опочининых, и я должна с тобой расстаться. Господин Тибо передает тебе тысячу нежностей и просит сказать, что очень гордится тем, что подготовил тебя к пребыванию в Вечном городе.⁵

Софи.

Среда 12/24 мая.

На обороте: Милостивому государю господину Андрею Карамзину в Мюнхен, в Баварии. До востребования. *В Мюнхен, в Баварии*.

41. А. Н. Карамзин и А. О. Россет

28 мая—5 июня (9—17 июня) 1837 г. Красное Село

А. Н. Карамзин

*Красное Село 28 мая 1837. 2 часа пополудни.

Здравствуй, брате! здоров ли ты? счастлив ли ты? Вот опять привела меня судьба на вечную мою дачу: Красное Село. Все теперь на ученье, несмотря на поносную погоду; я остался дома под тем предлогом, что должен по службе ехать к Ганичеву. Не знаю, право, что и сказать тебе о погоде и о жизни своей. И та и другая довольно не известные вещи, а напротив того, черт знает что такое. Я нахожусь при батарейной батарее под командою знаменитого *аш-того-Готгорпа*;¹ о 2-ой легкой думать нечего, не хотят и слышать, для 1-й легкой ищут лошадь, да не находится, к тому же, надобно для покупки оной продать Сильфиду, а чтобы продать Сильфиду, надобно же иметь рыжую сейчас, чтобы не ездить на палочке. Вбрана я доезживаю сам теперь здесь и не знаю, как продать. Тебя я хочу непременно перевести также в 1-ю легкую, если я в нее попаду; к тому же на будущий год она будет в Питере. Всё это, как ты видишь, каша, которую довольно трудно будет хорошо сварить. В июне я беру билет в польской лоторее и если выиграю в декабре *le gros lot*,^a то всякая покупка и продажа делается мне несравненно легче; могу даже сказать, что я только на это и считаю для устройства финансов своих.

Вообще я уже давно заметил, что деньги заманчивая вещь, но вместе с тем и подлая, весьма подлая, суета мирская, всё тлен, и миг, когда я буду законодателем, то первый мой закон будет, чтобы отнюдь никто денег требовать не смел как вещь богопротивную и изобретенье дьявольское, а просто всё отдавали бы даром, в особенности лошадей, овес, сено, солому, перчатки, сапоги, устрицы и кучерские одежды. После лагеря я непременно прошусь на 28 дней в отпуск и еду в деревню, дабы внушить крестьянам, что первая их добродетель, обязанность перед небом и землей и прямой путь в рай по окончании живота состоит в том, чтобы сколько возможно более присылать денег господам своим, и даже побольше возможного. Если они меня послушаются, то я пан, если нет, то пропал. К несчастью, последний случай правдоподобнее. Впрочем, в сравнении с вечностью это все ничего! Но по мирским делам судя, я, кажется, состарюсь прежде чем разбогатею, а доказательством служит то, что я ни на грош еще не разбогател, а уже

^a главный выигрыш.

на целковый рубль по крайней мере состарился, если не на синенькую ассигнацию.

В прошедшем году я явился в Красное Село, и загородный весенний воздух освежил мою грудь и зеленые поля улыбнулись моим юным взглядам. Помнишь, я писал тебе: «Немножко зелени на земле, немножко синевы на небе, и я счастлив, и мечты гуляют». Теперь не то: уныло ехал я сюда, качаясь на коне перед авангардом; зелень скучных, болотистых полей между Петербургом и Красным Селом меня не радовала; тощая лазурь чухонского неба не манила мечты подняться на горную высоту. В прошедшем году я просиживал ночи напролет после дневных военных трудов сам друг с своей бдящей лампадой и любил мечтать, думать и бросать на бумагу плоды ночных мечтаний, ночных дум; любил, когда луна выходила бледная из-за туч, гулять по сельскому кладбищу, по спящей улице деревенской. Теперь не то: я хожу на ученья два раза в день, гуляю по Красному, насвистывая дикие песни, которых нигде никто не слышал, слушаю пискливое пение девок, которые так и валяют черную шаль,² вечером пью чай перед избою и тут часто сопивают со мною добрый великан Евреинов;³ вечно преследующий всех, ужасный пластырь скучнейший Макура;⁴ недоконченный при рождении Тимофеев;⁵ вечно рассуждающий, свое мнение сказывающий, общеместный раг excellence⁶ скряга, скучный и самодовольный кадет Соловцев (адъютант л.<ейб>-г.<вардии> К.<онной> а.<ртиллерии>);⁶ олицетворенная гранатная трубка, лабораторией бригадной заведующий Хрулев;⁷ а иногда и доктор Стефанович, со своими вечными рассказами о своих важных подвигах как в мирное, так и в военное время, от самых же лучших его рассказов киснут сливки на столе. То-то толки идут в таковых беседах о политичном Шварце,⁸ о тонком Иване Сергеевиче,⁹ о холопьях Миттоне¹⁰ и Кноринге,¹¹ о бестолковом Готторпе,¹² о неистовом пугалище Г.,¹³ о всерегулирующем, всеиспытующем, всене-ведующем С.¹⁴ и т. п. Бьет 12 часов и в голове так пусто, в мозге так паршиво, несмотря на философические и исторические книги, коими ежедневно я их питаю, что я спешу на постель, и благодатный сон с бессмысленным рядом ночных своих видений лелеет меня до утра, т. е. до учения, и опять снова здорово. Вот тебе моя лагерная жизнь. Несмотря на всё это, благодаря книгам она довольно порядочна, но прозаическая до бесконечности. Скоро будет у нас артиллерийский маневр, для коих делаются теперь целые пешие полки и конные эскадроны соловой набитых чучел, которые должны сделаться жертвою эк-

⁶ по преимуществу.

сентрических гранат Сумарокова. По-видимому, однако же, много из сих чучел останется в живых. Во время лагеря, когда придут сюда все войска, я хочу приняться за лошадиные торги.

Аркадий лагерь делает с батареей батареей, но до сих пор еще всё в Петербурге, где принимает что-то такое по казначейской части. Я видел его вчера и 3-го дня в Царском Селе, где 3-го дня по случаю рождения Мещерского¹⁵ был большой обед. Я обрадовался, найдя в Царском твое последнее письмо,¹⁶ где я со вздохом прочел, как отдал ты свой последний пиястрик и уверился, что наш кошелек пуст со всех сторон. *Vide hideux qui règne dans notre bourse cisalpine comme dans notre bourse transalpine, qu'es-tu devenue, ô horreur de la nature pour le vide? Si nos modernes physiciens ne t'avaient détruite peut-être aurais-tu rempli nos bourses? Maintenant plus de horror vacui! Plus d'espoir pour nos bourses d'être jamais remplies!*^a

1-ое июня.

Жарко, очень жарко! Хозяевы еще к тому печку топят для кушанья, так что вместе с приятным запахом шей двойной запас теплоты лезет ко мне через перегородку. Я стою в Павловском у знаменитой Матрешы. Но по привычке своей занимаюсь только девчонками и мальчишками, которые ловят мои пряники и орехи. Впрочем иногда и с красотами павловскими вместе с официией я играю в веревочку *ce qui fait passer le temps très innocemment et de plus occasionne une abondante transpiration ce qui est très sain.*^г Нынче должны были приехать ко мне Мещерские, но поездка расстроилась и j'en ai été quitte pour mes provisions achetées à Pétersbourg.^а По крайней мере на несколько дней будет в моем желудке хорошая говядина примешиваться к коровине, которой потчевает нас Готторп. *Voilà à peu près les seuls événements vraiment importants qui soient arrivés ou qui aient manqué d'arriver depuis que je suis à^е Красное.* Прибавь ко всему этому, что Сумароков смотрит теперь батареи одну за другой и распекает гг. офицеров и гг. батарейных командиров, которые по-прежнему смеются над ним исподтишка, а дрожат

^a Ужасающая пустота, которая царит в нашем кошельке по сю сторону Альпийских гор, как и в нашем кошельке заальпийском, что стало с тобой, о страх природы перед пустотой? Если бы наши современные физики тебя не уничтожили, возможно, ты наполнил бы наши кошельки. Теперь нет более *horror vacui* (боязнь пустоты — лат.)! Никакой надежды для наших кошельков когда-нибудь быть полными!

^г что дает возможность проводить время невинно и сверх того вызывает обильную испарину, что очень полезно.

^а и я остался со своими припасами. купленными в Петербурге.

^е Вот, примерно, единственные, поистине важные события, которые произошли или которые едва не произошли с тех пор, как я приехал в.

перед его рыжим усом, как перед синей бородой. Во время лагеря говорят, что нас переведут в Высоцкое, т. е. за 9 верст от Красного, бат. <атарейную> батарею, 1-ю легкую и Донск. <ой> дивизион. Это, с одной стороны, хорошо, а с другой, нехорошо. На днях я вышел перед вечерним чаем погулять с Евреиновым, вдруг напал на нас Макура. Что делать? мы в Красное, оттуда в Павловск, потом вправо, влево; Макура по обыкновению приклеился да и только, а надобно с ним сблизиться, чтобы понять, до какой степени может человек человеку надоесть и вогнать его в лихорадку от скуки и тоски. Наконец, мы должны были, пользуясь его глупостью, уверить его, что для фарсы мы пешком пойдем в Петербург и воротимся без останки; тогда только отстал он от нас, ибо у него болит нога (а то и эта выдумка не спасла бы нас). Однако же он довел нас до рогатки Павловского, где сел отдыхать, что заставило нас 5 верст пройти по большой дороге. Соловцов так же надоедает, но не в такой степени и гораздо реже.

Июня.

Не удивляйся, милый брате, что это письмо не с одного раза написано: я не могу его отправить иначе, как отдав маменьке в Царском, поневоле, следственно, оно должно у меня лежать, ибо я в Царское только завтра надеюсь ехать: завтра Троицын день; я всё ждал, не наберется ли до Троицы что-нибудь новенького тебе рассказать; но увы! ничего, кроме ежедневного повторения вышеописанного: *ainsi va le monde!** Аркадий приехал 3-го дня сюда, к большой моей радости, но до сих пор он как бы подавился чем-то и не может опомниться: встретит ли он кого-нибудь, тот начнет толковать ему об регулировке; спросит ли он кого о здоровьи, тот отвечает, что шрапнель лопнул еще в дуле, что не дали высохнуть трубке, что Сумароков сам наводил орудие и пустил гранату за вал так, что и не нашли, что Хрулев говорил ему то-то, но он отвечал так-то, хотя Андриянов и заметил, и Миттон с Кнорингом даже улыбнулись, глядя на улыбку Ганичева, и Сталь ничего не понял, однако же, и проч. и проч. Бедный Аркадий как в сумасшедшем доме ходит, пожиная плечами. Вчера ночью мы уже с ним гуляли по старому и смотрели на красную луну, на простоквашу петербургского неба, на скверное болото и насладились маленьким дождем. Аркадий поручил мне крепко обнять тебя, что и исполняю за него, а потом за себя обнимаю тебя еще крепче. До свидания, я еду сейчас держать цепь, чтобы шрапнели не убивали невинных чухонцев.

А. К.*

* так движется мир.

Обнимаю тебя, мой добрый André!.. Не верь тому, что говорит Сашка об упадке его поэтического духа. Я бы желал посмотреть, какой поэт размечтается, прогулявшись два раза на военное поле и оставаясь там по 4 часа сряду; остальное же время, слушая артиллерийские толки или прохаживаясь по темно-серой зелени и под светло-серым небом. Сашка как поэт не умеет ладить с обыкновенным человечеством, а я как действительный член его берусь отогнать от него шмель-макуру и проч. и дам ему время, чтобы размечтаться. Когда вернешься в Питер и развернешь его черный портфель, ручаюсь, будешь доволен. Жаль, что поэзия его взяла направление разочарования; ты, светлый и ясный, должен быть для него противудие и в этом случае твой оппозиционный дух будет полезен. Я 3-й день в Красном, сначала было очень дурно, теперь очнулся, черт меня побери, чтобы не было со мною в 2 месяца; я вижу в конце их тебя и сестру,¹⁷ которую прошу всячески отправлять скорее восвоися; как бы ты хорошо сделал, если бы вернулся в половине августа; ты бы мог свободно прожить в Царском с твоим семейством и вместе с братом; явившись после, ты должен будешь поступить на службу, а он продолжать ее или, быть может, жить в Пелле.¹⁸ Благодарю душевно за письмо; обнимаю до радостного свидания.

42. С. Н. Карамзина

3—5 (15—17) июня 1837 г. Царское Село

Мы были счастливы получить от тебя два милых и очаровательных письма,¹ дорогой брат, хотя Катрин, не в обиду будь ей сказано, утверждает, что один только вид римского штемпеля заставляет ее отворачиваться в унынии, когда приносят твои письма, что, впрочем, не мешает ей читать их или, вернее, с любовью и восторгом слушать, как их читают (эта восхитительная обязанность выпадает обычно на мою долю). Право же, чтобы стать совершенством, тебе не доставало лишь бедности: теперь она сделала тебя добродетельным и трогательным донельзя. Торжественное сообщение о твоих подвигах в живописи я читала со слезами на глазах и с полунедоверчивой улыбкой: проводить целые дни, копируя живые модели! — право, право же «это какое-то шарлатанство». Как нам всем хотелось бы увидеть твой альбом, только Вольдемар при этой мысли презрительно морщит губы; надо сказать, что презрение стало решительно самой характерной его чертой, привычкой его лица и его поведения. Он придет к нам завтра, гордый

успешным окончанием своих экзаменов и более чем когда-либо презрительный. А бедный Александр более чем когда-либо скучает в лагере без своего верного Аркадия, который, по особому к нему расположению Ганичева, до сих пор еще в городе. Он был здесь несколько раз, ибо не может, мне кажется, подолгу без нас обходиться, мы ему заменяем его семейство, а он для нас является братом.

Пятница утром, 5 июня.

Катрин была вчера в городе и видела Вольдемара, который только что блестяще выдержал последний экзамен, так что товарищи даже немного ему завидуют, и один из них, Васильчиков,² с которым он был связан дружбой, выразил удивление, что Вольдемар всегда получает четыре балла, тогда как он и другие только три с половиной, и, наконец, сказал ему: «На экзамене по истории, дорогой мой, вы отвечали не лучше нас и, однако же, получили больше баллов; я думаю, что на профессоров подействовала слава вашего отца». Вольдемар, который никогда за словом в карман не лезет, не преминул возразить: «Совсем как в прошлом году, мой милый, когда я думал, что эпюлеты вашего отца подействовали на профессоров в вашу пользу». (Он выдержал экзамены посредственно, а отец его всё время на них присутствовал.) На что Васильчиков ему ответил: «Хорошо, с этой минуты между нами всё кончено», — взял свою шляпу и ушел. Вот как мало Вольдемар считается со своими друзьями, и это в минуты успеха, который должен смягчать характер.

Знаешь ли ты, что Эрнест Стакельберг возвратился из Грузии; бледный, исхудавший, чрезвычайно изменившийся, он страдает грудью, куда был контужен, рука у него на перевязи вследствие падения; он соблюдает строжайший режим, не ест мяса, не пьет вина, говорит мало и всё меланхолическими изречениями, тебя, по его словам, он любит по-прежнему и через несколько недель рассчитывает увидеться с тобою за границей, ибо при таком состоянии здоровья не может возобновить службу. Как ужасна эта кавказская война, с которой офицеры возвращаются всегда больными и постаревшими на десять лет, исполненные отвращения к резне, особенно прискорбной потому, что она беспощадна и безрезультатна. Надеюсь, что никто из вас никогда на Кавказ не поедет. Александр, я уверена, не испугался бы этих трудностей, если бы не боялся причинить огорчение маменьке.

На днях я получила письмо от Александрины Гончаровой и Натали Пушкиной.³ Эта последняя пишет: «Вы хотите иметь от меня несколько дружеских слов для Андрея: сердце мое

слишком живо ощущает дружеские чувства, которые он всегда к нам питал, чтобы отказать вам в этом; передайте ему сердечный привет и пожелание совершенно восстановить свое здоровье!» В своем письме я писала ей об одном романе Пушкина *Ибрагим*, который нам читал Жуковский и о котором я, кажется, тебе в свое время тоже говорила, потому что была им очень растрогана, и она мне ответила: «Я его не читала и никогда не слышала от мужа о романе *Ибрагим*»; возможно, впрочем, что я его знаю под другим названием. Я выписала сюда все его сочинения, я пыталась их читать, но у меня не хватило мужества: слишком сильно и мучительно они волнуют, читать его — всё равно что слышать его голос, а это так тяжело!»

Мари Валуева вчера вечером приехала в Царское и очень довольна своей маленькой квартиркой; она просит передать тебе тысячу нежностей и очень благодарит тебя за постоянное к ней внимание, выходящее за пределы, предписанные природой. Прощай, мой дорогой Андрей, целую тебя и люблю со всею нежностью моего сердца. На днях я с кем-то разговаривала; меня спрашивают: «Думаете ли вы, что он воздаст вам сполна за это столь исключительное, столь пылкое чувство?» — «О, боже мой, конечно, нет, у меня и притязания такого не было, я довольствуюсь тем, что люблю его ради моего счастья, и к этому чувству не примешивается ни капли эгоизма». Еще бы, ведь притязать на то, что я тебе так же дорога, как ты мне, — это было бы нелепостью. Но любить тебя больше, чем можно выразить, это большое наслаждение в жизни!

Софи.

На обороте: Милостивому государю господину Андрею Карамзину в Баден-Баден, великом герцогстве Баден, близ Карлсруэ. До востребования. *В Бад-Баден*.

43. С. Н. Карамзина

18 (30) июня 1837 г. Царское Село

Ты не можешь представить себе, мой дорогой Андрей, то грустное впечатление, какое произвело твое милое, жалобное письмо¹ на всё наше семейство, собравшееся после обеда в гостиной, в тот момент, когда нам его принесли. Все надеялись узнать из него, что твои беспокойства кончились, и все испустили горестный крик, когда маменька прочла вслух первую, а затем последнюю его строчку; потом, как она сама тебе пишет, она заперлась у себя, чтобы прочитать его наедине, и вышла из

своей комнаты, рыдая так громко, что я насмерть перепугалась; кровь остановилась у меня в сердце, и я была почти счастлива узнать, что речь идет лишь о твоих опасениях; ты совершенно лишен здравого смысла, мой бедный брат, если способен хоть на мгновение вообразить и осмеливаешься нам сказать, будто столь долгое отсутствие изгладило тебя из нашей памяти! Это преступная нелепость, господин Андре!

Маменька была права вчера, в Дудергофе я так и не видела Александра, он не пожелал явиться на мое настойчивое приглашение, подкрепленное обещанием превосходного паштета, а это — выгода, которой ему не следовало бы пренебрегать, потому что обедает он обычно яйцами всмятку и куском сыра. Впрочем, вчера была очень плохая погода, всё время ветер и время от времени дождь, так что он мог думать, что мы вовсе не приедем. Это была очень забавная поездка, я много смеялась дурачествам других и очень промокла; дважды взбиралась на гору в короткие моменты прояснения, а спускалась во время грозы; всё общество очень сожалело об отсутствии Пьера,² чтобы изобрести разные фарсы; Вольдемар вел себя отлично и меньше обычного показывал презрение к бедному человеческому роду; в десять часов вечера мы вернулись домой и застали там графа Михаила Виельгорского, любезного, как никогда. Я целую ночь не могла уснуть, вспоминая его рассказы о привидениях, по поводу призрака, который будто бы является в Павловске, в покоях императрицы-матери:³ в полночь там ходит женщина со светильником в руке; повсюду удвоили стражу; призрака это не испугало, а бедные люди боятся ужасно. Вчера Валуев ехал сюда из Петербурга в дилижансе вместе с неким господином Сапожниковым,⁴ который прибыл нарочно, чтобы изучить и проверить этот случай. После дальнейшего осведомления Виельгорский и Мещерский собираются провести ночь в покоях, посещаемых призраком, и первый обещал нам с ним заговорить: хотелось бы получить, для пересказа тебе, какую-нибудь занятную историю, подкрепленную двумя столь почтенными свидетельствами.

В прошлое воскресенье был у нас Тургенев, который попросил почитать ему твои итальянские письма: сначала он ими восторгался, но в конце концов крепко уснул, так что я и читать перестала, а он продолжал громко храпеть. Вечером мы ездили по железной дороге в паровой карете:⁵ мне бы это очень понравилось, если бы не искры, которые прожгли мне платье (правда, мы имели неосторожность занять наружные места), так что я не знала, как добраться до госпожи Шевич, где была моя амазонка, и сесть верхом вместе с Лизой, Вольдемаром и любезным Пьером Абаમેлкою;⁶ был мягкий, тихий вечер, и

мы совершили чудесную прогулку, словно прощаясь с прекрасной погодой, которая с тех пор нас покинула. И мне, дорогой друг, нужно с тобою проститься, маменька уже несколько раз за мною посылала, приглашая к завтраку. Целую тебя и люблю с самой искренней, с самой пылкой нежностью.

Софи.

Пятница, 18/30 июня.

На обороте: Милостивому государю господину Андрею Карамзину в Баден-Бадене, близ Карлсруэ, великое герцогство Баден. До востребования. *В Бад-Баден*.

44. Е. А. и С. Н. Карамзины

24—25 июня (6—7 июля) 1837 г. Царское Село

Е. А. Карамзина

Четверг, 24 июня 1837. Царское Село.

Наконец-то, благодарение богу, чары нарушены, вот ты и покинул Рим, дорогой Андрей; я была в восторге, жадно отыскивая почтовый штемпель на твоём письме, увидеть на нём Флоренцию; но насколько больше порадовалась я за тебя твоей встрече с Репниным: ¹ наконец ты смог услышать утешительное слово о своих и успокоиться, ибо он сообщил тебе самые свежие известия; мы его встретили за два дня до его отъезда, в кондитерской лавке, — видимо, он запасался конфетами. Если б я могла предвидеть его встречу с тобой, как бы я воспользовалась его предложением доставить письмо. Постоянно твердят, что следует доверять только лишь почте, но я не из тех, которые обязаны этому верить, так как вот уже второй раз, что теряются на почте письмо и вексель. Пирлинг поражен и клянется, что никогда ничего подобного у него не произошло с другими. Неприятно это происшествие: иметь впереди возможность потери двух тысяч рублей, да еще и хлопоты, связанные с этим. Я должна ехать в Петерб.<ург> в субботу, чтобы повидаться с Пирлингом и уладить это дело так, чтобы передать ему денег как можно меньше, потому что в настоящее время у меня нет трех тысяч рублей, и мне очень не хочется черпать в ломбарде. После того, как я улажу так или иначе это дело с Пирл.<ингом>, я передам ему это письмо, и он сам отправит его с пароходом.

Ты пишешь мне, дорогой друг, что расходуешь столько денег не потому, что ты не экономен, но что дело, может быть, в отсутствии умения жить. Вот это-то больше всего меня и

огорчает: почему бы не дать себе труд усвоить науку, столь необходимую человеку, который небогат и имеет только строго необходимое. Твое путешествие — случайность, ну что же — ты израсходовал на него громадные, сравнительно с нашими средствами, деньги, но по крайней мере через несколько месяцев оно кончится; а вот каждодневное существование будет для тебя тягостно, потому что ты не сумеешь управлять им по своим средствам. Вот что причиняет мне настоящее горе, ведь это будет неисчерпаемым источником разочарований и неудовольствий; во всяком случае, мы будем молить бога, — быть может, он даст нам способ хорошо и разумно устроиться с тем, что мы имеем; мы же имеем неизмеримо много по сравнению со столькими другими лицами, нам знакомыми. Мы должны только уметь разумно устраиваться, не заглядываясь слишком часто вверх, но чаще глядя наравне и ниже. Как бы мне хотелось быть богатой, мои дорогие дети, чтобы давать вам деньги щедрой рукой, но увы! я вынуждена часто зажимать ее, чтобы всё, что она содержит, не утекло и не оставило бы вас ни с чем на будущее. Эта спасительная боязнь и дает мне силу бороться со всеми вами и, в частности, с тобой, дорогой Андрей. Читать тебе так часто нравоучения на эту тему, такую неблагодарную и, однако, такую важную, мне, которой хотелось бы говорить лишь нежные слова или то, что тебе бы нравилось!

Не поддавайся лени, беспечности, старайся побеждать свое отвращение к занятиям счётами; твой камердинер не должен быть твоим министром финансов, как *Семен* у Сашки, — это большая ошибка, — отдаешься связанным по рукам и по ногам своему лакею, и, конечно, он тебя одурачивает. Не правда ли, дорогой сын, я надоедаю своими проповедями, но кто же их будет читать и откуда вы услышите голос правды, как не из уст вашей матери, которую вдохновляет ее сердце и материнская забота о вашем благополучии? Твой насморк и кашель в Риме как будто царапнули мое сердце. Если ты вернешься с тою же склонностью к ним, как и прежде, это может привести в отчаянье. Заклинаю тебя, мой друг, посвятить всё свое время в Бадене лечению, не предаваясь развлечениям, которые наверняка представит тебе место, начиненное таким множеством народа. Постарайся делать так же, как делал в последнее время пребывания там, когда Гугерт нашел, что в твоём здоровье достигнуты огромные успехи. Я очень огорчена, что ты уже не увидишь там в. <еликого> к. <нязя>;² напомни ему о себе перед возвращением в Россию было бы очень кстати.

Вот уже неделя, как у нас стоит совсем неприятная погода: холодно, дождь идет по десяти раз в день, мы бы потонули

в грязи, если б нас не спасали прекрасные дороги. Но зато красота и свежесть растительности замечательны. Александр приехал к нам на три дня после маневров, из коих один день был посвящен поездке в Петербург для свидания с Эрнестом Стакельбергом, которого он еще не видал после его возвращения с Кавказа, потому что он всё время болеет и мечтает поехать за границу лечиться. Вчера к вечернему чаю у нас был Жан Балабин,³ который, наконец, получил отпуск на четыре месяца, чтобы ехать за границу из-за своего здоровья; он съедется там со своими или с семьей Уваровых, которые, говорят, его усыновили. Я поручила ему передать тебе тысячу нежностей и рассказать тебе, какими он нас нашел на нашем постоянном посту — за чайным столом, ведь это наша особенность для приезжих, вот так нас и застают всегда. Катрин мужественно продолжает свой путь; она на днях собралась было рожать, но отложила до первых дней июля. Да пошлет нам господь милость увидеть, что это торжественное событие произошло возможно более счастливо, чтобы ты порадовался, найдя еще одного члена семьи, которого бы ты мог полюбить.

Прощай, мой милый, мой дорогой сын. Прижимаю тебя к сердцу, благославляя с любовью и моля бога о его небесном покровительстве над тобой, дабы он вернул тебя в мои объятия и здоровым и невредимым телом и душой. После свиданья с Пирлингом я расскажу тебе, на чем мы порешили, в этом самом письме, которое закончу в Петербурге. Теперь же передам его Софи. *Целую тебя нежно. Христос с тобою и с нами! До свидания*. Я забыла побранить тебя за почерк, мой дорогой; он становится с каждым разом невыносимей; не хочешь ли ты, случайно, мне подражать? Во имя неба, в таком случае делай так, как я говорю, а не так, как я делаю, умоляю! Еще! Я хотела переслать тебе *Современник*,⁴ но князь Петр В. <яземский> сказал мне, что он отослал его еще в листах госпоже Смирновой, и я полагаю, что она тебе даст его. Скажи мне, получил ли ты от графини Паниной посылку с чаем, которую я просила ее передать тебе, и дошла ли она до тебя в хорошем состоянии и, главное, с хорошим запахом. *Чем богата, тем и рада*. Что же иное посылать тебе отсюда, как не чай или деньги; я их и посылаю столько, сколько могу.

С. Н. Карамзина

Пятница утром, 25 июня/7 июля.

Я очень рада, мой дорогой Андрей, и за тебя и за весь мир, узнав, что ты, наконец, находишься вне Вечного города,⁵ и нахожу, что ты очень умен и очень счастлив, что так им насла-

дялся. Твои прелестные описания прогулок во Фраскати и в Альбано⁶ заставили меня очень тебе позавидовать, особенно когда я думаю, что и мы могли бы их совершить, но пренебрегли этим. Впрочем, я представляю себе, что зимой эти чудесные места должны были быть куда менее пленительными, нежели в богатом убранстве лета, так хорошо, так живо описанном твоим поэтическим пером, — когда читаешь эти места твоих писем, кажется, что чувствуешь запах цветов, видишь их яркие краски, отдыхаешь с тобой в тени и слышишь концерты соловьев. Положительно сомневаюсь, что ты наслаждался всем этим больше, чем наслаждаемся мы, думая о твоих наслаждениях; твердо знаю о себе, что всегда мне хотелось бы плакать от радостного умиления, которое заставляет испытывать чтение твоих писем, но я делаю всё, что могу, чтобы удерживать эти слезы, потому что над ними смеются (как и следует быть), особенно дядюшка Вяземский, для которого твои письма сделались *русской шуткой* со мной.⁷ Как же ты счастлив, что тебе так тепло, мой дорогой Андрей! А мы дрожим от холода и три-четыре дня подряд не можем выйти из-за постоянного дождя, я уж не говорю о грязи, она дошла даже до непромокаемых дорожек сада. Бедные солдаты в лагере, как их жаль! Они плавают в море грязи и не имеют ни единого солнечного луча, чтоб согреться.

Александр приехал к нам сегодня утром, — вчера у них было ученье, длившееся с часу пополудни до девяти часов вечера и всё под проливным дождем. В прошедшее воскресенье Скалон и Аркадий Россет провели весь день здесь, а также и Головин, очень расстроенный большим несчастьем с конной гвардией; *ими хотели похвастаться и показать их на ученье, а они всё так спутали, что и сами разобрать не могли; половина полка пошла в одну сторону, другая в противную, и вышел такой ералаш, что государь, рассердившись, уехал и всех полковников и эскадронных командиров велел посадить под арест*. Вечером мы с Аркадием совершили прогулку верхом по воде в Павловск и много говорили о тебе и о радости твоего возвращения! Не забудь, что Катрин покидает нас в конце сентября на восемнадцать месяцев (нет полного счастья на земле), и постарайся быть здесь хотя бы в начале месяца, что будет гораздо лучше в смысле навигации, раз уже нет более речи о коляске. Скажу тебе по секрету, что Александр очень рассчитывал на то, что ты привезешь ее сюда, чтобы ее продать и заплатить ваши общие долги! Прощай, мой дорогой Андрей, крепко прижимаю тебя к нежно любящему сердцу и прошу передать от меня тысячу нежностей Смирновым.

Софи.

На обороте: Милостивому государю господину Андрею Карамзину в Баден-Баден, великое герцогство Баден, близ Карлсруэ. До востребования. В Бад-Баден.

45. С. Н. Карамзина

15—16 (27—28) июля 1837 г. Царское Село

Пятница утром.

Поздоровавшись с тобой, мой дорогой Андрей, начну с новостей о Катрин: она очень хорошо почивала уже садилась на постели, настроение у нее отличное, и Пьер¹ по ее желанию уже читает ей вслух. Малыш также чувствует себя прекрасно, а что касается до его повернутых внутрь ножек, то, несмотря на опасения маменьки, я совершенно спокойна, так как три врача — Арендт (который никогда не постесняется сообщить дурные сведения), здешний врач, говорят, очень искусный, и наш маленький Беккер подтвердили, что через несколько месяцев всё станет на свое место с помощью легкого бинтования, которое, быть может, будет стеснять ребенка, пока он к нему не привыкнет, но вреда ему не причинит. (Само собой разумеется, Андрей, что на это ты никак не должен отвечать, ибо Катрин об этом ничего не знает.) А бедный Александр вчера так и не приехал и сегодня его еще нет, а ведь ему так не терпелось увидеть Катрин, и он проявил совсем несвойственное ему и потому особенно трогательное беспокойство. Я думаю, однако, что он не может добиться увольнения лишь по собственной глупости: вот уже две недели как мы его не видали, а между тем за это время гусарские офицеры находили способ по несколько раз побывать в Царском Селе. Вообрази, госпожа Шевич говорит, что здесь собираются строить казармы для конной артиллерии, ее новгородской батареи. Какое счастье, прежде всего, если это правда, а затем если вас туда поместят, тем более, что железная дорога будет окончательно готова этой осенью.

Вчера, по случаю именин Вольдемара, мы устроили чай в его комнатах, украшенных и благоухавших цветами, словно будуар хорошенькой женщины. Этот мальчик вечно на себя что-то напускает! Теперь вот он обожает цветы, и, по его желанию, его приятельницы и *отношения* дарят ему букеты, розовые кусты и плющ. Что до отношений, то *их у него два* — Лили Захаржевская ради ее красоты и мадам Клюпфель ради редких растений, которыми она его снабжает. Он вылитый денди из романа. Я подарила ему прелестную шапочку с кистью, собственной работы; когда сделаю я такую же и для тебя? Уж во всяком случае не раньше твоего возвращения!

В прошлый вторник, в одиннадцать часов утра, к нам нагрянул Мальцов, как сумасшедший, а в два часа уехал обратно; он был сильно сбит с толку беспорядком нашей *кочевой жизни*, я повела его гулять, так как была единственной свободной в доме, вместе с Вольдемаром, который соблаговолил мне сопутствовать; он был в восхищении от средневековых сокровищ, хранящихся в Арсенале,² но, за исключением нескольких фраз по этому поводу, не лишенных здравого смысла, всё время говорил лишь про *исправников* и *квартильных*; если он будет подчиняться своим наклонностям ко всякой пошлости, то в конце концов на этом помешается. И сейчас иногда его странный смех по поводу всех этих гнусных ужасов, о которых он рассказывает с такой готовностью, заставляет меня содрогаться как признак умственного расстройтва. Каждые два дня мы с Валуевым катаемся верхом и стали с ним очень добрыми друзьями; я, однако, придерживаюсь прежнего мнения относительно его скудоумия, но нахожу, что в нем больше доброты, нежели я раньше предполагала, и, главное, в его поведении и чувствах много прямоты и благородства.

Обратимся теперь к твоему прелестному письму из Бадена,³ доставившему величайшее удовольствие, особенно потому, что оно имеет такой большой объем и оканчивается такими счастливыми сведениями о твоём здоровье. Тысячекратное благодарение небу, дорогой, дорогой Андрей, сердце мое переполнено радостью. Графиня Панина написала сестре,⁴ что ты отлично выглядишь и очень вырос. Надеюсь, что это обман зрения и ты ей показался столь непомерно высоким лишь потому, что она давно тебя не видала. Как я смеялась твоей встрече с твоим Ахатом,⁵ а мы-то терялись в догадках о том, что с ним случилось. Твое мирное свидание с Дантесом меня совершенно удовлетворило: я его немного опасалась.⁶ Передай Сашеньке Смирновой, что я ее целую и нежно люблю: так ли уж ложно думать, что ты в нее немного влюблен? На днях я получила письмо от Натали Пушкиной, она просит передать тебе привет. Она кажется очень печальной и подавленной и говорит, что единственное утешение, которое ей осталось в жизни, это заниматься детьми. Прощай, мой дорогой Андрей, покидаю тебя *преждевременно*, так как чувствую себя, не знаю отчего, так, словно мне сейчас станет дурно: *рука дрожит*. Нежно тебя целую.

Софи.

На обороте: Милостивому государю господину Андрею Карамзину в Баден-Баден, великое герцогство Баден, близ Карлсруэ. До востребования. *В Бад-Баден*.

46. С. Н. Карамзина

22 июля (3 августа) 1837 г. Царское Село

Твое письмо из Бадена очень забавно, если и не поэтично, мой дорогой Андрей.¹ Как ты увлекаешься светскими удовольствиями и как ты танцуешь! Я этому очень рада. Конечно, Гурерт, запретивший тебе танцевать в прошлом году, не позволил бы этого и теперь, если бы твое здоровье не было бесконечно лучше, какое счастье! Что касается твоей внешности, я совершенно согласна с маменькой; мы представляем себе, что ты должен быть очень некрасив в виде Андрея волосатого, да еще в такой момент, когда собираешься пуститься в flirtation;² я всегда боюсь называть графиню Эмму Борх² при Икскюле³ (который цепенеет от этого имени), и так как мы видим только его и я часто говорю о тебе, то это могло бы со мной случиться. Не говорила ли она тебе чего-либо об этом несчастном Икскюле, который чувствует себя несчастным оттого, что он никем не любим, и за отсутствием других чувств к нему внушает мне глубокое сострадание при виде его таким скучающим и навояющим скуку. Между тем злые языки говорят, будто госпожа Багреева⁴ продолжает быть к нему благосклонной и что именно из-за нее он и живет в Царском Селе. Мы часто видим их вместе, и они очень, можно даже сказать слишком, прилично держат себя друг с другом. Она добра и любезна, и я поняла бы скорей, что ее можно страстно любить, чем ей любить Икскюля. То, что ты рассказываешь нам о Дантесе (как он дирижировал мазуркой и котильоном),⁵ заставило нас содрогнуться и всех в один голос сказать: «Бедный, бедный Пушкин!» Не глупо ли было жертвовать своей прекрасной жизнью! И для чего!»

Вчера мы пили чай у госпожи Шевич — были ее именины, грустные именины, без единой тени гусара!⁶ *Загоняли и их на маневрах*. Лидия Шевич⁷ рассказала мне, что видела тебя во сне, возвратившегося из своего путешествия здоровым, но очень грустным, и когда она тебя спросила — почему, ты ей отвечал: «Потому, что все обо мне забыли, моя семья встретила меня так холодно, никто не радуется моему возвращению!» Помнишь, как ты писал нам из Рима о таком же точно сне? Она много смеялась, когда я рассказала ей о таком совпадении. Она и Антуанетта⁸ любят тебя всем сердцем и настоятельно просят меня списать для них некоторые из твоих писем, но маменька держит их под ключом. Прощай, мой дорогой Андрей, обнимаю тебя и очень нежно тебя люблю.

Софи.

¹ флирт, ухаживанье (англ.).

47. Е. А. и С. Н. Карамзины

30 июля (11 августа) 1837 г. Царское Село

Е. А. Карамзина

Пятница, 30 июля 1837. Царское.

Я печальна, недовольна, расстроена: около двух недель нет твоих писем, и я не знаю, что думать об этом молчании, жестоко меня ранящем. Болен ли ты, забывчив ли, почта ли меня мучает? Какая бы ни была тому причина, следствие очень тягостно для моего сердца; молю бога, чтобы это молчание не происходило от болезни, и постараюсь успокоить себя в остальном, хотя было бы очень дурно с твоей стороны, дорогой Андрей, заставлять меня страдать из-за твоей небрежности; ты знаешь, что не страдать жестоко, если нет от тебя письма, — это свыше моей воли. Ведь письмо от тебя — сокровище, которого я ожидаю в продолжение шести дней и, если седьмой проходит и ничего мне не приносит, тогда чело мое омрачается; если же так проходит тринадцать дней, то ты можешь представить себе, какую я испытываю тоску. Поэтому мне нелегко писать, не зная, каким тоном говорить с тобой. Но я великодушна и не хочу заставлять тебя испытывать тягость возмездия; скажу тебе, что все здоровы, что Катрин¹ проводит много часов в саду, не ради прогулки, но сидит под деревом с работой в руках, а ее муж читает ей мемуары мадемуазель Кошлэ о королеве Гортензии.² Это представляет картину picturesque.³ Прибавь к ней чудесную погоду; не так жарко, как было, когда я тебе писала последнее письмо, — у нас прошла гроза, освежившая воздух и очистившая атмосферу. Ожидают всю цар. <скую> семью сегодня к вечеру, так что Царское еще чище и еще ярче, чем когда-либо. Завтра гос. <ударь>, гос. <ударыня> и вел. <икая> кн. <ажна> Мария отправляются в далекое путешествие,³ а остальные члены семьи поселятся в Царском Селе до возвращения высочайших родителей.

Маневры и лагеря закончились сегодня, и я ожидаю с нетерпением Александра, думаю, что завтра он сможет приехать к нам и остаться на воскресенье — торжественный день крестин князя Александра.⁴ Сколько событий, торжественных и значительных, прошло в семье в твое отсутствие, мой друг, и оттого они были неполными. Кстати об Александре, он чувствует себя в затруднении, как бывает всегда, когда ему надо действовать; он должен обзавестись рыжей лошадью, чтобы остаться

¹ живописную (англ.).

в батарее, стоящей в Петерб. <урге>, иначе он будет вынужден отправиться в Ладугу или в Новгород, а так как он не думает продавать ни одной из своих лошадей, платить должна буду опять-таки я, хотя, правду сказать, я уже обессилена; но что делать — это необходимо. Так вот, ему никак не удастся подыскать подходящую лошадь, хотя ему говорили об этом еще зимой. А теперь, когда лагеря окончены и каждый должен явиться на место своего назначения, я очень боюсь, как бы его не отправили в одну из отдаленных батарей. Он должен еще через две недели выполнить большой план путешествия в Нижний, т. е. в наши имения;⁵ я хочу испытать это средство за неимением лучшего. По крайней мере, если он не сумеет навести порядок, он увидит поместье, состояние крестьян, он им скажет, что господа их не забывают и что, как только смогли послать к ним одного из членов семьи, поспешили это сделать. Может быть, этот шаг приведет к счастливому результату? Поездка займет двадцать восемь дней.

Карл Россет приехал нас навестить сегодня. Он мне сказал, что его сестра⁶ сообщает им, что ты вместе с ними отправишься в обратный путь на родину и что это будет только в октябре месяце. Я надеюсь, мой дорогой Андрей, что ты не будешь делать глупостей и что ни за что на свете не станешь откладывать свое возвращение, как только его сочтет возможным господин Гугерт. Я сама была бы счастлива, если бы ты проделал это путешествие в таком хорошем обществе, но если они останутся там надолго, я не согласна на столь большое опоздание. Я очень хочу, чтобы ты мне сообщил что-либо положительное на этот счет. Прощай, мой дорогой и добрый друг. Еще, может статься, день не пройдет без того, чтобы принести мне дорогое письмо от тебя; тогда я напишу тебе еще несколько слов, чтобы тебя за него поблагодарить и восславить бога за его милосердие. Прижимаю тебя к сердцу с нежностью, посылая тебе благословение и моля о благословении всевышнего на твою дорогую голову.

С. Н. Карамзина

Оно пришло, это дорогое письмо, сию минуту, в шесть часов вечера, после того как я, проволочив время столько, сколько смогла, всё время надеясь сначала увидеть твой почерк, а затем написать тебе, спускалась грустная и отчаявшаяся; на лестнице я увидела благословенного почтальона, этого раздатчика радостей, ему самому неизвестных (как ты очень удачно сказал однажды), хватаю письмо, бегу вручить его маменьке, думая, что сделаю ей сюрприз, но она уже сверху увидела, как он подходил, уже его расспросила и была так жестока, что послала

меня писать тебе, не зная еще ни слова из того, что ты пишешь. А посему моя досада падет на тебя за недостатком иного предмета, и я буду очень лаконична: я ограничусь, лишь мольбой к тебе — вернуться к нам в начале или, самое позднее, в середине сентября нашего стияя. Подумай о том, что Катрин уезжает наверное 26 сентября и было бы ужасно с твоей стороны лишить ее счастья обнять тебя и провести еще несколько дней с братом, с которым были так долго разлучены и которого любят так нежно! Мой бедный Андрей, как я была тронута твоим вниманием, тем, что ты купил мне часы! Раз уж это сделано, я буду их носить с радостью, но очень огорчена тем, что ты сделал этот лишний расход при твоих малых средствах. Прощай, прижимаю тебя крепко к сердцу, горячо тебя любящему.

Софи.

Е. А. Карамзина

8 ч. <асов> вечера.

Через шесть недель я прижму тебя к своему сердцу, дорогой Андрей, через шесть недель! Как и ты, я испытываю мучение от счастья, чувство суеверного страха отравляет сладкую мысль о свидании, едва осмеливаешься на ней остановиться. Я уповаю на милость господню. Сам не зная того, ты ответил на столь интересный вопрос о твоём возвращении. Я уверена, что ты счастлив до опьянения, думая о своём возвращении, о свидании со столькими предметами любви, когда наши сердца трепещут, ожидая тебя одного. Если ты совсем изголодался в смысле денег, дурачок ты этакий, почему не оставил себе копию векселя, это избавило бы тебя по крайней мере от некоторых затруднений. С будущей почтой я отправляю тебе 1500 руб. Прощай, дорогой, очень дорогой сын, до счастья свидания через шесть недель. Пишу эти строки под грохот с улицы, двор только что приехал. Софи поехала верхом, так же как и Лиза, Пьер, Карл Россет, а Вольдемар⁷ на своих *дрожах*. Ожидаю твое письмо через пять дней, ты мне это обещал, не отступай от своей точности — она так мне приятна, я прошу лишь несколько строчек. До свиданья, *Андрюшка милый*.

На обороте (рукой С. Н. Карамзиной): Милостивому государю господину Андрею Карамзину. Баден-Баден, великое герцогство Баден, близ Карлсруэ. До востребования. *В Бад-Баден*.

